

В
О
И
Р
О
Д
Н

2003

27

Two decorative, symmetrical flourishes resembling stylized wings or scrolls, positioned on either side of the number 27.

ВСТРЕЧН

2003

ВСТРЕЧИ

**АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК**

2003

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Редактор Валентина СИНКЕВИЧ

Соредактор Марина ГАРБЕР

Редакционная коллегия:

**Дмитрий БОБЫШЕВ, Евгений ВИТКОВСКИЙ,
Татьяна ГРИНДЛИНГЕР, Игорь КИСЕЛЕВ
Вадим КРЕЙД, Виктор ЛАЗУХИН,
Рина ЛЕВИНЗОН, Анатолий ЛИБЕРМАН,
Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН,**

Вольганг КАЗАК

Обложка Владимира ШАТАЛОВА

Данный выпуск альманаха "Встречи" опубликован при финансовой поддержке Марка и Софии Авербух. Редакторы и члены редакционной коллегии приносят им искреннюю благодарность за Грант им. Анны Хавинсон.

Library of Congress Card Catalog No.: 84-645937

ISSN: 0888-5257

ENCOUNTERS

7738 Woodbine Avenue

Philadelphia, PA 19151

U.S.A.

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

- Олег ИЛЬИНСКИЙ - Улыбка. Один раз. На воде. Вечерняя вода.
"Цени передышку..." Обновляя..." "Пространство..." В стороне.
"Белеет страница..." 7
- Валентина СИНКЕВИЧ - К столетию со дня рождения Бориса
Поплавского 11
- Борис ПОПЛАВСКИЙ - "Рождество расцветает..." "Солнце нисходит..." 12
- Елена ИНОЗЕМЦЕВА - "Там, где вы..." "А всё к чему..." "А что
ты хотела..." "не потеряться..." Снова о том же. Отголоски. 14
- Ирина БУШМАН - "Ты только сад..." "Он..." В Вероне проездом.
"Сперва... Полтора диалога. "Я могла..." Парафраз на Сологуба. 17
- Василий МОЛОДЯКОВ - "Повторяется всё..." "Призрак красоты..." 22
- Лев ЛОСЕВ - Памяти Вольфганга Казака. 25
- Валентина СИНКЕВИЧ - Вольфганг Германович Казак. 28
- Михаил МАЗЕЛЬ - Просто осень... Кофе со снегом. Синий вагон
метро. Октябрь. Дождь. Конец фильма. 30
- Александр ГРИЩЕНКО - "Я Родиной Тебя..." После спектакля.
Пауки и мухи. 'Апатурио 33
- Алина ЛИТИНСКАЯ - "И ничего не происходит..." "Я хожу..."
"Вьюга. Зима..." "Досадуя..." Портрет.
- Юрий ПОПОВ - Пражская весна. Ночной трамвай. Нищий.
Пародия. Карлов мост. Сотворение мира. 41
- Марина КУЧИНСКАЯ - "Не могу..." Cambridge. Парижское
танго. "Ты его никогда..." 44
- Рина ЛЕВИНЗОН - "О, женщин имена..." "Какой январь..."
"Как вод высокое..." "Прекрасна..." "Нет ничего..." "Эта легкость..."
"Идут дожди..." "Что уж придумывать..." "Ах, только б..." 48
- Анатолий ЛИБЕРМАН - Поэтическая биография. Из разговоров с
Александром Блоком. Диссидентский романс. Два сонета о
ничтожестве. 52
- Марина ГАРБЕР - Поэма одного. Libera. Люксембург. "Укутаться..." 56
- Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН - Ночная фантазия. "Горизонт..."
"Мечта случайна..." "Медлительно плывет..." "Провода..."
"О, медитации услада..." 60

Ольга КОЛЬЦОВА - "Друг за друга..." "Братство воздушное..."	
"Эти подмокшие..." "...А ты о ней..." "Воздушный мост..."	
Длинной ноте..."	63
Сергей ГОЛДЕРБАХ - "Я под ноги..." "Ты вернулся..."	
"Ты рос зверенышем..." "Перед войной. "Одежда..." Мыши	67
Евгения ДИМЕР - Не спится. Светофоры.	72
Лев ЛЕНЧИК - Рождение слова. Наитие. Поэт и богач.	74
Ольга РОДИОНОВА - "Из диких стран..." "Сбежавшие..."	
"Ах, разве это жизнь..." "Пой, запечный сверчок..."	77
Нина КОРОЛЕВА - "Мама - овен..." Размышление о Тайной	
Вечере. "Вроде откровения..." "Когда уйду..."	
"Я вспомнила..."	81
А. ПУШ - "Мой серый кот..." "Где ручей течет..."	
Вильямсбургский мост. "Выцвелась луна..."	84
Татьяна ГРИНДЛИНГЕР - Больна. Еще лето. Октябрь.	
The Russians are coming!	87
Виктор ФЕТ - Природа. Средняя Азия. Бадхыз и Репетек.	
После распада. Время и слово.	91
Любовь ЗИНОВЬЕВА - Неизвестному гражданину СССР.	
"Бывает день..." "А у нас..." "Я жив..." Из цикла "Нью-Йорк"	94
Виталий РАХМАН - "Параллельны туманности..." "Глухо в	
трубку..." Рождество в Нью-Йорке. "Осевший снег..."	98
Геннадий ГОЛОВИН - Память о России. "Я проникаю..."	
Курган. Барышня Настя. Земная жизнь.	102
Евгений ВИТКОВСКИЙ - Записки Ариэля.	106
Валерий ПЕРЕЛЕШИН - Перелом. При получении розы. Встречи	
и прощания. Над морем. Ветер.	107
Ираида ЛЕГКАЯ - 11 сентября 2001	112
Николай ДУБОВИЦКИЙ - Далеко от родины. Мчались кони.	113
Светлана СОЛОЖЕНКИНА - "Кто там..." "Зной - колокольня..."	
"Выйти в жизнь..." "Снег холоден..." "Чтоб написать..."	
"Как покрывают..."	115
Яков ХРОМЧЕНКО - "Где-то судьбы..." "Погасли звезды..."	120
Раиса РЕЗНИК - Мой персонаж. Ты говоришь...	121
Владимир БАТШЕВ - Хазар. "Как первые капли..."	
"Из окна гляжу..." "Мне уже ничего не надо..." "Размять,	
разорвать..."	125
Надежда МАЛЬЦЕВА - Квартет для ветра и корабельных	
склянок. Медленный кант. Ключок лоции. Кенотаф.	129
Лев ЛОСЕВ - Опять нелетная погода.	133
Марина ТЕМКИНА - "Может быть..." "Большие очертания..."	
Ленинградская школа. "Есть страна..." "Как	
по жизни..." Aurora Borealis.	134

Юрий РОЗВАДОВСКИЙ - "Домой, домой..." "Ничего не случилось..." Огайо. "Не бывает конца..." "Снова осень..."	137
Лина ВЕРБИЦКАЯ - "Десять лет..." "Ниагара. "Заскочить..." "Племя на племя..."	141
Георгий САДХИН - "Мешки облаков..." "Марево над морем..." "Под мостом..." "Еще золотокудрое утро..."	143
Ирина МАШИНСКАЯ - 40 строк. Ну, а теперь?.. Ты. А вот так. Говори. Вина.	146
Владимир ЗАХАРОВ - Голубые грибы. Заклинания. Изумруд.	150
Наталья ОРЛЯРСКАЯ - Из цикла "Времена года". "Леший лыжу поломал..." Аутотренинг.	154
Николай СУНДЕЕВ - "Была ли то..." На горной дороге. "На удивление..." "День осиянно светел..." "И после..." "Сад и снегопад..."	158
Татьяна МАМОНОВА - Отпущение.	162
Михаил РОТОВ - Белая Церковь. Другу.	163
Инна КУЛИШОВА - "Когда-нибудь..." Расстроенный квартет для одной струны. "Проволока лет..."	147
Мария ШКОЛЬНИК - "Кусочек флоридского неба..." "Пятница вечер..." Старый дом.	169
Елена АКСЕЛЬРОД - "Как трудно..." "На постройню..." "Да, вечность..." "Мой взгляд..." "Кому - успех..."	172
Фрэнди ЗОРИН - Из цикла "О времени и пространстве". "Мне скажут..." "Плывут обломки..." "Мелодии..."	176
Лия ВЛАДИМИРОВА - Август в Тарусе. Земляника. И, подобрал слова..." "Какая царственная ночь..."	179
Михаил ЧЕРКАССКИЙ - Бабье лето. Сказка о змее, а проще - "О теще".	182
Марина КРАВЦОВА - Старый город. Петербург. Хрустальная ночь. "Мое место..." Лестница.	184
Регина ДЕРИЕВА - MEA MAXIMA CULPA. Из "Шведской тетради" "Все разъехались..."	188
Глеб ШУЛЬПЯКОВ - "Ты живешь..." "Я о том же..." "написать бы про город..."	191
Маргарита КУЧУКОВА - "Я пыталась сберечь..." "Пришла зима..." "Как это страшно..." "То, что не любишь..." "Я хочу, чтоб..." "И спящему Принцу..." "Твой профиль..."	194
Леонид ШКОЛЬНИК - "Про долгую осень..." "Сырое утро..."	198
Нора ФАЙНБЕРГ - "Женщина зажигает..." "Ничего нет на свете..." "Сквозь тучи..." "Ну, что ж, скажу..." "Думаете, я иду..." "Как вещи умеют..."	200

Роман ЛЮБАРСКИЙ - "Ершалаимских сумерек..." "К душистому сумраку..." "Да, мне дорого..." "Поселите меня..." "Маму схоронили..." О природе любви.	204
Елена ДРОЗДОВА - Веронике. "Заклепки круглые..." "Я уйду в леса..."	207
Владимир ДОБИН - Солнце. Дом. "Как много вмещает..." Под небом голубым. "Не перечь..."	211
Валентина СИНКЕВИЧ - Высокий город. Весна. Каменный ангел.	215
ОБ АВТОРАХ	219-223

И С С К У С Т В О

Валерий СЫРОВ - Начало зимы.	21
Виктор ЛАЗУХИН - Флоренция.	47
Сергей ГОЛДЕРБАХ - Дед с мешком.	71
Вмталий РАХМАН - Этюд № 1.	101
Михаил ЛАЗУХИН - Былое.	119
Ксения ГАМАРНИК - Лик и лицо.	157
Вероника ГУШУРОВА - Юрий Рябов. Дружеский шарж.	175

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

УЛЫБКА

Велит проститься с письменным столом
Тупая смерть, распад увековечив,
Покинуть Космос, как уютный дом,
И подтвердить дурную бесконечность.
Но я себя испепелить не дам,
Мне улыбнется горная обитель -
Небытием измученный Адам
В последней схватке будет победитель.

2003

ОДИН РАЗ

Серп месяца над гольфовой площадкой,
Березы затихающая дрожь:
Нам с летним вечером не хочется прощаться,
Ведь этого сиянья не вернешь.
Кто нас уверит, что в июне тридцать
Подобных дней подобрано для нас,
Ведь даже строчка может повториться,
Конкретный день - он длится только раз.
Тот блеск коры активен был настолько,
Что в нем терялся даже блеск реки.
Естественно, что дело ведь не в гольфе,
К тому же - вовсе мы не игроки.

2003

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

НА ВОДЕ

Железо позванивает, вздыхая,
Черные сваи стянуты стальной бечевой,
Водяная крыса сидит на влажном камне
И в неглубокую воду уходит с головой.
Солнце заходит, солнце встает,
От ритма суток не отступая,
Чайка садится на красный буюк,
Или светится на черной свае.
Океан пенится и пожимает плечами
И в сушу вкатывает - звуку его внемли,
А в гавани, на вечном причале
Ржавеют старые корабли.

2002

ВЕЧЕРНЯЯ ВОДА

Хотелось бы навеки уберечь
Вечерний свет, часам не покоряясь,
И эту ненавязчивую речь
Лесистой влаги, моющей корягу.
О тишине говорено не раз,
Но всё-таки, в десятый раз заметим,
Что тот озерный вечер без прикрас
Последней этой тишиною светел.
Светящееся пятнышко легло
В изгиб ствола. А шорохи так чутки,
Что, подвернув головку под крыло,
Заснет в осоке отраженье утки.
В последний мой, предсмертный миг, когда
Вечерний блеск померкнет, догорая,
Приснится мне вечерняя вода
И эта говорящая коряга.

2002

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

* * *

Цени передышку и пульс приглуши,
Как поезд на тихом разъезде,
Живи в необъятном пространстве души,
В обителях чистых созвездий.

* * *

Обновляя свечение вечных квартир,
Чтоб сияли они, не старея,
Сонмы ангельских крыльев колеблют эфир,
Созидаю пространство и время.

* * *

Пространство исчезает в скоростях
И время блекнет, самоотменяясь,
Но остается мыслящий костяк,
В нем – бытие и ритмы океанов.

2003

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

В СТОРОНЕ

Усталый от былых заслуг,
Дождем и солнцем переженный,
Там доживает конный плуг,
Лет шестьдесят, как отпряженный.
Ослепшие от темноты,
Ничьих мечтаний не тревожа,
Перетлевают хомуты,
Обтянутые прочной кожей.
На сером полупустыре,
В какой-то косоротой яме,
Дремучий жернов на дворе
Забыт в разросшемся бурьяне.
А дом - в сторонке. Поворот
Я поначалу не заметил:
Там кто-то всё-таки живет,
Там по ночам окошко светит.

2003

* * *

Белеет страница. Проба пера!
Перо на мгновенье повисло:
Даже, если я только шахматная игра,
Во мне уже созданы смыслы.
Балласты долой! Не витийствовать зря,
Будь этим мгновеньем доволен:
Свежее эфира сквозная заря
Гуляет над шахматным полем.

2003

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

Борис Юлианович Поплавский – поэт, прозаик, эссеист, родился в 1903 году в Москве, погиб в Париже в 1935 году.

В Константинополе, куда Поплавский эмигрировал в двадцатом году вместе с отцом (мать осталась в России), он с Владимиром Дукельским, будущим известным американским композитором Вернон Дюком, основал Константинопольский цех поэтов. Через год Поплавский переселился в Париж. Здесь он влачил, как и многие молодые (да только ли молодые!) русские эмигранты, почти нищенское существование.

Поплавский был мистически настроен, увлекался аккультными науками, писал дневники, которые, несомненно, представляют огромный интерес для исследователей русской зарубежной жизни постреволюционного периода.

В эмигрантской периодике ("Воля России", "Звено" и др.) появлялись романтические стихи Поплавского, с явным влиянием Блока, с влечением к надреальному и чертами, близкими поэзии Рембо и Бодлера. Его критиковали за незавершенность формы, за ритмическую неровность стиха. При жизни Поплавского вышел всего один его поэтический сборник – "Флаги" (1931), благосклонно встреченный маститыми критиками: Г. Иванов, Г. Адамович, В. Ходасевич... Последующие – "Снежный час" и "В венке из воска" вышли в тридцатых годах, но уже после смерти поэта. А ближе к нашему времени – в издании университета Беркли был опубликован трехтомник произведений Поплавского (1980–81) и в Москве – книга "Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма". (1996).

До сих пор нет единого мнения о причине трагической смерти поэта, до сих пор не приходят к единому выводу: была ли его смерть результатом несчастного случая, убийства, или самоубийства? Виноват ли тяжелый эмигрантский быт или характер поэта, склонный к отрешенности, к мистическим исканиям, включавшим применение наркотиков.

Но нужно ли, да и возможно ли установить причину смерти сейчас, если не смогли установить ее тогда, своевременно? Знаменательно лишь то, что интерес к творчеству Бориса Поплавского не иссякает и по сей день. До сих пор публикуются его произведения и пишутся статьи о поэзии и прозе рано погибшего поэта "потерянного поколения".

Мы публикуем два стихотворения Поплавского, взятые из антологии "На Западе" (Н.Й., 1953).

Валентина Синкевич

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

* * *

Рождество расцветает. Река наводняет предместья.
Там, где падает снег, паровозы идут по воде.
Крыши ярко лоснятся. Высокий декабрьский месяц
Ровной, синюю нотой звучит на замерзшем пруде.

Четко слышится шаг, вдалеке без конца повторяясь,
Приближается кто-то и долго стоит у стены,
А за низкой стеной задыхаются псы, надрываясь,
Скала белые зубы в холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
Отчего всё темно и очерчено четко везде?
За стеной Новый Год. Запоздалых трамваев звучанье
Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде.

Как всё чисто и пусто. Как всё безучастно на свете.
Всё застыло, как лед. Всё к луне обратилось давно.
Тихо колокол звякнул. На брошенной кем-то газете
Нарисована елка. Как страшно смотреть на нее.

Тихо в черном саду. Диск луны отражается в лейке.
Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?
Далеко за луной и высоко над жесткой скамейкой
Безмятежно нездешне млечное звезд торжество.

Всё как будто ждало, и что спугнута птица шагами
Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны,
Осыпая сиянья, как долго мы были врагами
Тишины и природы, и всё ж мы теперь прощены.

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

* * *

Солнце нисходит, еще так жарко,
Но в воздухе осень и парк поредел.
Так ярко горят лимонады в хибарке
И желтые листья газет на воде.

Еще мы так молоды. Дождь лил всё лето,
Но лодки качались за мокрым стеклом.
Трещали в зеленом саду пистолеты.
Как быстро, как неожиданно врямя прошло.

Так поздно в окне синева отражалась,
И месяц вставал над фабричной трубой.
Душа мироздания - Надежда на жалость, -
Быть может мы летом простились с Тобой.

Так тише и чище. Молчит в амбразуре
Высокой тюрьмы арестант на закате,
И в ярком сиянии осенней лазури
Свистит паровоз на кривой эстокаде.

Вагоны качаясь уходят на запад.
С бульвара доносится шум карусели.
Он смотрит в сиянии, не хочется плакать.
Как пыльно и кротко отъездов веселье.

Над башней проносятся поздние птицы.
Как быстро о солнце листва забывает.
Рука открывает святые страницы.
Глаза закрываются. Боль убывает.

ЕЛЕНА ИНОЗЕМЦЕВА

* * *

Там, где вы выросли, мне не осталось места.
Плющ и веранда, и крепкий сосновый стол.
Послеполуденной дремой а ля сиеста
город захлебывается. Под навесным мостом -
рыбы с глазами безжизненными (как куклы),
все - муляжи, только мрак неживой воды -
в белых зрачках. Но гортань протыкают буквы,
разноголосые, стонут на все лады...

Там, где вы выросли, мне не осталось места...
Речка мелеет, бузует бурьян у ног,
кураца квохчет на сирую жизнь с насеста.
Вот уже сумерки, вот и совсем темно...
Буквы сложились в слова, но сказать - нет силы.
Рот открываешь рыбой, а скажешь - суть
слов ускользает, и фразы твои массивны,
и различаешь только: «Не обессуд!»

Здесь, где вы выросли, место обжито вами.
Книг моих нет, и тетради мои пусты.
Я и сама - отголосок... Над головами
бывших детей, Богоматерь, сложи персты.

* * *

А всё к чему? Прожит «сегодня» день,
и «завтра» день сравняется с закатом.
Накидку цвета осени надень,
и повторяй: «Ни в чем не виноваты

ни ты, ни я...» За этих журавлей,
за всё - прости и вечное «курлыку».
И даже об ушедшем не жалея,
и даже к уходящему привыкни.

ЕЛЕНА ИНОЗЕМЦЕВА

* * *

А что ты хотела, ведь это - зима.
Зима без начала, в неброском обличье:
Короткие трубы, сырые дома,
Высоко над городом - возгласы птичьи.

А что ты хотела, ведь это - разрыв...
Ведь это - разлука, прощанье со стаей.
Последняя ласка - ладонью коры,
И первый, нелепый - к полудню растает -

Снежок на тропинке... да, это зима:
Ее очертанья, дыханье, предвестье...
Часы, за которые сходишь с ума,
Под жалобный скрип ржавой кровельной жести, -

Да что ж ты хотела, раз это зима, -
Безлика, бездушна - за рамой оконной.
Вот так же по комнатам ты и сама
Всё бродишь - живой говорящий покойник...

Одна во всем мире, нелепо одна.
В слепой полынье, точно Серая Шейка...
А что ты хотела, ведь это - зима.
Точнее, всего лишь ее приближенье...

* * *

не потеряться в старых листах газетных
не раствориться букв миллиардом
кто ты душа моя робкая как Козетта -
девочка в рваном переднике... рядом -
так по сюжету - кто-то большой и сильный
он защитит он спасет он накупит платьев...

а потолок мы покрасим в небесно-синий
чтобы дышалось легче, вольней в палате

ЕЛЕНА ИНОЗЕМЦЕВА

СНОВА О ТОМ ЖЕ

Засыпать и просыпаться с той же мыслью:
всё - неладно, но неважно и не страшно.
Входит осень, нарисованная кистью,
в небольшой твой городок пятиэтажный.

Вкус провинции: вкус хлеба и кислицы.
Запах гари (жгут костры) и запах рыбы,
там, где баржи... Если он тебе приснится,
этот город, из которого ты выбыл
(не уехал, не сбежал, но протокольно,
по-чиновничьи, не значишься в прописке), -
если вспомнится, то тропкою окольной,
той, которая и выведет на пристань -
там, где ветер.. где раздаривает тополь
серебро свое заезжим проходимцам.
Что он дал тебе, твой город, - горький опыт
подражания бродяжникам и птицам?

Зов Несбывшегося чувствуется кожей:
дрожью листьев, невесомостью пространций...
Пониманием того, что невозможно
ни уехать, ни вернуться, ни остаться.

ОТГОЛОСКИ

Так, для сравнения: всего лишь на пять этажей
ближе до неба и дальше до дома на пять
тысяч км, и дурацкий вопрос: «неужели
всё повторится?» - как пошлая рифма на ять.
Вновь смысл жизни отыскивать в жгучих чайниках,
свет погасить и включить непременно «Агату...».
Да, всё проходит, но годы с тобою галантны...
В центре Европы скучать заблудившимся инком -
иноком времени: «сладок лишь миг узнаванья» -
тоже ведь сказано, тоже губами чужими.
Карточный домик, построенный мальчиком Джимми,
с бойкой синицей и бежевым кафелем в ванной...
Слушать «Агату», а после - «Любэ» про Аляску.
Старыми ритмами в новые улицы влиться.
Иноки времени... милый мой брат бледнолицый,
всё повторится, но с новой - смертельной - развязкой.

ИРИНА БУШМАН

* * *

Ты только сад,
и ты прозрачен был весной,
но нынче голос твой,
осенний и лесной,
окреп
или охрип, -
но стал неузнаваем,
как будто человек в английском пиджаке
заговорил со мной на древнем языке
и я стою пред ним -
глухонемая.

Должно быть, завтра меж твоих вершин
совсем иначе ветер зашуршит,
то в янтаре,
то в пурпуре играя.
Но этот лишний день -
на стыке двух времен,
не позолочен
и не обагрён,
ты не посланник,
а изгнанник Рая.

* * *

Он -
до последнего оконца,
шага,
лица -
битком набит
ударом солнца,
чувством конца,
за мигом миг -
неудержимей
и всё погожей...
Последние минуты в Риме
на казнь похожи.

ИРИНА БУШМАН

В ВЕРОНЕ ПРОЕЗДОМ

То сиреневы,
                                  то белы -
серебристы у них стволы -
увлекли меня деревца
вдоль по улице
                                  до конца,
а в конце -
                                  ни садов,
  ни дворцов,
только серый бетон домов.

Обманул акварельный узор,
расстелился легкий ковер?

Но шептали мне ветерки,
перекатывая лепестки:

Ах,
                                  всегда хорошо что-нибудь -
или цель,
                                  или путь...

* * *

Сперва
                                  корнями в прошлое вращаем,
потом
                                  мечтами в будущем парим...

А то,
                                  что исчезает за окном -
                                  сегодняшний
  мгновенный Рим -
тот мир,
                                  который завтра не найдем,
затем,
                                  что каждый миг
  неповторим.

ИРИНА БУШМАН

ПАРАФРАЗ НА СОЛОГУБА

...в мире ты живешь с людьми...

Ты подумай
и скажи:
где проходят рубежи
между правдою и ложью,
так на истину похожую,
что хоть пальцем покажи?

Ты послушай,
не смолчи,
как и в полдень,
и в ночи
голос жертвы
хваткой мертвой
обрывают палачи...

Ну вот видишь:
ты уже
ты шагаешь по меже
между правдою и ложью
(зовом бесьем -
Гласом Божьим)
и скользишь на рубеже...

(ПУБЛИКАЦИЯ ЕВГЕНИЯ ВИТКОВСКОГО)

Стихотворения Ирины Бушман переданы мне как для публикации в России, так и за рубежом. С 1992 года от Бушман нет известий; по косвенным данным она уехала в Италию. (Прим. публикатора)

Валерий Сыров.

НАЧАЛО ЗИМЫ.

Монотип.

ВАСИЛИЙ МОЛОДЯКОВ

*Как в повести старой,
Мы пройдем вдоль Тверского бульвара
Вдвоем.*

Валерий Брюсов

*Обручальные кольца Садовых
Раскует и скует Москва.*

Николай Эрлман

Повторяется всё.
Всё, что было не с нами
И что еще будет не с нами.
Наши судьбы
Рсчислены мудро заране,
Не нам их оспорить дано.
Мы пройдем
Вдоль Страстного бульвара,
Как чудными было стихами
Нам предсказано
Верно и прямо,
Хоть очень и очень давно.

Будет раннее утро,
А может быть, сумрак,
А может быть, полдень палящий.
Будет много людей,
Иль немного совсем,
Или будут аллеи пусты.
Мы с тобою живем
Не прошедшим иль будущим,
А одним настоящим.
Лишь в одном настоящем
В пути
Повстречалась мне ты.

ВАСИЛИЙ МОЛОДЯКОВ

Нам с тобой
Быть вдвоем суждено -
Повторяю я это сегодня
И упрямо я верю
В свою правоту
И в скрещение наших путей.
Эта связь пусть случайна -
Все связи случайны -
Но ныне свободней
Ощуаю себя,
Пролагая свой путь
Средь обыденных дней и людей.

О прошедшем - забыть!
Я сегодня спокоен
И, кажется, счастлив.
То, что было,
То было когда-то
И вспомнится может едва.
А когда я с тобой,
Сердце бьется сильней,
Но не рвется от боли на части,
И Садовых кольцо
Нам на счастье скует
Молодая Москва.

В этот раз ты
Мечту не сочти
Вольнодумной и странной.
Об одном мои мысли -
За книгой, на улице,
В дождь иль туман -
По бульвару Страстному
Пройдем мы с тобой
Этой осенью ранней.
Золотая пора
Для поэтов и всех,
Кто московскою осенью пьян.

ВАСИЛИЙ МОЛОДЯКОВ

Мы пройдем по бульварам.
По тихим аллеям,
Запущенным паркам,
Избегая широких проспектов,
Больших площадей,
Что пылают рекламным огнем.
Рады будем с тобой
Солнцу мягкому, листьям летящим,
Всем краскам осенним неярким.
И тогда, может быть,
Ты поймешь навсегда
Всё, что в сердце таилось моем.

1989-1998

Нет пропасти и нет вершины...

Владимир Святловский

Призрак красотки гулял по Парижу.
Город был странен и мне не знаком.
Ведать не ведаю, что там увижу,
Но говорю я его языком.

Скажет мне ласково гаснувший вечер:
«Ты, наконец, возвратился домой».
Что наши клятвы, признания, речи -
Всё отступает пред новой зарей.

Тщетно томилась твоя Коломбина
В царстве обманном лукавых зеркал.
Пропасти нет. Но зато есть вершина -
Не упусти же того, что искал.

2/3 сентября 1997

ЛЕВ ЛОСЕВ

ПАМЯТИ ВОЛЬФГАНГА КАЗАКА

(20 января 1927 - 10 января 2003)

Мне было семь лет в последний год Второй мировой войны. Ленинград был немногочислен. Миллион его жителей умерли от голода, погибли в бомбежках и артобстрелах. Иные ушли на войну. Иных эвакуировали вглубь страны. Едва ли не в каждом квартале были руины. Часть нашего большого, занимавшего полквартала дома тоже была разрушена. Утром во двор приезжал открытый грузовик. Под присмотром вооруженных карабинами конвоиров из него вылезали тощие люди с синеватыми лицами и потом целый день ковырялись в развалинах, разбирали на кирпичи. Как и все мальчишки во дворе я смотрел на них со страхом и ненавистью - пленные немцы! Осенью сорок четвертого вернулся с фронта мой демобилизованный по ранению отец. Однажды утром он завернул в бумагу хлеб, вареную картошку, что-то еще из нашего нехитрого тогдашнего рациона, дал сверток мне и сказал: «Отнеси немцам». «Но они же фашисты!» - изумился я. «Они - голодные, - сказал отец и добавил то, что сейчас прозвучит высокопарно, но тогда поразило меня как неожиданная истина. - Победители должны быть великодушны».

Вблизи немцы были похожи на старшеклассников из нашей школы. Они улыбались и говорили: «Данке, данке...». Мне всё равно было страшновато. Но потом я привык. Заметив мои контакты с неприятелем, свертками с едой стали меня нагружать и наши соседи по лестничной площадке, замечательный писатель Евгений Львович Шварц и его жена Екатерина Ивановна.

В жизни всё рано или поздно рифмуется. Сорок лет спустя, в 1984 году, в Кёльне я много говорил о Шварце с моим немецким другом, заведующим институтом славистики Кёльского университета Вольфгангом Казаком. В славистической серии издательства Загнер, главным редактором которой был Казак, готовилась к выходу моя книга об эзоповом языке в советской литературе. Одна глава там была посвящена пьесе Шварца «Дракон». Одновременно я готовил для парижского издательства «Ля пресс либр» книгу мемуарных рассказов Шварца. Казак в то время как раз очень внимательно читал Шварца. Это было связано с его интересом к трудному вопросу об отношении между официальным

и неофициальным в подсоветской литературе.

Именно эта проблема была центральной в разносторонней научной деятельности Вольфганга Казака. Главное его детище - дважды переиздававшийся, переведенный на русский и на английский «Словарь русской литературы» критиковали за то, что он включил туда много статей об официальных советских литераторах. Первое издание словаря вышло в тот момент, когда среди западных русистов и в эмигрантской среде шли горячие дискуссии на тему «Одна или две русские литературы?» В справедливом гневе на скверную советскую власть и ее литературных подпевал многие видели непреодолимый рубеж между литературой свободной, подпольной, неподцензурной и соцреалистической, т.е. разрешенной и одобренной. Такой подход был абсолютным отражением советского в идеологическом зеркале. Глубоко презируя тоталитарный советский строй и его идеологию, Казак, тем не менее, понимал сложную диалогическую природу литературного процесса, в котором свободное слово Солженицына откликается на несвободное слово Шолохова или Константина Симонова, в котором сатира Шварца пародирует воспевание тирана и тирании в сочинениях Алексея Толстого или какого-нибудь ничтожного Петра Павленко.

Занимался Шварцем Казак с изумительной «немецкой» доскональностью. Даже приходил вместе со студентами на мой семинар - а вдруг там прозвучит что-то такое о Шварце, чего он сам не вычитал в книгах Шварца, в статьях и диссертациях о нем на русском, немецком, английском и других языках. По-русски он, кстати сказать, говорил, как мы с вами, и многие думали, что он русского происхождения, тем более фамилия такая Казак - казак.

Но нет, был он чистокровный немец. Отец его, Германн Казак, весьма известный в двадцатые годы писатель-экспрессионист. Если и была какая-то связь с казачеством, то она потерялась в глубине веков: до шестнадцатого века Вольфганг мог проследить свою немецкую генеалогию, а ранее - кто знает, может, и был какой-то казак, осевший в неметчине во времена Ивана Грозного. Мы шутили по поводу его казачества и, когда книга прозы Шварца с моими комментариями вышла, я надписал ее Вольфгангу так: «Дорогой профессор Казак, Шварц - не только автор сказок, он и в прозе был мастак, уважаемый Казак». Русский он знал настолько хорошо, что мог посмеяться и такой чепуховине.

Русскому языку Вольфганг выучился так здорово не на школьной скамье. Зимой сорок пятого года его, мальчишку из антифашистской семьи, замели в армию и он тут же попал в плен к русским. Нет, его отвезли не в Ленинград, это было бы уж

слишком большим совпадением. Его отправили куда-то в Поволжье. Там было очень холодно и голодно. Пленные мерли, как мухи. Стал загибаться и Вольфганг. И спас его - офицер сталинского МВД. Стал прикармливать из своего пайка. Потом пристроил в теплое место, на кухню. Почему? «Я был мальчишка, он меня пожалел», - просто объяснял Вольфганг.

Веру в то, что существует цепь добра, что даже в душах людей, изуродованных Гитлером или Сталиным, может проснуться сочувствие и сострадание, он сохранил на всю жизнь. Этот суровый на вид чужак и педант сделал очень много добра тем, с кем сталкивался на жизненном пути. Когда я услышал весть о смерти Вольфганга Казака, я вспомнил, как однажды разговор зашел у нас о его учителе, известном русско-украинском филологе-эмигранте Дмитрие Чижевском. «Он ведь, кажется, верил в нечистую силу, вешал в углу кабинета букет тысячелистника, чтобы черти не заводились», - сказал я. «Тысячелистник действительно от этого помогает», - сказал Вольфганг. Он был мистик. Верил в перевоплощение. Теперь всякий раз, как доведется столкнуться с серьезной, деятельной добротой незнакомца, я буду думать: «Уж не Вольфганг ли это?»

С СОБОЙ НА ПАМЯТЬ

В. Казаку

Что я вспомню из этих дней и трудов -
с колоколен Кельна воскресную тишь,
некоторое количество немецких городов,
высокое качество остроконечных крыш,
одиночество, одиночество, одиночество, один
день за другим одиноким днем,
наблюдение за почтальоном из-за гардин,
почтовый ящик с рекламкой в нем,
превращение Америки в слово «домой»,
воркотню Би-Би-Си с новостями дня,
отсутствие океана между мной
и местом, где нет меня.

Август 1984 г.

Это стихотворение Льва Лосева перепечатано из юбилейного сборника «Literarischer Dialog/Литературный диалог», посвященного 65-летию Вольфганга Казака. Mainz, 1992. (Ред.)

ВОЛЬФАНГ GERMANOVICH KAZAK

Не знаю, был ли он по вероисповеданию католиком или протестантом. Знаю только, что он твердо верил в Бога и в жизнь после жизни; корни его веры уходили в восточные религии, утверждающие перевоплощение души. За несколько месяцев до смерти я получила от него восточку: «Чувствую себя хорошо, в Его руках, близки мне сестра, сын и отец Александр Мень с того света. Написал книгу о смерти и ангеле-хранителе у Кленовского».

Дмитрий Кленовский (1893-1976) - любимый русский поэт Вольфганга Казака (ударение на первом слоге). Кленовский верил в реинкарнацию, в продолжение земного существования после смерти одной и той же души в различных телесных оболочках. «Для Кленовского, - пишет мне Казак, - это было фактом, как для меня. Но он видел себя в конкретных ситуациях ранних жизней, мне это не дано. Я (не от себя) знаю о моих жизнях в Тибете, Египте, Италии, Франции, Индии».

Незадолго до смерти неизлечимо больной Вольфганг Германович отправился в Индию на «Семинар по духовному лечению». Результат, хотя и недолговременный, был потрясающим: «Могу работать как раньше, наверное десять часов в день».

А работоспособность Казака была поистине феноменальной: множество книг по истории русской литературы, сотни статей на эту же тему и огромное количество рецензий и переводов. Но главная его работа - «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года», переведенный с немецкого на целый ряд иностранных языков. В этом ценнейшем литературном справочнике впервые даны совместно имена советских и эмигрантских писателей. Казак верил в единство насильственно разъединенной русской литературы.

Последнее письмо от него я получила за четыре месяца до его кончины. Оно заканчивалось словами: «Храни и Вас Господь и - herzlichen Gruss - Ihr...» Переписка наша продолжалась довольно долго. Помню, более двадцати лет тому назад я получила краткое письмо от совершенно тогда незнакомого мне немецкого профессора-слависта Вольфганга Казака. Он спрашивал что-то об альманахах «Перекрестки» и «Встречи». В следующем письме, на основании строчек одного из моих стихотворений, он спросил - каким образом я очутилась в Германии. Мне до сих пор стыдно за мой ответ, который запомнился приблизительно так: «Во время войны Ваши компатриоты решили присвоить мне звание - «остарбайтерин», в коем я пребывала до 1945 года, нося знак «Ост». На этом, я думала, наша переписка закончится. Но нет. Вольфганг Германович ответил, что в нашей биографии есть нечто общее: он тоже пробыл несколько

лет в лагерях, только советских. Перед самым окончанием войны, будучи в сущности еще мальчишкой, он попал в русский плен. (Об этой страшной эпопее в жизни будущего известного профессора Кёльнского университета писалось довольно много в России в постперестроечные времена.) Вышел он из лагерей со знанием русского языка и с верой в доброе начало в человеке, но с полным неприятием тоталитарных режимов, ради фанатичных идей убивающих всё доброе, данное нам свыше.

Среди иностранцев мне не приходилось встречать человека, столь преданно любящего русскую литературу и столь щедрого по отношению к нашим писателям по обе стороны рубежа. До выхода на пенсию он часто приглашал в Кёльнский университет на свою кафедру самых различных авторов из Метрополии и из «Эмигрантии». Впоследствии они говорили самые теплые слова в адрес кёльнского профессора с русскозвучающей фамилией. О многих он хлопотал, писал рекомендации, пробовал «пробить» того или иного автора в печать.

Вольфганг Германович долгие годы был верным другом «Встреч», посылал мне стихи поэтов, писал положительные рецензии об альманахе в немецкой прессе, а с 1999 года стал членом нашей редакционной коллегии. Когда зашла речь о прекращении публикации «Нового журнала», я попросила его написать письмо американскому спонсору журнала в защиту этого старейшего зарубежного периодического издания. Отклик пришел молниеносно: «Liebe Valentina Alekseyevna, письмо получил, сразу написал». Эта деятельная и быстрая помощь в трудную минуту была для него характерной.

Мы с ним встретились всего один раз. В 1995 году, путешествуя по Америке с женой Фридерике и двумя детишками (сын и дочь), Вольфганг Германович побывал с семьей и у меня. Мне он запомнился порывистым, улыбающимся, блондином, а не седоволосым, как, наверное, было на самом деле, высоким и худощавым. Поразил меня его беглый, с легким акцентом русский язык с некоторым даже запасом идиоматических выражений. Писал он по-русски хуже, нередко статьи его редактировались или переводились с немецкого.

Вольфганг Германович любил музыку, последнее время играл в церкви на органе, находя в этом отдых от творческой работы и большое эстетическое наслаждение.

Друзья знали, что он умирает. И все-таки его смерть показалась ранней, преждевременной. Наверное, многое осталось еще незавершенным. Когда-то я сообщила ему о смерти сравнительно молодого поэта Михаила Крепса, он ответил: «Преждевременных смертей не бывает, всё в Его воле». Это - простая и великая истина.

Валентина Синкевич

МИХАИЛ МАЗЕЛЬ

ПРОСТО ОСЕНЬ...

Навеяно лирикой Ольги Сокол

Не надо мне красок осенних
и яркого солнца не надо,
когда вдруг глаза погрузнели
у той, что насупилась рядом.

Я горы в стихах покоряю,
моря рассекаю дельфином,
а в жизни... как мальчик теряюсь
в двух радужках – маленьких, синих.

Кружится осенний листочек,
ложится ко мне на колени,
и чувств моих грустные строчки
сплетаются в косы сомнений.

Я косы ласкаю любимой,
до строчки – отдам свою нежность,
чтоб боли растаяли льдины,
и грусть, и ее неизбежность.

Вот губы вздохнули: «Мой милый...»
От счастья едва я не плачу...
А в парке осеннем застыли
деревья, что кроны не прячут.

КОФЕ СО СНЕГОМ

Зима, одиночество, чашечка кофе...
и чувства приходят, как будто во сне,
и дым, застилающий замерший профиль,
и тихо слетающий с Осени снег.

Она отрясает забытые страхи,
она надевает одежды из льна.
Добавь мне, пожалуйста, в черное – сахар.
Не надо грустить, ты уже не одна.

Я снова с тобой, словно не был в разлуке.
Я вышел из снега, я чист и смешон.
Я медленно сахар мешаю без стука
и падает снег... Только это – не сон.

9 ноября 2002

МИХАИЛ МАЗЕЛЬ

СИНИЙ ВАГОН МЕТРО

Булату Шалвовичу Окуджаве

«Опустите, пожалуйста, синие шторы...»

Закрываются медленно синие двери вагона.
Я в составе один и я буду кататься всю ночь.
И, быть может, дорога печаль и сомненья прогонит,
а быть может, и сам я смогу хоть кому-то помочь.

Буду думать о тех, кто не спит, обнимая колени,
кто пока не нашел ни ответа, ни друга, ни дом.
И пускай вдруг заплещет огонь, застрекочут поленья
на холсте нарисованном странным, но мудрым шутком,

Поезд едет и едет по гулким подземкам московским.
Надо мной сладко спят те, кого беззаветно люблю.
И ложатся на музыку сердца желаний наброски.
И для тех, кто ушел, я у Б-га прощенья молю.

Раз в году, в день, когда над Москвой пролетает Комета
из созвездия Веры, Надежды и вечной Любви,
я в московском Метро путешествую с песней неспетой
и за тех, кто устал, я подарков прошу у Земли.

И когда заалет рассвет над моею Москвою,
вновь и вновь за окном проплывут предо мной наяву
лица тех, перед кем свою душу я шире открою,
лица тех, для кого на Земле этой грешной живу.

5 ноября 2001

МИХАИЛ МАЗЕЛЬ

ОКТЯБРЬ. ДОЖДЬ. КОНЕЦ ФИЛЬМА

Люблю заканчивать началом,
когда не ясно, что потом,..
когда ветра листву качают,
когда внезапно вдруг встречаются
друг друга в суете и спешке
два одиночества, две пешки
своей судьбы... А что потом...
ложится чистым вновь листом.

Люблю заканчивать началом,
всё потому, что знаю я:
печаль с печалью не сличать,
как ни была б близка... Печать...
Она уходит, если верить.
Надежду ночью не измерить,
и потом, при свете дня
ее примите от меня.

Да, что-то кончилось, как титры.
Одолевают боль и грусть.
Я не волшебник, уж простите,
чудес вы от меня не ждите.
Я носом вновь к стеклу приник:
одни мечты лишь напрямик,..
где ты к окну со словом «пусть»
сейчас свою прижала грусть.

Да, пусть случится что-то вскоре:
героям встречу я дарю,
а остальное я укрою
листвы прощальной игрою,
шуршащей музыкой дождя,
тихонечко вокруг бродя.
Я приближаюсь к ноябрю,
надеюсь, верю и творю.

24 мая 2002

У НАС В ГОСТЯХ

АЛЕКСАНДР ГРИЩЕНКО

* * *

Я Родиной Тебя назвать не смею,
А если называю, значит, лгу.
Не Ты мне повязала крест на шею,
Я реки не сгибал Твои в дугу.

И не Твое я в детстве видел небо,
Не обо мне по селам бабий вой.
Но хочешь... Хочешь - всей души потребуй!
Прости меня за то, что я не Твой.

Но Ты лежишь, укутанная в север,
И шепчешь мне: «Куда, на что идешь?»
А я в ответ: не верь мне, как не верил
Я сам в свою рифмованную ложь.

Не называй меня приемным сыном:
Еще я должен это заслужить,
И тяжесть мук Твоих взвалить на спину,
И каждый век Твой заново прожить.

Но снова смута на Твоих просторах
И хлещет кровь удушливым дождем.
Я только вздрагиваю в разговорах
При имени Твоем.

Ташкент 1999

ОБ АВТОРЕ: Александр Игоревич ГРИЩЕНКО, Москва. Студент III курса филологического факультета Московского педагогического государственного университета. Родился в 1983 году в Ташкенте. Автор поэтического сборника - «Первая капля», Ташкент, 2000. Печатается в российской и зарубежной периодике: «Звезда Востока», «Новая Юность», «Литературная учеба», «Новый журнал» (Н.Й.) и др. Занимается вопросами литературы русской эмиграции «второй волны».

АЛЕКСАНДР ГРИЩЕНКО

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Метнуться вслед -

«Постойте, ба-
рышня... Нет-нет... Не вы
ли это?»

Нет. Судьба -
Стремглав лететь - и до Невы
Ни взгляда и ни полусло...
Но помню: да!

Нет-нет... В антракте
Меня -
куда? зачем? -

несло!
Быть может... Что?!
Какая Шакти! -
(По-русски - сила, мощь.)

Поток
Той самой Шакти...
Брахма, Шива!
Сейчас - не смел, не мог.

Потом!
Но Боже! - дьявольски красива.
Метнуться? Нет! Куда? Зачем?
Я опоздал...

(По-русски - олух.)
Сожрет Москва меня, как Молох,
Вернись лишь.

Нет, я гобелен,
Шпалера я. (По-русски - тряпка.
Себя всего схватить в охапку
И познакомиться.

Так нет!..
Я опоздал. Горячий след
Слизал с асфальта сволочь-ветер.
Одно осталось. Да! - в толпу.

АЛЕКСАНДР ГРИЩЕНКО

Найдешь ли?

Этот город метит

Поэтов звездочкой во лбу.

Пора в Москву - как в лес дремучий,

Где взгляды - иглы,

локти - сучья.

Пора покинуть Петроград.

А жить-то как?

Да наугад...

СПб, 30 января 2001,

Москва, 3 февраля 2001

ПАУКИ И МУХИ

I

Прибавленья в семействе. Дородная мать-паучиха
Родила семерых паучат, закусив неудачником-мужем.
Паучата пока что малы и пугаются каждого чиха,
И мушиный паштет ожидают от мамы на ужин.
Как огромен их мир - застекленная, теплая спальня,
Где живет тихий мальчик, и мама зовет его Димой.
Он мечтает о Марсе, читает роман завиральный.
Но в больнице сказали: он болен неизлечимо.
Паучата глядят на него: как в глазищах колеблются блики,
Как мохнатая пыль незаметно ложится на спину.
Дима скоро уснет, окруженный рядками гвоздики.
Постаревшая мать обметет по углам паутину.
Но покуда врачи с сожаленьем разводят руками,
Мальчик изо дня в день наблюдает за пауками.

АЛЕКСАНДР ГРИЩЕНКО

II

На границе меж ха́бсом и ха́бсом,
Где топорщатся желтые клеенчатые обои,
Неизвестного пола жужжащие особи
Доживают пространство под раковиной за трубою,
Дожевывают редкие комочки
Пасты зубной. На излете лета
Никакие боги не в силах помочь
Перебирающим лапками на липкой ленте -
Даже те, что заходят, гремя телесами,
И сосут пустоту пористыми носами.

'ΑΠΑΤΟΥΡΟΣ

Море, море, отдай мне, верни мне город,
Город Патрей, город Патрей на Боспоре!
Дни обнажи, где Гефеста ржавый молот
И Афродита - в водорослевом уборе...
И Афродита, а вокруг - рыбы, рыбы...
Лоб ее в оспинах: соли морские изъели,
Крошево храма - глыбы, глыбы, глыбы...
Мраморный мусор - колонны и капители,
Эллин с трепетом заклинал ее: «Апатурос!» -
Нет богини страшней моей Афродиты,
Эллин грозил амазонке-рабыне: «Дура!
Да поцелуй меня!» - Та ему: «Да иди ты».
Вот и теперь загорелой пышной казачке
Вялый турист, от портвейна вчерашнего желтый,
Спотыкаясь, бормочет: «Да я на карачках
Ползать ведь буду, блин!..» - А та ему: «Да пошел ты».
Любишь - не любишь, выпьешь - не выпьешь, тонешь - не тонешь...
Бросишься в реку Москву - доплывешь до Патрея.
С доньшком амфоры в мокрых, дрожащих ладонях
Выйдешь на берег небритым гипербореем.
Море, верни мне меня, слышишь, море!
Я ж не турист! Я же дикарь, археолог!
В город Патрей, в город Патрей путь долог.
В город Патрей верни меня, что на Боспоре.

АЛИНА ЛИТИНСКАЯ

«И ничего не происходит...»

...И ничего не происходит.
Жара с дождем в обнимку ходят,
С ноги сбиваясь, по привычке
Таша июль в скрипучей бричке.

И небеса, как покрывала,
Как мантия, что с плеч спадала
В покоях скуки королевской,
Когда окончен бал.

И дерзко

Стрекочет самолетов говор.
Им - дождь не дождь. У них свой сговор
Против дождя и против лета,
Давно им наплевать на это.

И заговорщицки мигают
Их разноцветные глазницы,
И суетливы эти птицы,
В высокомерьи пребывая.

А негр седой, прикрывши веки,
Как заколдованный навеки,
Лицо подставил поднебесью
И держат веки в равновесьи
Все верованья и молитвы,
Земле неведомые ритмы,
Где звук и незвук - всё едино.
На фоне неба негативом
Очерчен контур человека
И кажется, стоит полвека
И век и вечность, отмеряя
Не знаю что...

А ось земная

АЛИНА ЛИТИНСКАЯ

Проходит сквозь него, наверное,
Стоит он обнаженным нервом,
В него воронкой время входит...
И ничего не происходит.

Тихонечко июль прошел. Приходит
Неверный август на прощанье
К недавним летним обещаньям,
Всё хорошо. Всё постепенно.
Стоит старик - Курьер Вселенной,
Посол Земли, Служитель Неба...

И день прошел, как был и не был.

* * *

Я хожу по ухабам - по вдохам Земли,
По безмолвию жестов - тихим пригоркам,
Я повязана с ними - дыханием ли,
Или вкусом травы, на губах чуть прогорклым,
Или общей дорогой - дорогою в Быль,
Где здесь Быль, а где вымысел - не разберусь я.
Окунусь в пожелтевший от ветра ковыль,
А почудится мне родниковое устье.

Каждым шагом - невидимым шагом в ночи
Подкрепляя всеодиначное пение.
У меня под руками остались ключи
И один колосок отпечтался в зрении.

Май 2001

АЛИНА ЛИТИНСКАЯ

* * *

Вьюга. Зима. И над вьюжною пропастью
Женщина вяжет.

    Не сети для промысла,
И не одежду, что греет ей тело -
Женщина вяжет без умысла-дела.
Вяжется что-то вязания для.
Зимнею толшей покрыта земля.
Веки примерзли к стеклу мотыльками,
Взгляд неподвижен, а пальцы мелькали.
Не через окна и не чрез порог
Птицы-синицы ведут диалог.
Что говорят меж собою - не знаю,
Им и безмолвного жеста хватает,
Жеста извечного: каждый в черед.
И самотканной рекою течет -
Из-под руки, из-под пальцев спящих -
Утро и Дом, дверца печки и вьюшка,
Дерево рядом, за спинкою стула,
Птица крылом, встрепенувшись, взмахнула.
Птица на ветке - и в воздухе посвисты...
Женщина вяжет и вяжет над пропастью -
Всё для того, чтоб на сотой петельке
Выросло дерево в комнате-клетке.
Птица б над крышею круг начертала.
Птица на дереве - круга начало.

ЮРИЙ ПОПОВ

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА

Слишком рано расцвела сирень,
На каштанах забелели свечи.
Завтра обещают летний день
И почти такой же летний вечер.
Та весна, стремившаяся ввысь,
Тоже приходила слишком рано,
А потом не свечи на каштанах -
Свечи поминальные зажглись.

Вроде бы сегодня нет угроз
Пражскому весеннему расцвету.
Разве только свежесть ранних гроз
Охладит удушливое лето.
Зеленеют пражские холмы
Под беспечной солнечной улыбкой,
И весна не кажется ошибкой
Выжившей из разума зимы.

НОЧНОЙ ТРАМВАЙ

Кто знает, кончится ли ночь,
А город - спит он или умер?
Ночной трамвай увозит прочь
Улов в своем стеклянном трюме:
Кого он выманил из тьмы,
Кого завлек в свою утробу,
Обыскивая в непогоду
Крутые пражские холмы.

Ночной трамвай - ночной обман,
Его нигде не видят утром.
Он погружается в туман
Ладье и беспомощной и утлой
И остается где-то там
Между немymi берегами,
Где ночь холодными губами
Льнет, как бессонница, к вискам.

ЮРИЙ ПОПОВ

КАРЛОВ МОСТ

Старый мост над рекой, старый мост,
Сколько лет он со Влтавою спорит,
Малостранских правдивых историй
Сколько помнит он, старый мост!

Старый город на той стороне
Тоже полон молвою столетий -
Так давно он живет на свете
То в одной, то в другой стране.

Слышит мост деловитый гвалт,
Молотков веселые стуки,
Городские сплетни и слухи
И порою - тревожный набат.

Через время ложатся мосты
И проносят с собой сквозь туманы
Вместе с песнями о титанах
Тайны мелкой людской суеты.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Детский мяч, раскрашенный как глобус,
Выбросил художник из окна.
За окном вращался звездный конус -
За окном Вселенная была.
Мяч, крутясь, помчался по орбите,
Звездную расталкивая пыль,
И забыл о нем его творитель,
Как о хламе, отданном в утиль.

ЮРИЙ ПОПОВ

НИЩИЙ

Под ногами туристов праздных
И спешащих с работы пражан
Он сидит на асфальте, грязный,
То ли дергаясь, то ли дрожа.

Из-под вороха рваных отрепьев
Смотрят, гнойные, в мутных слезах,
В равнодушные лица Европы
Человеческие глаза.

Неизвестно, что было-сталось
С искалеченной этой судьбой:
То ли отнято всё безжалостно,
То ли всё ушло на пропой.

Просто в грязной каменной нише
Посреди европейской земли,
В Златой Праге оборванный нищий
Что-то шепчет, роясь в пыли.

ПАРОДИЯ

Я на жизнь свою беспородную
Сочинил бы пародий ряд,
Но пародии на пародию
Написать нельзя, говорят.

То ли родичи, то ли родина
Подвели, но не помню зла -
Жизнь, похожая на пародию,
Всё же жизнью моей была.

Мы на почести с ней не зарились -
И пародии хороши,
Если можно в конце, под занавес,
Посмеяться от всей души.

МАРИНА КУЧИНСКАЯ

* * *

Не могу с тобой жить, равно, как и жить без тебя.
Воробей промерзает до косточек хрупких для
того, чтобы снова чирикнуть в саду весной
и обрадовать трелями этими нас с тобой.

Баба сеяла во поле чистом на днях горох.
И на каждое *ах!* полагается в жизни *ох!*
И рыдает вздохом в колыбельке своей дитя
для того, чтобы было чему улыбаться. Я

не хватаю с полночного неба горячих звезд,
мне бы лечь да смотреть в потолок, на котором грез
словно яблок в раю, да в углу затаился Змей
для того, чтобы встала я поутру смерти злей.

Я каленым железом слов прижигаю боль
для того, чтобы счеты свести со своей судьбой,
и озноб прошибает от этих дурных потех,
и несется вдогонку несчастному тихий смех.

Сколько музыки можно услышать в словах простых,
столько мести таит в себе самый невинный стих.
Приголубь меня, видишь, зима, на дворе - мороз.
Полыхает в графине букетик кровавых роз.

Лучше б мне воздержания дать навсегда обет
и запрятать словарь и бумагу на сотни лет.
Не могу. Да прости меня, видно живу здесь для
того, чтобы портить слова, как капусту тля.

День настанет - утешимся, милый, тогда с тобой.
Чтобы рана ушла, выступает на теле гной.
Нарисуем на белом заветные вензеля,
так и тот рисовал в пустоте самого себя;

и звезда упадет в белоснежный сугроб плашмя:
не могу с тобой жить, равно, как и жить без тебя.

2 декабря 2002

МАРИНА КУЧИНСКАЯ

CAMBRIDGE

Вспомни меня, вспомни... эти каменоломни,
скверы, врата, колледжи...

«До» - это значит «прежде».

Смысл тире - в пункте. Так не в своей квартире,
где, экономя свет, память сошла на нет,
тыкаются впотьмах, сжав в кулаке свой страх.

Город из одиночеств. Без номеров и отчеств
складывается сиротство, больше иного родства
двух. И вино в бокале - как вероятность в зале
на миллионы мест не отыскать, где сесть.

Кряжи в плуще. Окон

тюлево-белый кокон.

Яркий наряд газонов под озорным озоном
кажется ядовитым, вылизанным, умытым.
Но избыточный блеск - суть по себе гротеск.
Сладкий предписан яд, так же как райский ад.

Слава Святому Джону! Кто приникает к лону
памяти, тот - невежда:
всё, что случится, прежде
существовало в мире. Сколько ни ампутируй
прошлое - это свет на миллионы лет.
Так светит звездный прах, преодолев размах
Вечности.

18 января 2003

МАРИНА КУЧИНСКАЯ

ПАРИЖСКОЕ ТАНГО

Нежно, нежно коснись позолоты утра,
пустоты бледных улиц и розовых скверов,
тополей, чья в подтеках душистых листва
заставляет тебя бредить юностью белой.
Из окошка мансарды лишь профили крыш,
где-то ухают горлицы, неба частица.
Я опять напишу, что есть город Париж
и что там умереть - всё равно, что родиться,
что от счастья раздуты слова, как мехи,
что небесно-любовны прогулки над Сеной,
что вчера, сочиняя без дела стихи,
я купила нечаянно томик Верлэна.
Ты уйдешь на рассвете, когда город спит,
когда моют асфальт и вдоль Сены спортсмены
пробегают в экстазе, и ты - знаменит,
унося в своем сердце крупницы измены.

1 апреля 2003

* * *

Ты его никогда не услышишь - вздоха, шепота, крика, молитвы:
земляничные губы сухие выцветают, и пишутся слитно
все слова, что доселе звучали. Всё становится частью пространства:
и оранжевой осени мята, и звон времени венецианский,
и шиповник обугленный тем же, незлопамятным первым морозом,
что и ты. Почему же так сладко, когда солонь катятся слезы?
Ты как лист, что нечаянно осень положила в свой дряхлый гербарий...
а с дерев облетают золотые, и никчемны судьбы комментарий.

10 октября 2002

Виктор Лазухин,

ФЛОРЕНЦИЯ,

Карандаш.

РИНА ЛЕВИНЗОН

* * *

О, женщин имена - то Анна, то Марина!
Их яблочная суть, морозная краса,
Дыхание земли и привкус розмарина,
И облачный ледок, плывущий в небеса.
Прислушайся к векам - звучит Сафо, София,
В них тяжесть тишины и влажность росных нив,

И судьбы всей земли, и всё лукавство змия,
О, женщин имена - слиянье и разрыв.
История плывет - круги ее жестоки,
Но музыка слышна, то Леа, то Рахель,
И в этих именах любви моей истоки,
И Божий глас звучит над горечью земель.

* * *

Какой январь - любви предтеча,
Холмов янтарных торжество -
Зима моей российской речи,
Весна иврита моего.
Двойной словарь судьбы единой,
Неразделимых азбук круг -
То лепет слышу лебединый,
То дразнит тайною старинной
Гортанный, непокорный звук.
Своей дороге не переча
И злого не боюсь огня,
Живу.

Пусть вечно два наречья -
Два ангела хранят меня.

РИНА ЛЕВИНЗОН

В.С.

Как вод высокое течение,
Как неба купол золотой -
Мое спасительное чтение,
Моя свобода, воздух мой.

Поэт великий, друг, посредник,
Святой посол небесных сфер...
О, мой сердечный собеседник -
То Дант, то Пушкин, то Гомер.

И все молитвы - звук единый,
Все времена - единый миг.
Не плачь, мой город голубиный,
Всегда, и в этот век повинный -
Для нас открыта Книга Книг.

* * *

Прекрасна суета сует,
Все наши хлопоты дневные,
И волшебство ночных бесед,
Их отражения двойные.
Я выбираю этот свет
С его крадущейся повадкой,
С его негладкой жизнью краткой,
С его загадкой вековой...
Я выбираю мир живой.
Я выбираю белый свет
С его судьбой, его загадкой,
С его старинною закладкой
На букве той, которой нет...

РИНА ЛЕВИНЗОН

* * *

Ночь никого не тревожит.
Сонно стучит состав.
Господи, милый Боже,
Маму мою не оставь.
Укрой ее ветром теплым,
Крылом своим заслони,
Молитву прочти ей шепотом
И не гаси огни.
Зябко-то как, туманно,
Век поднимает копьё...
Если ты дал мне маму -
Не отнимай ее.

* * *

Эта легкость пера и листа...
Ветер стелется над травой.
Не кончается красота
и напев ее горловой.
Поднимается в свой черед
из горячих глубин туман.
Снова за сердце нас берет
суеты счастливый обман.
И летят с откоса ветра,
окунаясь в молчанье вод...
Ничего, доживем до утра.
Ну, а утром, глядишь, заживет.

* * *

Идут дожди и наполняют сад,
Смывая кровь детей с печальных улиц,
И все деревья в трауре согнулись,
И плачет небо, и мосты блестят,
И нет предела этим горьким дням.
И нет причины ненависти вечной.
Что виноватый ангел скажет нам,
Вернувшись из страны своей беспечной?

РИНА ЛЕВИНЗОН

* * *

Что уж придумывать?

Нету сюжета

Вернее, чем жизнь или смерть.
Рассказ недописан, и песнь недопета,
И правит свой пир крутоверть.

Чего уж бояться?

Пусть боги лукавы,

И отмеренный срок не продлить,
Но к нам по весне снова тянутся травы,
И чашу дождей не пролить.

Чего уж печалиться?

Сонные сосны

Качаются в неге земной.
Ах, Господи Боже, всё это - как просто! -
Однажды исчезнет со мной.

Лин

Ах, только б не спугнуть,
сберечь сквозь все ненастья.
Ты - солнечная суть,
ты - подлинное счастье.
Отдам и два крыла,
и сердце между ними,
лишь только б ты жила,
твое звенело имя.
Птенец моих птенцов,
и песня песен дивных,
вся жизнь и вся любовь
в твоих глазах невинных.

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

ПОЭТИЧЕСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Не человек - змея.

Грибоедов

Я припал вопрошающим ухом к земле
И услышал, как стонет ад,
Как труха прошуршала в истлевшем стволе,
Как в грибнице сочится яд.
Но не нужен мне яд, и я вполз на сосну
По шершавой, сухой коре
И увидел, как коршуны рвут вышину
В смертоносной, лихой игре.
Отвернувшись от птичьих забав, я поплыл
По прохладной, сонной реке,
Вдалеке от нацеленных клювов и крыл,
От кровавых битв вдалеке.
Под водой колыхался гниющий тростник;
Я вошел в этот затхлый лес,
Но отпрянул в испуге: из мрака возник
Немигающий, жесткий блеск.

Не для щучьих зубов,
Не для птичьих зобов
Я вязал мировую нить.
Сквозь беду, как сквозь дым,
Я прошел невредим -
Не зверью меня погубить.

И опять, как в начале, я слился с землей
И, открыв, словно пасть, свой иссохший рот,
Я увидел, как с жала закапал мед...
А они называют меня змеей.

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

ИЗ РАЗГОВОРОВ С АЛЕКСАНДРОМ БЛОКОМ

Ах, трудно мертвецу среди живых!
Мне б ваши символистские заботы.
Дым ядовитых сигарет - пых-пых,
Счета из банка и с банкиром счеты.

Не лечь костями - костями прогреметь,
С немилой провальсировать два тура
И бед с утра серьезней не иметь,
Чем то, что там дурак, а рядом дура.

Мертвец, но вот с подругой на простор
Спешите Вы уехать, чуть не плача,
И в ночь уносит вас таксомотор,

А не извозчичья, попроще, кляча.

А как живому в стане мертвецов -
Мертвящих догм, безжизненных улыбок,
Бессвязных, разлагающихся слов
(Их смысл и раньше был предельно зыбок)?

Ни ночи для живой души, ни дня,
Самой Земли материя инертна.
Мертвы друзья; покойники - родня,
И жив лишь тот, кто оживлен посмертно.

Мне жалко Вас, одушевленный труп,
Я Вашей - с детских лет - живу печалью,
Но слушателей серебрястых труб
Мы вырезали закаленной сталью.

Сказали б лучше: «Весь я не умру».
Вы небеса о воздухе молили;
Вы умерли красиво, на миру,
А мы лежим в неузнанной могиле.

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

ДИССИДЕНТСКИЙ РОМАНС

Мы мужественно сражались с тиранами
И получали в награду баланду,
Мы крушили зло телами-таранами,
И барды нас вставляли в балладу.

Вот рухнет, говорили мы, царство Кашеево,
С ними сгинут и пауки в банке.
Мы взывали к согражданам: «Бей его!» -
И отзывался наш призыв на Лубянке.

Но чудо! Как в финале старинной оперы,
Вдруг всю сцену залило светом.
В верных пажей перестроились оперы,
И зима сменилась ликующим летом.

Кто на солнышке, а кто под горочкой,
Схоронив достойных отцов останки,
Выпив водочки, занюхав корочкой,
Паучата вернулись в банки.

Но а нас там вроде и не было,
О нас-то ни слуха, ни духа.
История опять переписана набело,
И смыта с нее чернуха.

Столкнулся я с давним приятелем давеча -
Неухоженный, обнищавший.
Посидели.

Чокнулись.

Поставили Галича...

Ах, встречаться бы нам почаще!

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

ДВА СОНЕТА О НИЧТОЖЕСТВЕ

1.

Чирикает на ветке воробей.
Не футурист: напев совсем не хитрый;
Не умилишься тонкой ворожке,
Не восхитишься звуковой палитрой.
Весь день одно и то же: чик-чирик.
Но не в певце, а в слушателе дело,
И воробья слышит страстный крик,
Где всякая другая б улетела.

Бывает музыка - рапсодий гром,
Бывает живопись - безумство линий,
Но этот - серость: не сверкнет пером,
Не протанцует, выгнув хвост павлиний,
А всё добыл, не мудрствуя, не мучась.
Стань воробьем - разделишь ту же участь.

2.

В чьей голове родилось слово *моль*,
Кто сочинил его в густом миноре?
Такая малость, абсолютный ноль,
Шерстистым тканям взросшая на горе!
Теперь порхает, вьется над ковром,
Как мотылек, балдеющий от травки;
Мои хлопки - ей пршлогоний гром -
Мутант, живучей, чем кошмар у Кафки.

Я моль рассматриваю в микроскоп;
Она - меня и не отводит рыла,
Как будто говорит: «Бесцветный сноб,
Пропахший нафталином и бескрылый».
И вижу я, на объектив нацелясь,
Шевелится неумолимо челюсть.

МАРИНА ГАРБЕР

ПОЭМА ОДНОГО

Иногда о тебе, иногда о земле и небе -
То есть о тех, кто рядом и кто - в бесконечности.
Никогда о себе, ибо «я» - это просто *Liebe*,
Полушутя говорю о вечности.
Мой язык не богат на рифмы, все рифмы - мимо:
«Кровь-любовь», «неба-хлеба» - приметы плоти.
По-английски «рифма» - с горчинкой тмина,
А у нас - колючие рифы, вроде
Тех, что теснятся на скалах далеких Греций:
Обомлевший коралл, без кровинки в шершавом теле -
Наша рифма. Красителей или специй
Всего мира не хватит... На самом деле
Я пишу о тебе, даже если вломилась осень,
Даже если вот так - отвлеченно, о том, об этом.
Если сбивчиво, то не взыщи - так просинь
Разбавляет ночь, не предвидящую рассвета.

Изовьюсь по-змеиному, сброшу кожу
Вместе с тем, что прилипло к ней, прикипело
(В междустрочье прочти, если можешь - ношу;
В междустрочье увидь, если можешь: тело).
Мы с тобой - нигде. Это дух кочевья,
Это легкий, черненный наш крест изгоев.
И в узоры сплетает стволы деревьев
Бог-художник, назвавший картину «Двое».
Мы с тобой - одно. О дно, как оземь,
Как с высот - в глухоту, в немоты провалы -
Разобьемся. Так листья роняет осень,
Так вот слезы... А, впрочем, уже немало
Понасказано на языке, на щедром...
Помолчим? Как «одно» моллчит, а не двое.
Мы с тобой - за стотысячным километром,
Где поэмы обходятся без героев.

Помнишь ветер Испании? О, ее несмолкающий ветер!
Обезглавленность пальм на одичавшем пляже.

МАРИНА ГАРБЕР

С Богом все говорят по-испански - дети,
Ветер, море, песок, рыбаки. И даже
Пальмы, точнее, то, что от них осталось:
Онемевший ствол - белый столп из забытой сказки.
Нам, как ветру, нужна высота - самая малость.
Мы, как дети, у ветра подслушиваем подсказки.
Иногда я пишу для тебя - чужими,
Незнакомыми буквами: будь то «свят» иль «светел» -
Всё едино. Давай воспарим над ними -
До безбуквенности! Как южный испанский ветер...
Направленье не важно, если сильны истоки:
Наводнит, унесет... Предречения неуместны.
Если дышат отрывисто эти строки,
Значит, слово есть шаг, а бумага - бездна.

Февраль 2003

LIBERA*

Между тобой и морем - мои пророчества,
паутинка созвездия над головой, песка
сыпучая тяжесть - мерное одиночество
пересыпает, как гальку, моя рука.
Плотность минут измеряют часы песочные...
Встанет, обступит, обнимет и оглушит
светлая-темная, временная-бессрочная -
та, что безвесо спит на краю души,
та, что безбуквенно называю *libera*,
та, что бездонна, свободна от дна, полна:
крадучись, тихо, и не оставляя выбора,
между тобой и морем хлестнет волна.
Если к тебе потянусь (будут руки издали
звать тебя, будет ветер над ними губ),
ты не услышишь меня: ничего не выдали
звуки моих - не сумевших проститься - губ.

сентябрь 2002

*свободная (итал.)

МАРИНА ГАРБЕР

ЛЮКСЕМБУРГ

Погремушка ветра. Прибой,
А не вечер. Афишный курсив.
Мальчик с родинкой над губой
Слишком бледен и слишком красив.

Всплеск Кандинского в старом кафе
Со стены отражает полы.
Как немодные галифе,
За стеклом - цвета хаки стволы.

Над букетами чьих-то рук
Повисает: «Держу пари!»
Мальчик с родинкою у губ
Мне читает Экзюпери.

И такое во всем *а ля Франс*
(До границы-то тридцать минут),
Словно осень посулила аванс,
А живые, не стесняясь, берут.

От дождя в горизонт ушел
Лжеготической башни крест.
Мальчик с родинкой, на престол! -
Неизвестно каких королевств...

- Это золото? - Мертвый клен,
Сам не знает еще, что убит.
- Позолочен ли? - Опален.
- Это небо над ним? - Гранит.

Клянчат утки в холодном пруду.
Под ногами слюда и вода.
Не спасу тебя, не уведу -
Все дороги ведут не туда!

МАРИНА ГАРБЕР

Нынче ветер отрывист и груб,
Нынче ветер жесток... Но высок
Мальчик с родинкою у губ,
Не зовущих меня «на восток».

Отпускаю тебя! Престолю,
Новоявленный принц на час.
Здесь готический шпиль стрелой
Свод царапает, а у нас

Перезвон водосточных труб...
Не о том с тобой говорю!
Мальчик с родинкою - у губ,
Неспособных сказать «люблю».

Люксембург
Ноябрь, 2002

В.С.

Укутаться в прабабушкин платок,
Пушисто-серый, натянуть перчатки,
Дверь отворить, переступить порог,
Шагнув в объятия лестничной площадки;
Спуститься по цементному хребту,
По выцветшим ступенькам позвоночным,
Сказать «привет» кому-то на лету,
В ответ соседским скрежетам замочным;
Остановиться, отогнуть щиток
С табличкой-именем и выведенным «почта»;
Прислушаться, как хриплый водосток
Мотив весенний напевает, точно
Не холода и не зима теперь,
И вдоль дорог не горы снеговые;
Еще шагнуть, толкнуть тугую дверь
И удивиться, что за ней - не Киев.

Декабрь 2002

ИГОРЬ МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

НОЧНАЯ ФАНТАЗИЯ

Венецианский гордый лев
на площади Святого Марка
ночные сторожит порядки.

На мокрой паперти брусчатки
он бродит за колоннами украдкой,
и в тишине слышны его шаги.

То вдруг взлетит над городом, крылатый,
над башней, где часы - циклоп усатый
на желтом циферблате время сторожит.

Над смесью воздуха, тумана и воды
появится луна у острова мечты,
фигуры призраков в торжественных палаццо.

Тенями персонажей старых сказок
плывут в гондолах узких по каналам
певцы, художники, поэты, музыканты.

Спят голуби на крышах до утра,
влюбленных вздохи слышны у моста,
ночной молебен в церкви у причала.

* * *

Горизонт высоко - на холме!
Тянутся домики в цепь на ребре.
Ключья полей, сшитые осенью,
желтой канвою лежат на холсте.

Крылья орла парят в вышине,
пляшет девушка на зеленой горе.
Солнце красным платком в руке
красит спелые яблоки на заре.

ИГОРЬ МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

* * *

Провода и птицы -
ноты новой песни.
На слова чужие -
музыка чужбины.
И пути-дороги
все уже пропеты.
Голоса тревоги
сердце одолели.
Ворожили-были -
посох и котомка,
скрипка да кибитка.
До обрыва близко...

* * *

О, медитации услада!
Ты улетаешь от земного ада,
попытка на божественное право
немного в бесконечности побыть.
И откровение познать в мирах иных,
подняться в мыслях высоко,
легко парить на крыльях славы...

Всему подвластна даль пространства,
чего реальность делать не велит...
Но вот что странно -
сердце можно остудить,
в созвездьях научившись плавать.
Нам трудно о делах земных забыть...

У НАС В ГОСТЯХ

ОЛЬГА КОЛЬЦОВА

Н.В.

Друг за друга молитесь, и это пройдет,
Ибо там, за чертой - тишина.
Ибо там - переход за моря, перелет.
Птичья стая по-птичьему верна
Не привычке, не долгу, но птичьим словам,
Где цесура ломает строку,
Где склоняются «ваши», и «с вами», и «к вам»,
Словно пульс, к одному языку, -
К ритму сердца, которому вторит душа,
К ритму сердца, что кровью полно.
...В этом ритме кудесит, кудесит левша,
Небосвод претворяя - в вино...

* * *

Братство воздушное в белом дыму,
Дерево шумное, шелест протяжный.
Свет, осторожно раздвинувший тьму.
Звездное крошево в сумраке влажном.

Птицам - на корм, а тебе - на глоток.
Слышишь, как мчится ее колесница.
Крылья холодные тронут висок.
Птицы садятся на мокрый песок.
Небо твоим приближеньем клубится.

ОБ АВТОРЕ: Ольга Петровна КОЛЬЦОВА. Родилась в 1957 году в Москве. Поэт, переводчик, журналист. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала 10 лет в советских издательствах и более 10 лет в постсоветских. Выступала в печати, помимо оригинальных стихов, с переводами Китса, Уайльда, Кипплинга, Фергюсона и многих других поэтов, включая мальтийских. Публикуется в России и в США. Живет в Москве.

ОЛЬГА КОЛЬЦОВА

* * *

Эти подмокшие письма -
Словно душа прикинулась джинном,
Духом с холодного склизлого дна.
Кто завладеет старым кувшином.
Струйка дыма пока не зла.
Горстка пепла, зола.

Что же, закурим, мой пленный дух.
Повелевать мне давно постыло.
Феникс ты - или птица Рух,
Многоочита и многокрыла.
Пальцы кровавит твое перо.
Сердце как мир старо.

Пой, родной мой, в глухую ночь.
Сорванный голос всё глуше, тише.
Волн холодных не перевозмочь.
Из глубины - стало быть, свыше.
Чем безымяннее, тем верней.
Жизнь - или сон о ней.

Слово - на ветер, ветру слова,
Воздух пульсирует кровью живою.
Эритроцитов - едва-едва,
Но хлорофилла зато с лихвою.
De profundis - мольба, не приказ.
Ангел плачет о нас.

И на подмокшие письма,
На симпатические чернила,
Сыпь порошок под названьем «вина»,
Припороши тем, что жизнь подменила.
Соль четверговая, драный карман.
Золото, смирна, ливан.

Май 2002

ОЛЬГА КОЛЬЦОВА

* * *

...А ты о ней, ты всё твердишь о ней,
О ведьме, что колдует над рубашкой.
Крапива жжет и жалит всё больней.
За гранью дней всё вьется пар над чашкой
И стынет чай, - смотри, за гранью дней.

И белый вестник, распластав крыло,
Похожий на предтечу листопада,
Всё бьется о зеленое стекло,
Но зеркало, прозрачная преграда, -
Он с клетотом взмывает тяжело,
Тревожа тишь заброшенного сада.

Ладонь полна отборного зерна,
Ладонь раскрыта, но ненужным даром
Летят к земле тугие семена.
И прорастают - там, в пространстве старом,
В том зеркале. В чужие времена.

* * *

Воздушный мост - где тонко, там и рвется.
Воздушные пути заметены,
Но память света в сердце отзовется,
Тревожа явь и проясняя сны.
И наяву, от головокруженья
Не чуя под собою высоты,
Следить земную тень - иль отраженье,
Одoleвать земное притяженье,
В полете - прозревать преображенье.
Грядущее не терпит пустоты.

ОЛЬГА КОЛЬЦОВА

* * *

Длинной ноте за облаком место,
Отражением трубной латуни -
Долгий оклик судьбы, вывих жеста
Жизни, длящейся все и втуне.

Кто окликнул, кто выдумал имя,
Чтобы плоть наполнялась душою.
Но яснее, отчетливей, зримей,
Что душа - остается левшою

В этом мире, где чёрны вороны,
Где за яростным неба раскатом,
Как жестянки, грохочут короны,
И где право - за красным квадратом.

Красный конь припадает к истоку,
Красный свет закрывает движенье,
Лыко каждое просится в строку,
Стекла множат свое отраженье,

Чтобы там, в коридоре зеркальном,
Меж тугими сосцами волчицы
Время встало младенцем опальным, -
По веленью десницы. Денницы.

СЕРГЕЙ ГОЛЛЕРБАХ

*"И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыню просит".*

Осип Мандельштам

Я под ноги себе смотрю
И вижу свою тень,
Мы с ней вдвоем, как парочка гуляем.
Куда бы я ни шел, она всегда со мною.
Я руку подниму - она мне вторит.
Иногда
Я с ней играю: вдруг
Я круто повернусь и двигаюсь назад.
Ее как будто нет, но я-то знаю:
Она идет за мной и надо мной смеется.
Мы входим в дом, на лестнице темно,
Ее опять не видно.
Я захожу в квартиру, зажигаю свет -
И вдруг она со мною!
Долго
Сидим мы молча. Час уж поздний,
Пора ложиться спать.
Я лампу потушил, мы в полной темноте.
Но, лежа на боку, я знаю:
Она, лицом ко мне, лежит со мною рядом.
Как это хорошо: я не один.
Она - вот чудеса - меня немножко греет!

СЕРГЕЙ ГОЛЛЕРБАХ

* * *

Ты вернулся в твой отчий дом,
В твой родной город,
Ты дышишь открытым ртом,
Ты расстегнул ворот.

Солнце светит тебе в глаза,
Прохладой веет со взморья,
Ты слышишь девушек голоса,
Ты видишь ласку в их взоре.

У тебя хорошо на душе,
Ты рад, что сюда вернулся.
И не стыдно сказать клише:
Ты от глубокого сна очнулся.

* * *

Ты рос зверенышем – неопытным и робким,
Ты пережил войну и прожил жизнь,
Казалось бы, достойно... Почему же
Слова Ахматовой тебе на ум приходят
Всё чаще? Вот они:
"Когда б вы знали из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда..."
О, да, когда б вы знали из какого сора,
Смешных желаний, странных мыслей, глупых дел
Слагается, не ведая стыда,
То, что ты своей судьбою называешь. А теперь,
Весь этот сор в уме перебирая,
Ты усмехаешься, качаешь головой и просишь лишь о том,
Чтобы судим ты был не слишком строго.

СЕРГЕЙ ГОЛЛЕРБАХ

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Читаю: «Ночь тиха, пустыня внемлет Богу...»
Но какому?
Аллаху, может быть? Христу иль Молоху?
Померкли звезды, мрак вокруг, и вдалеке
Видны лишь огоньки солдатских сигарет.
Как волчий глаз, они пугают.
И пустыня стынет в страхе.

* * *

Одежда, будто гонимая страхом,
Бросилась к стенке и там
В давке повесилась...
Шляпы, кепки и шапки
Сверху к ним тесно прижались.
А обувь -
В ужасе бросилась вниз
И там, спотыкаясь, упала.
Это - русская вешалка.

СЕРГЕЙ ГОЛДЕРБАХ

*В своем парижском ателье старый художник
Михаил Андреев подкармливал мышей.*

С.Г.

МЫШИ

Серое небо,
Мокрые крыши,
Корочку хлеба -
Голодной мыши.

Синее небо,
Крыши просохли,
Нет больше хлеба,
Мыши подохли.

Жалко мышей -
Они тихо жили,
Много ночей
Мы вместе пили.

Теперь я один
Сижу в ателье,
Сам себе господин
В нижнем белье!

Ложусь со стоном,
Встаю со вздохом,
Не по Законам
Живет эпоха.

Один рыдает,
Другой хохочет,
А тот не знает,
Чего он хочет.

Так было раньше,
Так и сегодня,
Что будет дальше -
В руке Господней.

Сергей Голлербах,

ДЕД С МЕШКОМ

Перо, тушь.

ЕВГЕНИЯ ДИМЕР

МНЕ НЕ СПИТСЯ

Застыла в чутком ожидании столица,
Тревожно в ней перекликаются огни.
Давно уж полночь пробило... не спится -
Ворочаюсь я в складках смятой простыни.

Покрылся зыбью и до дна продрог Потомак,
Предчувствуя угрозу всем своим мостам.
И душу леденящий страх, как пес бездомный,
За каждым следует безмолвно по пятам.

Крестом окна распята ночь... и мне не спится -
Мелькают мысли, накаляясь добела:
Пред мной разбитый Пентагон... убитых лица...
И "братья-близнецы", сожженные дотла.

Вверху рокочут самолеты, охраняя
Столицу от огня, безумия и зла.
Над ней победоносно, как стрела прямая,
Вонзилась в небо "Вашингтонская игла".*

О, Господи, пошли на Землю больше света,
Чтоб не пришлось блуждать во тьме нам наугад,
Чтоб нас всегда ждала надежда у рассвета,
И чтобы отдых и покой сулил закат.

Вашингтон, 11 сентября 2002

* «Вашингтонская игла» (Washington needle) - памятник Вашингтону в американской столице.

ЕВГЕНИЯ ДИМЕР

СВЕТОФОРЫ

Я спешу, но вот не в пору
На дороге светофоры,
Строго выстроились в ряд,
Ярким пламенем горят.

По всей улице, по длинной -
Ожерелье из рубинов.
Как полиция они -
Эти красные огни.

Меж собой они похожи
Здесь у нас, - в Европе тоже,
И в Сиднее и в Чите,
В Касабланке и... везде.

Как паук, напившись крови,
Светофор всех остановит -
Будь ты Форд иль Шевролет,
Пешеход, мотоциклет...

Но рубины вдруг повсюду
Превратились в изумруды.
Подобрел наш светофор,
Просит: «Проезжай, шофёр».

Что бы было, если б город
Потерял все светофоры?.. -
Пролилось бы много слез,
Воцарился бы хаос...

S.O.S.!.. S.O.S.!..

ЛЕВ ЛЕНЧИК

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Что за чудо россыпи деталей!
Буквы в алфавите бытия:
хочешь, чтобы что-то рассказали,
изучи их все - от А до Я.

Даже если знаешь их личины,
даже если видел их не раз,
краска - это краска, не картина,
буква - это буква, не рассказ.

Ящерица, брошка, занавеска,
чашка, статуэтка, пылесос,
ручка, зажигалка, хлеборезка,
красный нос под зонтиком волос...

Если они вдруг заговорили,
в слово обратясь, как повелось,
значит появилось что-то в мире,
значит что-то в мире родилось.

Музыка, рассказ или поэма -
всё равно: живое существо.
Буква - это всё же только тема,
ну а слово - дар и ремесло.

ЛЕВ ЛЕНЧИК

НАИТИЕ

Горяч и прекрасен бушующий ветер,
срывающий громы и гнуший деревья,
сминающий напрочь земное преддверье
и день повергающий намертво в вечер.

И мечутся молний стеклянные кромки,
ломаются ливня железные нити -
вся в треске и блеске стихия наитья:
не плану в отместку, не чуду влогонку.

А просто. Без цели, без злобы, без зова.
Вне всякой морали, рассудка, расчета -
вовсю бестолково срывается что-то,
как прихоть,
как накипь,
как семя,
как слово.

ЛЕВ ЛЕНЧИК

ПОЭТ И БОГАЧ

Поэзия не любит денег
(хотя поэт весьма не прочь!),
точней, не денег -
темы денег
не любит пятой музы дочь.
Ее Эратой называли,
богиню первых рифмачей,
что тему денег презирают
и заодно с ней - богачей.
Несправедливо это как-то:
богач завзятый - что поэт,
во мраке душ копая злато,
глядит презрительно на свет,
и над портретом драгоценным
своим украдкой затяжной
готов почтить, как гвоздь на сцене,
себя мажорною строкой.
Он тоже поиском охвачен
и в беспокойство погружен,
когда не клеится удача
и ей не найден камертон,
и жизнь грозит почти обвалом,
утратой почвы и лица,
а в глубине пустого зала
маячит маска подлеца.
И он готов без укоризны
пролить предательскую кровь,
храня и ненависть к отчизне,
и к ней же - странную любовь.

Короче, так нельзя, поэты,
нечестно даже, может быть,
хулить и не пушать в сонеты
всё то, на что нам любо пить.

ОЛЬГА РОДИОНОВА

* * *

Из диких стран за порогом снов,
Где смертным не сделать шагу,
Приходит некто, властитель слов,
И учит марать бумагу.

Туманный цвет не одежд, но крыл,
По крышам ползет, по лужам...
Чему ты грешных нас научил -
Тому мы усердно служим.

Науку дерзостную твою
Усвоив, храм основали.
И я всё то, что внутри пою,
Записываю словами.

Не бойся. Нет никаких скорбей,
Мы можем поймать теперь их.
Сказавший: «Слово - не воробей», -
Не знал о бумаге, перьях,

Чернилах... ныне ловцы словес
Улавливают сердечки.
Один сказал: «Не умру я весь», -
В снегу возле Черной речки,

Другой: "Есть много на свете, друг
Гораций...", а третий выпил
Глоток вина, поглядел вокруг
И ласточкой в небо вышел.

ОЛЬГА РОДИОНОВА

* * *

Сбежавшие в землю Нод, зарезав в себе ягненка,
Мы так теперь и живем - в потустороннем мире,
Где горло не знает нот, где рвется не там, где тонко,
Где тонко всё, что болит, умножившись на четыре.

Давай, говори, болтай, твори, выдумывай, пробуй -
Ты славно умеешь врать, мое медовое жало.
Твой ангел уплыл в Китай, накрывшись соленой робой,
И нежная крысья рать давно от него сбежала -

Туда же, куда бегут все реки из Вавилона,
Куда стекает рассвет, как молоко из кринки.
На рану наложен жгут, и точит гарпун Иона,
Увидевший Новый Свет на движущейся картинке.

Твори, выдумывай, ври: цари, бунтари, принцессы...
Дури белизною щек, затаптывая окурки.
Когда у тебя внутри, вращаясь по ходу пьесы,
Зарезанный спит волчок в печальной овечьей шкурке.

ОЛЬГА РОДИОНОВА

* * *

Ах, разве это жизнь?... За дудочкой, за лесом,
За стрелками травы, за тридевять утрат...
Держи меня, держи, мелодия, - залейся
Своей печалью, брат.

Веди меня, веди, куда бы ни глядели
Глаза твои - не так! - глаза часов, - играй
До окончанья слов, до онеменья в теле,
С корзинкой, полной крыс, -
За дверью в рай.

Тик-так, циничный шут, бесплотная дешевка,
Всеплощадной пасьянс оборванных афиш.
Мари-Антуаннет в оборочках из шелка, -
Молчишь?

Ступаем на песок на каблучках и лапках,
На цыпочках - цып-цып, на стрелочках - цок-цок,
В испуганных мехах и царственных заплатках, -
Ступаем на песок.

И мы идем туда, за дудочкой, - не буду,
Не пророню, не тронь, не надо, уходи...
Настанет тихий час - нас заберут оттуда,
Как сердце из груди.

...А мне идет, гляди, фарфоровая плаха,
И этот серый плащ, и этот алый рот.
Терпи, не умолкай, соломенная птаха -
Пускай она поет.

Пусть будочник храпит, пусть лодочник полощет
Весло, и пусть вода подмочит нам хвосты
И шлейфы... разгляди затопленную площадь:
Там, в уголке - не ты?..

ОЛЬГА РОДИОНОВА

* * *

Пой, запечный сверчок. Наплевать, что лепечут уста,
Нескрываемо жадные, пьющие воздух, как водку.
Пой тихонько, скрипи. Этот смертный еще не устал -
От его электрических рук пробивает проводку.

Ни к чему отвлекаться на частности - пой, говорю.
Твой столетний период сверчка истекает в субботу.
Несмотря на любовь и войну, ты закончишь работу
Как часы, и отметишь рождение по календарю.

Если птицей родишься, меня и не вспомнишь, не ври.
Этот смертный, которого руки, которого губы...
В общем этот, который, я знаю, бессмертный внутри,
Спроектирует вновь мини-иерихонские трубы,

Золотые соломинки труб для запечных сверчков,
Улетевших в трубу вместе с дымом растопленной печки.
Что он пишет, пожалуй, и не разберешь без очков -
То ли строчки стихов, то ль обнявшиеся человечки.

Он такой, он придумает, ты ему только напой,
В полнамека напхни, а дальше он сам разродится.
Эй, запечный! напой мне - я тоже хочу возвратиться
Из холодной золы - золотой, как солома, тропой.

У НАС В ГОСТЯХ

НИНА КОРОЛЕВА

* * *

Мама - овен, родилась второго апреля
В Кореновской станице, росла на Кубани.
Ранним летом, еще кавуны не созрели,
Полюбила рассветы встречать на баштане.

Не любила купаться в кубанской водице.
Лишь отцу-казаку, чьи рубухи стирала,
Из ведра у колодца давала напиться.
В Ленинграде - цвела. А в Москве - умирала.

Эту длинную жизнь - и вдовство, и блокаду,
И рождение сына, и гибель-потерю -
Я последняя помню, а помнить - не надо!
Не становится легче пред запертой дверью!

Не становится облик ее ни теплее
В солнце памяти, как на засвеченном снимке,
Ни роднее, ни ярче, а даже - бледнее,
Как начертанный мной на подтаявшей льдинке.

Почему же я всё вспоминаю детали,
Точно память моя - для мозаики рама?
Видно, место ищу, где бы души витали...
Ты в раю?.. Мы, наверно, не встретимся, мама.

28 марта 2003

ОБ АВТОРЕ: Нина Валериановна КОРОЛЕВА, Москва. Поэт, историк поэзии и театра. Родилась в 1933 году в гор. Бобрики, Московской обл. В 1970 году защитила в ИРЛИ (Пушкинский Дом) диссертацию о поэзии Тютчева. Член Союза писателей с 1966 года. 20 лет вынуждена была «писать в стол». Автор поэтических книг: «Хвойный дождь», 1960; «Озерные вокзалы», 1968; «Подарок», 1973; «Медленное чтение», 1993; «Соната-осень», 2000; «Окно в ночи», 2001; «Договорим когда-нибудь...», 2001; «Золотое руно», 2002; «Облака», 2003; «Одинокие звезды в пространстве», 2003.

НИНА КОРОЛЕВА

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ТАЙНОЙ ВЕЧЕРЕ

Тайная Вечеря. В чистый четверг.
Мысли о прошлом гоню и ловлю я.
В мире никто еще не опроверг
Сути предательского поцелуя.

Тайная Вечеря... Ты промолчи,
Глядя в глаза предающему другу.
«Радуйся!» - Что ж, освяти куличи,
Чтобы в пасхальное утро по кругу

Сели друзья. Разговленье и смех.
И поцелуи. И сладостный шопот.
Мало надежд, но не мало утех
Людям сулит исторический опыт!

Тридцать сребренников, наконец, -
Чтобы прожить веселее и краше...
О, почему не услышал Отец
Первого стога «Моленья о чаше»!

Вечеря кончена. Вышли друзья...
Как небеса гефсиманские сини!
Утро. «Да сбудется воля Твоя!»
Тонкая ветка дрожит на осине.

25 апреля 2003

НИНА КОРОЛЕВА

Науму Коржавину

Вроде откровения и света
Были строки - кто из нас не знал
Грустного российского поэта,
С детства полюбившего овал!

Имя Мандель мы в сердцах носили,
Голос был услышан и любим, -
О горящих избах по России,
О любви, которая «с другим»,

О священной площади Сенатской.
Выросшие над Невой-рекой,
Длинный путь от их могилы братской
Мы прошли с коржавинской строкой!..

Разметали годы нас и страны.
Но - и в мироздании глухом
Через годы, через океаны
Мы перекликаемся - стихом.

На чужих дорогах ноги стерты.
Вспомните, когда охватит грусть,
Что поэты питерской когорты
Знали Ваши строки наизусть!

21 апреля 2003

Льву Аннинскому

Когда уйду - по-питерски, одна, -
Всё будет так же: где-нибудь война
И беды чередой за годом год:
Цунами, извержение, ледоход,
Сдвигающий опоры у мостов,
А где-нибудь - особый блеск цветов
На радиоактивном пустыре.
Уйду одна, скорее - на заре,
И бедствий от того, что нет меня,
Не станет больше с траурного дня.

И глядя в даль на облако в окне,
Лев Аннинский напишет обо мне.

26 марта 2003

А. ПУШ

* * *

Мой серый кот схоронен не вчера,
В моей квартире сумрачно и сухо,
И мне соседствует теперь по вечерам
Одна бессмертная невидимая муха.

И как старуха девяноста лет,
Живу я прошлым, призрачным столетьем:
Наш серый кот, твой разноцветный плед
И белых рук свисающие плети.

В каминном свете тенью золотой,
Застыв на миг, как на живой картине,
Твой образ жив. В былом - полумечтой,
И полу-истинною былью ныне...

* * *

Где ручей течет, птички моются,
Там мой кот лежит, упокоится,
Там, где белки на суке на березовом,
В синем он лежит мешке, а не в розовом.

И листва шуршит астматически,
Кот - ушел, а я - то жив. Поэтически.

А. ПУШ

ВИЛЬЯМСБУРГСКИЙ МОСТ, 02

Сижу у речки, под мостом,
Прохожих нет, один я,
И вспоминаю время то,
Когда ретривер Дина
Скакала здесь с мячом во рту,
Лечила свои ножки
И с наслажденьем бормоту
Хлебала из ладошки.
Всего-то лет прошло чуть-чуть,
А сколь сменилось в доме:
Уж год, как Кот ушел в Тот путь,
Собака - в Оклахоме,
Стишки что я тебе кропал
На этой вот скамейке -
Старее, чем Сарданапал,
А мать всё та ж. Налей-ка...
Нет, не изменен чувства пыл,
И мост покрашен даже,
А то, что утром послан был,
Так и тогда - туда же.
Проехал «Circle Line», волны
Взболтнув шлепки и вздохи...

Мне голубь капнул на штаны -
От этого и строки.

А. ПУШ

* * *

Выцвелась луна, высветив стога,
Белым очертив черненький лесок.
Маленькая-маленькая Баба-Яга
Вышла на замшелый порог.

Маленький борок меж семи дорог -
Сказочка в четыре шага.
Маленькая-маленькая Баба-Яга
Вынесла метелку и совок.

Ближнее село вырубил ток,
По шоссе ползут светлые луга.
И всю ночь метет черненький лесок
Маленькая-маленькая Баба-Яга.

Вымела всё Зло и Порок,
Что вчерашний день наволоку,
Собрала всю дрянь на совок -
Вышвырнула вон, за порог.

Понесло всю дрянь на село...
А как вышла солнца дуга,
Просыпался люд - матерился зло:
- Ух, проклятая ты, Баба-Яга!

ТАТЬЯНА ГРИНДЛИНГЕР

БОЛЬНА

I

Когда не хочется любить,
когда любить почти что нечем,
вдруг -
        кровь под сердцем зарябит,
и устремится вспять. И печень
забьется в горле - горько так,
что не вздохнуть.

        Как *наркота*
дурман любви - не сладок;
но молча *ломку* я терплю.

...Зачем, Господь, -
                                опять *люблю?*

II

Все симптомы, увы, на-ли-цо.
Что-то тошно мне от и -ллю-зий.
Подойти бы к окну, раскрыть жа-лю-зи -
поглядеть на темную у-ли-цу;
но немо-жется.
Бессо-нница.

III

Отдыхать на груди океана,
на гладкой его груди, -
теребя волнистую голову...
Во сне
        Океаном зову тебя.

29 июля 2002

ТАТЬЯНА ГРИНДЛИНГЕР

ЕЩЕ ЛЕТО
(18 сентября 2002)

Еще лето: зачем прель
крадется по саду?
Отдохнуть сяду
на скамейку под полу-деревом.
Еще лето -
кусаются комары.
Пусть: кровь не водица -
на нее нет дефицита.
Больше кошмары
не снятся - в них живу.
Еще лето:
помирать собирайся,
а просо сажай!

...Просто
это *прелесть* крадется
садом души, -
тонкая, бездыханная.
Еще лето.

ТАТЬЯНА ГРИНДЛИНГЕР

ОКТЯБРЬ

I

В саду такая тишина,
что нет спасенья от раздумий.
Шатает ветлы от вина
опасливых благоразумий.
И горечь капает с небес
лиственной пожухлой.

Нет спасенья
от сожалений, и тепла - и без-
различия чужого.

...Увы, увы! октябрь ожогом
затянет рану сентября.
Но, может быть, совсем не зря
горела легняя тревога.

9.X.02

II

Три года обещанного ждать -
так жадно! и так непонятно -
чего же, именно?..

Три года, и тридцать три года,
и триста и тридцать и три...

Сиди - и жди.

Или: иди и смотри.

Но если велено -
«будь пока с мамой и папой,
и не пиши, не греси,
не смейся, не смей, не смеси...»

...Хочется стать ласковым Буддой,
но лучше не буду:
стану птицей, полечу в подворотню,
из лужи напьюсь, серого хлеба склюю
крошечку.

Очень, очень прекрасно.

9.X.02

ТАТЬЯНА ГРИНДЛИНГЕР

THE RUSSIANS ARE COMING!

Идут белые снеги,*
пали красные фиги...
Вне кошмара иль неги,
мы друг другу - в е р и г и:

на машинах и шеях,
зеркала и магнитиках...
Как снаряды в траншеях,
рвутся грубые нитки!

Бусы нью-орлеанские,
девы заокеанские...
- Врассыпную и в россыпь:
идут в Америку россы.

14 октября 2002
(Покров Пресв. Богородицы)

*строчка из стихотв. Е. Евтушенко

ВИКТОР ФЕТ

ПРИРОДА

Не то, что мните вы, природа.

Ф. Тютчев

Как дождь в горах, проходят годы,
И вещи видятся ясней:
Враждебность скрытая природы
Всё резче проступает в ней.
Кто ей в глаза посмотрит прямо,
Поймет: нет, нам не друг она.

Снегов альпийских панорама,
И скользкий мир морского дна,
Лесов тропических стена,
Песок пустыни злой и белый -
Полны дремоты онемелой,
Полны следов немного сна.

Так взглядом, тянущим назад,
Тебя встречает зоосад,
Где аспид смотрит не мигая
Под знаком когтя и клыка,
И жизнь представлена другая,
Нам не нужна и далека.

Так вот куда нас тянут гены:
Назад, во тьму, к прошедшим дням,
Где вещи были неизменны,
И мир не подчинялся нам.

2 мая 2002
Бабатаг, Узбекистан

ВИКТОР ФЕТ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Мы - старинный корень *мысли*,
я - старинный корень *яви*.
Клеопатра ли, Таис ли
нанесли удар державе?

Врать не станет стая вранья,
плети падали на плечи.
Ум - свидетель умиранья
древних рек и прежней речи.

Соль и солнце ослепили
мир эмиров. Гомон птичий.
Тонко слой вечерней пыли.
Зелен чай. Силен обычай.

3 мая 2002
Бабатаг, Узбекистан

БАДХЫЗ И РЕПЕТЕК

На пороге нового века
Запиши в листки дневника:
От Бадхыза до Репетека -
Море глины и тьма песка.

За закатною тенью длинной
Образ мысли давно знаком:
Что Бадхыз не покроет глиной,
Репетек занесет песком.

Здесь кончается наша виза -
Из-под плотно закрытых век
Всё, что вспомнилось для Бадхыза,
Навсегда сотрет Репетек.

18 апреля 2002
Репетек, Туркменистан

Бадхыз и Репетек - два заповедника в Туркменистане. (Прим. автора)

ВИКТОР ФЕТ

ПОСЛЕ РАСПАДА

Когда отпускают цепь,
Тогда наступает степь.
Времени рвется сеть,
И некуда песню спеть.
Идут, стучат поезда
Из некогда в никогда,
Словно не слышат весть
Радостную. Вольно ж
Миру быть на цепи!
Век бесталанный, спи.
Нечего лезть под нож.

16 апреля 2002
Репетек, Туркменистан

ВРЕМЯ И СЛОВО

Бьет ли молот, серп ли косит,
змей ли воет в глуби вод -
время на берег выносит,
что в себе не унесет.

Ритм и правду дня и ночи,
и реальности, и сна,
то длиннее, то короче,
помнит времени волна.

Там, где смысл из жизни вынут,
только водоросли стынут
на поверхности песка -

но из глубины колодца
слово резвое несется
за пределы языка.

5 июля 2002
Риверсайд, Калифорния

ЛЮБОВЬ ЗИНОВЬЕВА

НЕИЗВЕСТНОМУ ГРАЖДАНИНУ СССР (посмертно)

Эхом звездного провала:
- Я тебя не убивала!
На дуэли, на кресте,
Черной вязью на листе
Белом
Я не подписалась,
Не казнила. Но осталась...
Ни намеком, ни дыханьем,
Ни в сегодняшнем, ни в давнем
Дне
Не знала о тебе.
Мне
Жилось в моей беде,
В серых сумерках укрома...
Не встречались! Не знакома!
Даже тени не видала.
Я тебя не убивала!
И не скрыла от прицела.
И - как видишь! - уцелела.

01.91

* * *

В церкви, прислушиваясь, замерла -
Боже! Еще одна мать умерла...

06.90

ЛЮБОВЬ ЗИНОВЬЕВА

* * *

Бывает день, как выпавший из рук:
Подсолишь чай и спутаешь конверты,
Прольешь, споткнешься, разозлишься вдруг...
И где-то потеряешь документы!
И пятна свежие, и новенький синяк,
И сядешь мимо, и сболтнешь не то...
Последний выбросишь нечаянно пятак! -
Как будто мстишь себе неведомо за что.

03.08.01

* * *

А у нас теперь дожди -
Мокрая сумятица,
На слепые витражи
Неба лужи плятятся.
А у нас не та краса:
Ржавчиною схвачены
Величавые леса,
Словно молью трачены;
В грязной пене долгих туч
Мягко и остыло
Сквозь дожди сочится чуть
Солнечный обмылок...

09.87

ЛЮБОВЬ ЗИНОВЬЕВА

Андрею Панютину

Я жив, я жив, я жив...
А если умер?
И прах мой увезен в какой-нибудь Ванкувер,
Рыдает безутешная вдова
И черные вздымает рукава,
И голосит...
Недавняя подруга
Суровых дней моих, соперница недуга
И верная любовница моя...
А мой дневник расстегнан и поруган.
Тяжелыми закапанный слезьми,
Его забыли и не отвезли...
Потерта коленкорова подруга...
Ах, мой дневник! Зачем его забыли
И крепкими гвоздями не прибили
К дубовой синей крышке гробовой!
А кто я был, когда я был собой,
Он знает, мой товарищ дорогой.

Вдова моя, прости, что рано умер!
Зачем тебе Париж, а мне Ванкувер
Не знает даже этот постовой.
Стоит он и качает головой.
И ты будь счастлив, одинокий дурень,
На улице знакомой и родной.
Вот только я...
Зачем так рано умер!

02.02

ВИТАЛИЙ РАХМАН

* * *

Параллельны туманности судеб,
О которых мы судим по шрамам,
По прожитому, по мамам,
По искореженному Свету Новому,
Припорошенному ветхим хламом.
Отморозки духа вольного,
Очень выглядят устало
От бега рысью, победы быта,
От баб, от блата, от быдла.
Рыцари в латах дыр от зарплат,
ОВИРа мытари.
Нам бы, выстояв, в небо выпорхнуть
На свободу с чистой совестью!
На вылет, выстрелом.
Гражданин, покиньте Родину! Вашу Мать..!
Дульценией подмышки детишек.
Прощай, Арбат! Выход там.
Слава Богу! Высота. Не видно вышек.
Вдоль Гудзона по-над кромкою,
То над Мойкой, то вдруг Каменным...
Чей-то голос хрипло-камерный,
Из могилы руки тонкие.
Серебром булавы-головы,
По Булату пьяно плачутся.
Был когда-то мерой совести,
Но давно уж всё иначе там.
Из экранов стёбы вечные,
Дальновидные пророчества
И чинариком отечество,
Соглядатай одиночества.
Самовар гудит беспечно.
Самиздатом клюквы поенный,
Абель там рыгает боингом,
Рома, рюмка, Иосиф с Козном.

ВИТАЛИЙ РАХМАН

Под камсу от Москвы,
Под лапшу из мацы про Хамсин,
Под тоску по бывшим половинам
Параллелятся дыбом судьбы,
Кочевряжатся годы-вороны.
Может, внуки поймут, рассудят,
На других языках раскодят.
То, что было - понятней станет,
Слов семантику расшифруют,
Нет, шахною Мир не накроется,
Шаль Шехины окутает улицы,
А початую полу-правду допечатают, дорифмуют.

29 сентября 2002

* * *

Глухо в трубку промолвил: - люблю,
А в ответ - очень грустное: - знаю,
Только нынче я вовсе другая.
Ловишь прошлого ты пустоту.

Хрипло выдавил: - правда твоя,
Видно, логика в чувствах бессильна.
Я люблю завершенность вчера,
А сегодня - так зыбкостью пыльно.

Она горько ответила мне: - упустил
Тот момент невозвратности судеб.
Ну а я: - ты права, - повторил
И подумал: - Господь нас рассудит.

ВИТАЛИЙ РАХМАН

РОЖДЕСТВО В НЬЮ-ЙОРКЕ

Ангел ночи свой путь уступает
Свету чистому нового дня.
Утро. Площадь и старец вещает
О земном благоденствии. Зря.
А быть может, не зря он пророчит
Весь согбенный в страданьи своем.
Может, истина - луч среди ночи,
Через слово пройдя непорочно,
Белым снегом на землю падет.
Тогда ночь, напоенная тьмою,
Вдруг почувствует: тьма - не конец.
Есть начало за нею другое!
Дух Творца, Его длань и венец.

* * *

Осевший снег - холодный блин.
Края подпрелые темнеют.
Гусиный клин, тревожа синь,
В лугах восхода розовеет.
Пар от разбуженной земли,
Слегка задев, качает ветер,
И тени кружево сплели
Для нежной поступи весны,
А день, продрогший от зимы,
Набухшей почкой в солнце метит.

15 марта 2003
Филадельфия

Виталий Рахман.

ЭТЮД № 1.

Акварельный карандаш.

ГЕННАДИЙ ГОЛОВИН

ПАМЯТЬ О РОССИИ

Столь редкий снег, как память о России,
Напоминает лет текучих бег,
Когда мы тесто к парзdnикам месили,
Оно "сбежало" за ночь, как на грех.

Твой инеем муки обсыпан фартук,
Дотошный лик в окне льняной луны,
На противня промасленную карту
Шипели возмущенные блины.

Над скатертью хрустально-ароматной
Встречались поцелуи на устах.
Противилась любви неоднократно
Кукушка в приснопамятных часах.

Нас нет давно. Как будто мы не жили.
Лишь временами, замедляя бег,
Кружится над проулками чужими,
Как о России память, редкий снег.

1 августа 2002

ГЕННАДИЙ ГОЛОВИН

* * *

Я проникаю мысленно в тот мир,
Который назывался русским домом.
Пойду бродить по улицам знакомым:
Присутствие. Собрание. Трактир.

Торговлишко с лотков. Честной народ.
Суконный ряд. Материя по штукам.
Вода бежит по аркам акведука.
Вверх по реке - колесный пароход.

Лотошники. Там сбить. Тут кисель.
Гуляет голь: осьмушка за полушку.
Пирог с начинкой. Сытная ватрушка.
Кружится в ритм шарманке карусель.

Под зонтиками, с нянями, чуть свет
На променад спешат мадмуазели -
Дворянки юные с фигурами газелей
В атласе-бархате прогулочных карет.

Погода радует. Обычна весна.
А сколько прелестей: на праздничных берегах
Галдят скворцы. Отговорили грозы.
Краса небес невинностью ясна.

Сударыня, позвольте проводить.
Как Ваше имя?.. Ангельские глазки.
Букет мимоз. Вы, часом, не из сказки,
Где бескорыстно можно полюбить?

Я воскрешаю мысленно тот мир,
Который назывался русским домом.
Пойду бродить по улицам знакомым -
Былых времен я приглашен на пир.

12 февраля 2003

ГЕННАДИЙ ГОЛОВИН

БАРЫШНЯ НАСТЯ

Россыпь алмазов по снежному насту,
Звездным сияньем красуется вечер.
Спит безмятежно барышня Настя,
В пух домотканый кутая плечи.

Горкой у печки сохнут поленья.
Спит, улыбаясь в вольтеровском кресле,
Боем часов убаюкана. Ленью.
Прялки жужожаньем под нянину песню.

Россыпь алмазов по снежному насту.
Месяц в серпе золотистого цвета.
Спит безмятежно барышня Настя.
Фея из сказки... Было ли это?

21 сентября 2002

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Не ходи к судьбе на поклон.
Не вымаливай подаяний.
Под малиновый перезвон
Не выстаивай покаяний.

Не тяни лотерейный билет -
Грешный путь заколочен в сроки.
В меланхолии черный цафт
Не вплетай золотые строки.

Не юли, не канючь, не проси,
У людей доброты не требуй.
Светоносная нота *си*
Канет в тучах сырого неба.

Не крестись, не клянись, не божись.
Всё правдивое насквозь лживо.
Что такое земная жизнь? -
Неизбежное дно обрыва.

21 мая 2002

ГЕННАДИЙ ГОЛОВИН

КУРГАН

Константину Ивановичу Красильникову

Овеян славой и бедой,
В лучах зари речной долины,
Бессменный страж - герой былинный,
Курган от времени седой.

Ручей студень, ключевой
Вблизи его - юнец строптивый,
Журчит под светлые мотивы
Лебязьих песен над водой.

Орел в порыве боевом
Стрелой, не знающей преграды,
Настигнет жертву из засады
Пустых небес - незримый гром.

Вздыхая в сонной тишине,
В плену у шелковой долины,
По бранной звонкой старине
Грустит курган - герой былинный.

13 января 2003

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

ЗАПИСКИ АРИЭЛЯ

Никакие это, конечно, не записки. И я не Ариэль. Но этим именем назвал меня - и лучшую свою прижизненную книгу стихотворений Валерий Перелешин, мой никогда не виденный в глаза друг по переписке, которая длилась с 1971 по 1991 год, почти до самой его смерти. Наша переписка хранится в трех местах: в архиве Лейденского университета в Голландии, в Институте мировой литературы в Москве, и в моем собственном архиве. Когда-нибудь и кто-нибудь надумает эти письма издать, их больше сотни с каждой стороны; но я этому издателю не помощник. Прежде всего нуждается в публикации как раз поэтическое. И заниматься этим придется мне: в письме от 18 октября 1988 года Перелешин писал: *«Читатель, на которого я держу прицел - в России, как бы она ни называлась. Больше того: авторские права в России осуществляются через Вас, а после моего неизбежного ухода переходят к Вам (надо бы написать «К тебе»).* Добавлю, что со следующего письма (от 5 ноября 1988 года) поэт стал обращаться ко мне «на ты». Я не возражал, но никогда не смог бы сам так же обратиться к нему.

Письма трех последних лет были полны инструкций: что разрешать печатать, что придерживать, в каком порядке и на каких условиях. Свой поразительный перевод древнекитайской поэмы "Дао Дэ Цзин" Перелешин мечтал увидеть не просто изданным, но как-нибудь очень хорошо, красиво, пусть и дорого. Это удалось, хотя прижизненное издание («Проблемы Дальнего Востока», 1990, № 3) было журнальным, его он еще успел подержать в руках и давал читать друзьям. Зато московское издание 2000 года в серии «Триумфы» (изд. «Время», где я работал главным редактором) оказалось настоящей библиофильской радостью: плотная бумага, сорок иллюстраций, ни единой опечатки. Жаль, что так поздно.

Десять лет прошло со дня его смерти в 1992 году, в день седьмого ноября. И пора сказать читателям главное: неопубликованная часть наследия Перелешина всё еще остается в несколько раз больше опубликованной. Тринадцать поэтических сборников, огромная «Поэма без предмета», сборник стихотворений, написанных по-португальски - по скромным оценкам едва ли треть его поэтического наследия. Перелешин составлял свои сборники тематически, но располагал в них стихотворения по простой хронологии написания. Выпустив

очередную книгу, он мог извлечь из архива для публикации нечто созданное раньше только в порядке исключения - обычно он брался за новую книгу. Собственно говоря, после падения железного занавеса поэт сильно успокоился по поводу своего литературного наследства, с другой же стороны - годы давали о себе знать, здоровье разрушалось. Последние, очень немногие стихотворения датированы 1990 годом, одно из них я приложил к некрологу Перелешина, который я написал для «Нового журнала» по просьбе тогдашнего главного редактора Ю.Д. Кашкарова. А в моем, да и не только в моем архиве, счет неизданным, но совершенно законченным оригинальным стихотворениям Перелешина идет на многие сотни.

Выбор стихотворений для этой публикации во «Встречах» совершенно произволен: я брал стихи, не вошедшие в прижизненные сборники (посмертных и нет пока), да и вообще, насколько мне известно, нигде не напечатанные. Надеюсь, что книга, которую в строке своего сонета Перелешин предвидел как «Московский том - «Валерий Перелешин», всё же рано или поздно выйдет в свет, ибо электронная почта упразднила расстояния, а я и Ян Паул Хинрихс в Лейденском университете подготовку этого издания к печати уже всерьез начали.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ПЕРЕЛОМ

Мечтательность и молодость меня
Фантазией питали и стихами,
Миражами и радужными снами
От суеты заботливо храня.

Теперь же, явь нелживую ценя,
Я не учусь летать за облаками
И сдерживать умею удилами
Беспутного крылатого коня.

Его полет причудливый расчетом
Я заменил, чтоб разыграть по нотам
Оставшийся десяток ровных лет.

И был бы горд удавшейся игрою,
Когда бы мне не думалось порою,
Что крыльев нет, но смысла тоже нет.

19.VII.1954

Рио-де-Жанейро

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ РОЗЫ

Всё строже явь изобличает грезу,
Всё резче жизнь развенчивает сны,
Но вновь дарит, как в молодости, розу
Мне первый день вернувшейся весны.

Для символа роскошного цветенья
Устрою заповедный островок
Меж пыльных книг, чтоб на одно мгновенье
Об осени своей забыть я мог.

Пусть будет страсть до боли и до крика
И пятна красок, жалящих остро,
Нужней, чем дымное стекло Лалика,
Габерта Дайса чернь и серебро.

От жизни, снова щедрой и богатой,
Пусть отойдет, бескровный, как фантом,
Просвечивающий, зеленоватый
Китайской яшмы бледный монохром.

24.VII.1967, Рио-де-Жанейро

ВСТРЕЧИ И ПРОЩАНИЯ

- «Какая встреча! Здравствуйте, Валерий!» -
Друзья желают, чтоб я был здоров,
Как будто б я, по их бескрылой вере,
Мог избежать больниц и докторов.

Приятелю мы «здравствуйте» бросаем,
Когда спасти болезнь могла б его;
Не думая, свиданья обещаем
Тем, у кого не ищем ничего.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

В безбольную минуту расставанья
мы, расходясь в угаре городском,
Условимся коротким «до свиданья»
Что встретимся - когда-нибудь потом.

И только раз, прозрением провидца
Я, в будущее глянув невзначай,
Поэту, что собрался застрелиться,
Сказал не «до свиданья», а «прощай».

На миг пахнуло прелостью погоста
(Всё позади, и доктор не у дел).
...Встречая вас, китаец спросит просто:
«Чи-фань-ла-ма?» (Сегодня ты поел?)

20.IV.1969 *Рио-де-Жанейро*

НАД МОРЕМ

Девятый вал, подай мою русалку
И надорвись, как цирковой силач,
И присмирей, но галкой засудачь,
И по песку разгуливай вразвалку!

Приехала. Приветствую гадалку
Улыбками - и ворохом задач:
Продумай их, судьбу переиначь,
К экзамену изобрети шпаргалку.

Но девушка молчит: ни да, ни нет,
И да, и нет? Но это не ответ:
Ведь, может быть, со мною шутят боги,

Как буйвола, ведут на поводу
Голодного, и бросят по дороге,
А может быть, я сам с нее сойду?

17.I. 1974
Рио-де-Жанейро

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ВЕТЕР

То ветер, играя со шторой,
И дверь заодно растворил,
И входит тот самый, который
Давидом к Саулу входил.

По летописям старинным,
Всех краше он был и правей:
Возлюбленным делался сыном
И прочь оттеснял сыновей.

Оставлена императрица
Для страсти - земной? неземной?
И старому кесарю снится
Пришедший за ним Антиной.

Ворчит многодетная Анна,
Что шляется с кем-то Шекспир,
Но слаще запретная манна,
Чем пошленький маленький мир.

То ветер бессмертия веет
И пыль обивает с парчи:
- *«Такая любовь не истлеет...»* -
Молчи, совратитель, молчи.

22.III.1974
Рио-де-Жанейро

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ВЕСНА

Меня веселая весна -
Цветы в руках, цветы в подоле -
Выдерживала допьяна
В потустороннем алкоголе,
Учила всяческой крамоле
И отвечать велела «нет»
Грудной, зубной и прочей боли:
Мне было восемнадцать лет.

В пыль переулков Пекина,
Ворча на ранние мозоли,
Весна вступала, но она
По ним тащилась поневоле;
Всерьез послушников пороли
За смех и за шальной куплет,
А я не слушался: давно ли
Мне было восемнадцать лет?

Теперь подходит время сна:
Окончились мои гастроли,
И часто злится тишина
На сипловатые бемоли.
Но шелестят ночные моли,
Пока горит прощальный свет:
Затем ли, чтоб молчать в шеоле,
Мне было восемнадцать лет?

Весь в пластырях и в ихтиоле,
Тебе, Весна, я шлю привет -
Как в год, когда, по давней роли,
Мне было восемнадцать лет!

5.1. 1975
Рио-де-Жанейро

(Публикация Евгения Витковского)

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

11 СЕНТЯБРЯ 2001

И через год не исчезли
Из памяти глаз
Два восклицательных знака
Завершавшие город
Задорным аккордом
Тридцать пять лет
С другого берега ущелья
В которое вливается океан
Возникал из сна и тумана
И восходящего солнца город

Через год не осталось следа
От распыленных человеческих тел
Черная дыра распахнулась
В дурное пространство
Всё это было - было когда
Рухнула Вавилонская башня
Погибли грешные города
Содом
На который нельзя оглядываться
И Гоморра

Ноябрь 21, 2002

НИКОЛАЙ ДУБОВИЦКИЙ

ДАЛЕКО ОТ РОДИНЫ

Вольфгангу Казаку

Что от родины далекой мне осталось?
В памяти убитые года.
Всё, о чем когда-то мне мечталось,
сгнуло, как в Лету, навсегда.

Лишь когда возьму свою гитару,
запою с российской тоской,
про царицу в крепости Тамару,
и про клен опавший за рекой...

Одолеют ноты спозаранок,
те, которые когда-то я любил,
про костер и про толпу цыганок,
всё, что на чужбине не забыл.

И в одно мгновенье всё сольется,
прозвучит, как сказочный аккорд...
Родина мне хмуро улыбнется,
с нею - весь обманутый народ.

Зазвучит по-новому гитара,
и стихи по-новому звучат...
А жестокая грузинская Тамара
провожает на войну внучат.

НИКОЛАЙ ДУБОВИЦКИЙ

МЧАЛИСЬ КОНИ

Дед проснулся, прыгнул с теплой печки,
бабка всей семье оладьи напекла,
мы своих коней поили в горной речке,
где хрустально-чистая вода.

Где над омутом, склоняясь, стояли ивы,
синевой манила глубина,
мы коням вплетали ленты в гривы,
подтянув по росту стремяна.

Как домой галопом мчались кони,
распустив по ветру длинные хвосты,
будто мы спасались от погони
через реки, горы и мосты.

Лаем провожали нас собаки,
девушки глядели молча вслед,
мы промчались мимо, как в атаке,
в предвкушенье горестных побед.

Напоили карих, накормили,
дали им и сена и овса...
Мы коней, как родину любили,
покорить мечтали небеса.

« « «

Всё прошло. Нет бабушки и деда,
некому испечь теперь блины.
Нет коней. На всех одна победа -
в один миг исчезло полстраны.

Плач, несчастья, жалобы и стоны,
воевать, бороться нету сил;
пустыри, пустыни, полигоны
там,

где дед с семьей

коням траву косил.

У НАС В ГОСТЯХ

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

* * *

Кто там?.. Никто. Тишина
ходит, бесшумнее кошки.
Белый цветок, как луна,
вслед ей качнулся на ножке.

Кто там?.. Сказали: никто!
Это туман наползает,
кутается в пальто,
смотрит пустыми глазами.

Кто там?.. Никто, говорят.
Тихо, пустынно за дверью.
Выйду - в пустыню ли, в сад.
В то, что одна - не поверю.

С юности до седин:
«Кто там?».. Уймешь ли тревогу?
Знаю, что кто-то - один -
вышел опять на дорогу...

ОБ АВТОРЕ: Светлана Львовна СОЛОЖЕНКИНА, Москва. Поэт, эссеист, художник. Родилась в 1940 году на Урале. Детство и юность провела в Златоусте. В четырнадцатилетнем возрасте опубликовала первое стихотворение в златоустовской газете. С тех пор постоянно печатается (ныне и за рубежом). В 1962 году окончила Московский литературный институт им. Горького. Автор поэтических сборников: "Мой отчий дом", 1966; "О небе насущном", 1975; "Наедине с другими", 1976; "Год без весны", 1985; "Цветы открыты до шести" (стихи для детей), 1987; "Цветок над бездной", 1993; "Свет незримый", 1995 и др.

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

* * *

Зной - колокольня, зной - Иван Великий
вздывается над миром... Даль звенит...
Как угли раскаленные, гвоздики.
Арбузов ранних воспаленный вид.

И так - весь день. Закат пылает сутки,
в клубнике прячься, в груди помидор...
Найдешь в лесу болотце, незабудки,
порадуешь прохладой тайной взор,

и в огненную пещь, опять на площадь
выходишь, и несешь, как изумруд,
вспоминанье о шумящей роще,
где все тона зеленого поют...

Зной - колокольня. Зной - Иван Великий.
Зной - словно храм на золотых песках...
И ночи непроглядные черники
среди бела дня синеют в тесках.

Я не звонарь, я - не послушник зноя,
не мне раскачивать его язык,
со мною север - бытие иное,
где каждый уходит в себя привык,

как в крепость: в меховые рукавицы,
в кухлянку, в глубь заснеженных бровей...
И где теплом последним поделиться
готовы, словно горсткой сухарей.

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

* * *

Выйти в жизнь. Быть радости вестником.
Подглядеть как белка смеется...
В белой ступке золотым пестиком
жасмин растирает унцию солнца.
Из лужицы, словно из чашки,
малиновка пьет воду... Прекрасно!
Божья коровка в красной рубашке
шеголяет, словно на Пасху.
Я забыла, что значит «газета».
Когда-то читала, во время оно...
А теперь я думаю, что это -
гадюка, выползшая из клозета,
или - вновь ожившая Медуза Горгона.
Катастрофы. Убийства. Липкое кружевце -
пауки-олигархи плетут свои сети.
Жирным петитом - серийныке ужасы:
«Людоед съел жену, а его - съели дети».
Пестрота объявлений: «Погибла Троя»,
«Пропала собака», «Снимаю порчу»...
Я хочу рассмотреть как цветок устроен,
прежде, чем меня, как траву, затопчут.
Сто шестьдесят каналов в Венеции.
Вряд ли я побываю там...
Но у меня есть карманное зеркальце,
и солнце ходит за мной по пятам.

* * *

Снег холоден? Не более, чем вы,
когда под солнцем ищите местечка.
Я снежного жалею человечка:
он не снесет весною головы.
Зачем его вы сделали отдельным?
Среди кристаллов - был и он кристалл,
среди снегов - он, снег, сиял бесцельно,
но вам в угоду - одиноким стал!
Ничей старик или ничье дитя,
как Чарли Чаплин, он стоит, грустя.

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

* * *

Чтоб написать о «серебре
и сонном колыханье»,
конечно, надобен талант,
но также - и ручей,
который вечен, чист,
и хочет стать стихами...
Фет не предвидел ад
чернобыльских ночей.
Не в меру «прогрессивные» его
за «эстетизм» клеймили неустанно...
Но Фет воспел Природу до того,
как начали ее губить по плану.
Где обрести, по этакой поре,
теперь второе, третье ли дыханье -
чтоб написать опять о «серебре
и сонном колыханье»?

* * *

Как покрывают купол церковный
сусальным золотом - так луна
золотит, неустанно и ровно,
сны поэтов, не зная сна.

Так было всегда. До падения Рима.
До инквизиции. До чумы.
Всё выше вздымается храм незримый.
Не мы начинали, кончим не мы.

Можно поэта обречь на страданье,
но видит поэт счастливые сны -
так хочет не он, а само мирозданье,
и хватит золота у луны.

Михаил Лаухин.

БЫЛОЕ.

Гравюра на линолеуме.

ЯКОВ ХРОМЧЕНКО

* * *

Где-то судьбы изнанкой
Час, что ко мне прирос -
Первый привет Лубянки,
Первый ночной допрос.

Где-то в цифирном мире
Вечных четверок свод:
Камера сорок четыре,
Сорок четвертый год.

Сон, что затер до дырок,
Светел и черно-лют:
Сквозь решетки Бутырок
Майской победы салют.

...Сон разлетелся в клочья,
А наяву - как во сне -
Белой июньской ночью
Падает белый снег.

Полстолетья воочию,
Зоной нанесены,
Темной и светлой ночью
Вольно гуляют сны.

30 апреля 1998

* * *

Погасли звезды в сто каратов,
Закутав небо облаками,
И только ночь, луну упрятав,
Перекликается сверчками.

У эвкалиптов на постое
Утихла в сон воронья стая,
И дремлет озеро густое,
И дремлет тишина густая.

29 января 2001

РАИСА РЕЗНИК

МОЙ ПЕРСОНАЖ

*Мне пришлось тебя изобретать.
...Меня...твой образ озадачил.*

Гари Лайт

Откуда эта музыка?
Откуда эти строки?
Недолги встречи с Музою,
а после - вышли сроки.
Плыла строка-мелодия,
нахлынула - пропала.
И до сих пор на ноте я
несбывшегося бала.
Вот принц встряхнул кудряшками,
что пестовал когда-то...
Под суженого ряженный,
куда же ты, куда ты?

1.
Твой голос: - Всё, судьба потеряна
на промежуточных дорогах,
она меж Яузой и Тереком,
влачится где-нибудь на дрогах.
А я в ответ:
- Вопрос не шуточный, -
а у самой внутри всё сжалось,
там, на дорогах промежуточных,
пропали доброта и жалость.
И рада, что живу в Америке,
в краю, где злости нет и зависти,
не между Яузой и Тереком,
не между Тереком и Яузой.
А ты представил, что в Америке,
меж Сакраменто и Миссури
ни разу не терялись судьбы.
Мне и самой хотелось верить бы...

РАИСА РЕЗНИК

2.

Сердце глупое, так ведь не мудро,
ни уроков тебе, ни науки,
не боишься в воскресное утро
подорваться от сладостной муки.
Забываешься, сердце... Как будто
о былом речи нет и в помине.
Не боишься в воскресное утро
подорваться на сладостной mine.

3.

А завтра - лед на реке...
Иль осени ход в весну есть?
Случайно, рука к руке,
с тобой мы соприкоснулись.

Не много, наверно, вольт
в физическом измеренье?
А я бы - на эшафот
за это прикосновенье.

Сказать себе: - Воздержись
от пагубной силы страсти!
А я отдала бы жизнь
за это мгновенье счастья.

4.

Я взмою
в небо,
мало высоты,
стать мною
мне бы,
есть на свете ты,
мое благоговенье
перед тобой,
твое благодаренье.
Не рабой...
Возвыситься:
- Благословен твой дом!

РАИСА РЕЗНИК

Осмыслится
по осени, потом,
обыкновенье
птицы -
взлет любой...
Благоговенье.
Мнится,
что любовь.

ТЫ ГОВОРИШЬ...
Я ГОВОРЮ...

1.
На тебя смотрю как на диво,
мне подаренное судьбою.
Я любила всегда лениво,
я не пряткая и с тобою.

Не твое - торопить события.
На судьбу одну уповая,
ты навстречу шел по наитью.
Слава Богу, что так бывает.

Вот вчера лишь сошлись мы робко,
на распутье два человека,
а неспешная наша тропка
протянулась на четверть века.

29 января 2002

2.
Казалось, обида утихла былая
с отринутой болью...
Нет. Помню,
что книгой закрытой была я
до встречи с тобою,
теперь поняла лишь
весь кодекс преград,
абзац за абзацем...

РАИСА РЕЗНИК

Неужто, не встретить души твоей клад,
с другим оказаться
могла я? Но разве чужая звезда
мне б так засияла?
Себя осознала я только, когда
тебя я узнала.
Не даст мне слукавить твой искренний взор.
А коль приголубишь...
Себя полюбила я только с тех пор,
как ты меня любишь.

Июль 1999

3.
Ты говоришь:
- Май колобродит,
и солнце палит здесь нещадно.
Я говорю: - Нет, май уходит,
послушай ветерок прощальный.
Ты посмотри на небо юно,
вперед шагни навстречу лету,
скажи приветствие июню,
подержай за косичку-ленту
цветок, что звали мы косицей,
вплетая в школьные букеты.
Спешит на смену майским ситцам
не лето жизни, просто - лето.

18 июня 2002

4.
День окончен воскресный.
Ночь доносит колес перестук,
на дороге окрестной
едет поезд, другой - за версту.
Кто в них едет навстречу, к кому,
от кого едет кто-то?
Сердцу - сказка, загадка - уму.
Ты задумчив и кроток.

11 августа 2002

ВЛАДИМИР БАТШЕВ

ХАЗАР

1

Что такое происходит?
Но берет меня измором
на закате, на восходе
небо желтое над морем!

После - яблоком красневшим...
После? Может это раньше?
И в тумане, и во сне ли
то ли явью, то ли фальшью.

Всё - иллюзия! Всё - маяя!
Опустив ночи забрало,
это просто солнца мало,
море всё его забрало.

2

Витраж морского дна
с утра не замутнен.
Давно известен нам,
с каких еще времен!
С каких? Когда меня
еще не знала ты,
и я тебя менял
на очень прочный тыл.

Смотри как первый луч,
неведомый с утра,
рисует на полу
морского дна витраж.

ВЛАДИМИР БАТШЕВ

* * *

Как первые капли дождя,
стучат
в непроснувшихся ящиках
письма газет.
Мой город!
который в моторах повтора
себя повторяет,
как ночь отражается в комнате темной.
Шофер коренастый
ведет длиннохвостым проспектом
микроавтобус свой низкорослый,
навстречу -
еще красоту не успев навести,
девчонка -
быстрее, чем эхо от стука ее каблучков
пробегают.
Река
разломилась пунктиром моста
на два рукава от рубахи!
Как хлеба кусок, пополам
с лучшим другом ты делишь,
река разломилась пунктиром моста.
О ты, геометр,
движеньем
сумеющий враз
отличить ремесло от прилавка?

ВЛАДИМИР БАТШЕВ

* * *

Из окна гляжу, как из окопа:
изморозь ночная, словно ноты.
Метят нас с тобой не изотопы,
мечутся зрачки ушедшей ночи
от огней к автомобильным фарам,
крикнут тормоза, машины стонут,
и опять в окне вчерашней фальшью
растворяет день дрожанье стекол.
Безопасно зрелище из окон!
Пусть и говорят, что это вредно,
снова я на март меняю осень,
на безделье я меняю время.
Пусть я пепел средь волос развеял,
пусть несчастье не кричит ночами...
Как же славно ожидать рассвета,
если ты его со мной встречаешь.

* * *

Мне уже ничего не надо,
я уже не ищу ничего,
и победам моим, и парадам
становиться на переучет.
По победам своим, и по бедам,
по обетам, обидам, боям,
продираясь собакой побитой,
и случайных прохожих боясь,
мне не надо ни денег, ни славы,
ни укора твоих синих глаз,
мне бы пальцы пора расслабить -
да вот выпадет карандаш.
У чего-то огромного - возле
я брожу и прошу не жалеть -
подступает серьезнейший возраст
по ступеням неправильных лет.

ВЛАДИМИР БАТШЕВ

* * *

Размять, разорвать и разнять
так просто и так невозможно.
Развал - это просто разлад?
Разлука? Значит - всё можно?
А утро - постели светлей
нам режет глаза просыпаньем. -
нас птицы осудят собраньем
с трибуны оконных ветвей.
А что там: была-не была!
Вот был ли? была ли? не сон ли?
важнее, чем пятна на Солнце -
поможешь? а ты помогла?
Пора эмигрировать прочь
в житейскую мудрость от фразы:
и толк сразу будет, и прок,
и вместо поэзии - проза.
А ночь до безумья мала!
Короче твоей сигареты...
И нам невозможно согреться
в гаданьях: была-не была.
Как ночь до безумья мала!
А мы - два безумца зеленых
губами от крови соленых
всё шепчем:
- Помог...
- Помогла...

У НАС В ГОСТЯХ

НАДЕЖДА МАЛЬЦЕВА

КВАРТЕТ ДЛЯ ВЕТРА И КОРАБЕЛЬНЫХ СКЛЯНОК

Рядом с нами шагали святые собаки

Ольга Анстей

Скорей поди сюда, моя собака!
Наш дом - корабль, и вместе мы плывем
туда, где в дымке прячется Итака...
Куда ни глянь, пустынный оком.

Ну что ж, ведь мы, в конце концов, не боги
и не герои - пес и человек,
и сверху мы, как точки на дороге -
из часа в час, да нет, из века в век

плывем, плывем - два сердца бесприютных,
ночной одолевающие мрак,
тебе не надо спутников минутных,
а мне - на день прибившихся собак.

Нам хорошо, мы, как никто, умеем
без напряженья рядом помолчать,
и - волны плещут, и по белым реям
заставит ветер утром зазвучать

все паруса - о сладкая музыка!
И ангел к нам на палубу слетит:
«Земля! Итака!» - радостного вскрика
не удержать, и вот уже забыт

весь тяжкий путь... Кто машет у причала
нам флагами, во сне иль наяву?
Когда придет пора начать с начала,
я без тебя, клянусь, не поплыву.

ОБ АВТОРЕ: Надежда Елизаровна МАЛЬЦЕВА, Москва. Поэт, переводчик. Родилась в 1945 году в Москве. Начала печататься в 1962 году, но затем попала в кампанию травли вместе со "смогистами" и вновь стала печататься как оригинальный поэт лишь с 1989 года. С середины девяностых печатается и за рубежом. Опубликовала несколько книг переводов из литовской поэзии. Авторские сборники «Дым отечества» (стихи 1984-85 гг.) и «Ненавязчивый мотив» (с 1986 по сей день) готовы к печати.

НАДЕЖДА МАЛЬЦЕВА

МЕДЛЕННЫЙ КАНТ

А нас учили умирать
за часом час, за мигом миг,
а нас учили выбирать
не из преданий, не из книг -
всё, всё, что гибелью грозит -
любовь, войну, чуму, потоп,
и лёт плащей, и гром копыт,
и четырех слепой галоп.

Они в пути, они близки,
и первого я вижу лик -
белы, белы его виски,
и бел напудренный парик, -
по всей земле метет, метет
за ним поземку, словно флаг,
и белый конь, ступив на лед,
не оскользнется ни на шаг.

А там не красный ли вдали?
И там не черный ли вослед?
Огонь и мрак, что берегли
для нас любители побед.
Вздохнет земля, вздохнет опять,
раскручиваясь тяжело,
не научившись искупать
и различать добро и зло.

Мы знаем только муку ран
от унижений и обид,
и нам закон единый дан -
закон, что гибелью грозит, -
и покидая этот дом,
мы проклянем отца и мать,
и так умрем, да, так умрем,
как нас учили умирать.

НАДЕЖДА МАЛЬЦЕВА

КЛОЧОК ЛОЦИИ

Я вижу города, сметенные галопом
великих перемен и горы, что во мгле
шагают без дорог по сношенным европам
и чуждым азиям, по огненной земле,

где трещины бегут в моря тройным извивом
левиафана; дым всё гуще, всё жирней, -
где старый Геллеспонт, мирволящий оливам?..
Я вижу только смерть и - Ангела над ней.

Как пламени язык, застывший в белой раме
из безответных роз и спящих хризантем,
недвижно он стоит, не тронутый ветрами,
в глубокой вышине, чреватой вся и всем.

И будет первый день, и солнце встанет с юга -
я вижу, как оно ползет сквозь темный дым,
я вижу островок, где держатся друг друга
последние сердца, и - Ангела над ним.

И некто говорит: вот новая Земля,
вот новый уговор с печатью на конверте, -
но тот же Ангел бдит за ходом корабля,
несущего в себе зародыш новой смерти.

-Где старый Геллеспонт, мирволящий оливам?! -
зажмурившись, кричу. Лишь волны за бортом,
да ветер в парусах в неведеньи счастливом
приветствуют меня на языке святом.

О Ты, хранящий всех живых во веки оны,
что видишь Ты, когда трещит завеса дней?
Конец, начало, связь? первоизъян? законы?..
А я - я вижу сеть, и Ангела над ней.

2000

НАДЕЖДА МАЛЬЦЕВА

КЕНОТАФ

(мужской хор, орган)

Заплатив последним мытом
за провоз в свою тетрадь,
на погосте на забытом
я хотела бы лежать,

где уже никто не ходит -
разве куры или псы,
на могилах не разводят
земляничные усы,

где неприбранные плиты
поросли травой и мхом,
а земля и небо квиты -
старый дом и новый дом.

Не минуют ритуала,
есть и место, всё путем,
ну, а здесь бы я лежала
в той земле, где мы живем,

где короткий срок наш емок
в тесных рамках бытия,
и от света до потемок
жизнь, как песня комарья,

так легка, самозабвенна,
так подобна танцу звезд,
что какая там Равенна?
Только он, простой погост.

ЛЕВ ЛОСЕВ

ОПЯТЬ НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Вороний кар не только палиндром,
он сам карциноген. Распухла туча,
метастазирует. Кепчонку нахлобуча,
оставив за спиной аэродром,
куда теперь? Податься на вокзал?
Остаться и напиться в ресторане?
Как я сказал. Как кто-то там сказал
в стихах. Как было сказано заранее.
Ведь я уже когда-то написал
о том, как дождь над полем нависал,
о тяжком сне пилота-выпи зохи.
В другой стране, в совсем другой эпохе.
.....
А может, ничего? Закрывать глаза
и к алтарю приткнуться аки агнец?
Вороны прячутся. Врывается гроза
и подтверждает черный их диагноз.

МАРИНА ТЕМКИНА

* * *

Может быть, я отправлюсь на Сахалин,
  как Чехов,
или запрусь в деревне с двустволкой
  Тургенева и гончей,
или возьмусь за плуг, как Толстой,
а на зиму махну в Париж, там мягче климат.

Или двину на Капри, там проживал Горький,
мир им зачитывался, всем миром забыли.
Или письма засяду писать длиною в три километра
другу-поэту в Россию, в Германию, в Загреб.

- Нет, я таким не буду, то есть, такую,
я никогда, никогда не полечу в космос,
я напишу биографию своей мамы,
как ей жилось, и как получилось,
что как посмотришь в зеркало,
  видишь сперва ее.

2001

* * *

Большие очертания тюрьмы
и храма, и единственной реки,
запомненные в детстве, и больницы.
В кино, как в синагогу,
  тоже с книжкой,
от этой тяги к знанию тошнит,
и что-то означает *многоборье*
не то, что я подумала,
  и пьянь
качает ветром, как на волнах катер,
и город разъезжается в глазах
в том месте, где трамвай поедет к цирку,
а я на Мойку. Ржанье на мосту
не раздается, тишь в библиотеке
от слов до первой мировой войны.

2001

МАРИНА ТЕМКИНА

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА

Замечаю в двуречье между Ефратом и Тигром,
между речью родной и другой, просочилась какая-то хлябь,
чувство места, подкожная желтая глина, тут увязнешь
в балтийской поверхности непитьевой.

Я живу не в Москве-Петербурге, в могучем Китае.
Перестала, встречаясь, стоять не на том углу,
телефоны терять и меньше опаздывать стала, чем в двуречье
между Фонтанкой и Мойкой, и выполнять обещанья учусь.

А других перемен - хвастать нечем,
а какая, как помнится, индивидуальность,
да и дар по сравненью с други... Ты чего? красоты
не хватает в природе тебе иль в фасаде, или в детском лице?

Нагадаю по звездам неопределенность и радостный космос,
а других от меня никаких предсказаний не жди.
Утром сяду в метро и поеду на службу себе к девяти,
и вернусь на *метре* же обратно, сама и без всяких гаданий.

февраль 2002

* * *

Есть страна, где говорят на моем языке,
где со мной одинаково понимают кота в мешке,
окажись он ежик, лиса, с дитём в животе кенгуру,
или кот в сапогах с вещмешком за плечом
хвостом к врагу.

Есть страна, куда я приеду, любимый, и насовсем уйду,
я останусь с ансамблем песни и пляски, ногой крутану
ручку старого радио в темной кладовке, покуда мешком
не прогонит семья, отечество, родимый детдом.

МАРИНА ТЕМКИНА

* * *

Как по жизни и в родине, объясняет мужчина с арбузом
и с ножом дружелюбно, понятно: налево и прямо пройти.
Вспомнишь это и это еще, и строку, и Оку, и Тарусу,
и кончается век, и ни дом и ни реки не те,

как в начале его. И квартиру сменил, переехал
постоялец, и мертвый язык, на котором он в детстве болтал
с легкомысленным счастьем с друзьями смешливого века,
познавая науку стыда, лабуды, и другую себя.

Чернобыльской отравой... и сбивка, и сразу на вынос жар-птицу.
Соотечественник многовойнный, отборный, засвеченный, коли приказ.
- Это всё инженеры-путейцы, порядочный люд... сукровица...
школа танца... а что, ведь не идеалистами ж дыры латать.

- «Хорошо бы занять», - говорит. Черный день пошукаем в чулочке,
и чтоб после хватило, ведь выживет кто-то ж в войне,
чтоб от мертвых обноски носить. Будет просто поменьше народу
с невеликими целями - как выживать. Выживать это средства одни.

Москва, 1998

AURORA BOREALIS

Чай под названием «Утренняя гроза»
помнит склоки Тургенева с Фетом
и мамины торопливые слова
«Вставай, мы опаздываем,
давай скорей, опоздаем».

Живешь не останавливаясь, на бегу,
в сплошной закрутке, кормишь собою время,
платишь налоги, выплачиваешь долги,
можешь закончить дни в богадельне с видом на океан -
наука как умирать. Проходишь практику,
стажируешься, готовишься к перемене роли.

Гороскоп говорит: «Сбереги свои детские горести,
боль потери. Храни в себе, чтоб отдать как долг
на северном полюсе феноменом электромагнитным,
сполохом света». В словаре стоит
подходяще между Aurora и Auschwitz,
«Аврора» по-нашему, и Освенцим.

2.10.02

ЮРИЙ РОЗВАДОВСКИЙ

* * *

Домой, домой - ах, Боже мой! -
К теплу и молоку, и меду,
К печи, горящей в непогоду,
К тарелке с пахнувшей едой.

И всё успеть, и всё суметь, -
Сто тысяч разных дел, покуда
Тебя не съела барракуда,
Не захлестнула круговерть.

Завис дорогою туман,
А ты лихач по жизни-делке.
Какие к черту тут тарелки,
Когда вокруг сплошной обман?

Но ты придешь сквозь дым густой,
В бреду, в лохмотьях, на коленях,
Туда, где кончатся мученья, -
Ах, Боже мой! -
Домой!
Домой...

ЮРИЙ РОЗВАДОВСКИЙ

На смерть Юлечки, любимой ученицы

Ничего не случилось,
Совсем ничего,
Чтоб заштопать вселенские черные дыры.
В муравейнике новые пляшут кумиры,
Муравьиным друг друга давя сапогом.

Ничего не случилось,
Опять листопад,
Долу гнутся деревья, как тонкие спицы,
Машут крыльями шумные странные птицы,
Что совсем не хотят возвращаться назад.

Но прислушайтесь -
Складками юбки шурша,
Бессловесно, неслышимо в гаме галактик,
Оставляя на кресле свой розовый бантик,
Улетает

невинная

чья-то

душа...

ЮРИЙ РОЗВАДОВСКИЙ

ОГАЙО

Я шагаю по Огайо,
Я гляжу на белый свет.
Здесь галактика другая,
Здесь другой менталитет.

Я, как будто летом льдинка,
Таю-таю от жары.
Чернокожая блондинка
Мне с витрины шлет дары.

Блеск неонов, шум клаксонов,
Небоскребы в небо - шасьт!
Мне не нужно миллионов,
Мне бы только не пропасть.

Я стою на перекрестке
Среди тысячи дорог.
Где кончаются подмостки?
Где тебя заметит Бог?..

ЮРИЙ РОЗВАДОВСКИЙ

* * *

Не бывает конца у войны,
Не бывает...
Даже если знамена сияют
И парады величьем полны.
Всё равно кто-то сзади стреляет, -
Не бывает конца у войны.

Вылезает Пандорово зло,
Вылезает...
И мишенями спины считает,
Умножая мишеней число.
Так число победителей тает,
Что победа теряет лицо.

Эшелоны идут без конца,
Эшелоны...
Те же лица и те же погоны -
По ухабинам жизни-кольца.
Киноплёнка свернулась в колонны.
У войны не бывает конца...

* * *

Снова осень и сны.
Обещанья пустые.
Улетают последние птицы на юг...
Ну а я остаюсь в этой белой пустыне
На сто тысяч квадратных метелей и вьюг.
Усмехнется невесело старенький дворник:
Кто из будущих весь этот мир подметет?
Снова будет метель и какой-нибудь вторник,
А потом ниоткуда никто не придет.

Только ветер ворвется в пустую квартиру
Через миг или вечность, в начале весны.
И смешается всё в этом сумрачном мире:
Эта странная явь,
Эти странные сны...

ЛИНА ВЕРБИЦКАЯ

* * *

Десять лет привыкаю, Америка,
К твоему неумному берегу,
Разнокожему, разноглазому,
Разнобожьему, безотказному.

По макушку лихую, по самую,
Перевитую знойной рекламой,
Охмуряющей, зазывающей
В бег по «сейлам», плоть изнуряющим.

Дома «биллов» ждут грозные полчища
Во главе с генералом со «Моргичем».
Дарит всюду «тикет» полиция,
Атакуют в лоб инвестиции.

Добивают вослед им «иншуренсы» -
Поневоле вулканом закуришься!
И, извергнувшись в ночь безлунную,
Спалишь душу свою семиструнную!

НИАГАРА

Помолитесь струям Ниагары!
В их паденьи горних сил полет,
Гром, что венчан с молнией пожаром
В сотни тысяч, миллионы вольт!

Окунитесь в брызги Ниагары,
Чтоб ладонью вас коснулся Бог,
Чтоб Своим неизреченным даром
Ваше бытие украсить смог.

В этих брызгах радость очищенья
От всей пыли мелочных забот,
Духа неземное озаренье
И Мессия, что вот-вот грядет.

ЛИНА ВЕРБИЦКАЯ

* * *

Заскочить, как встарь, на огонек
К доброму нескучному соседу,
Покалякать всласть, а то и впрок...
Только огонька окрест всё нету.

Нет окошка, тропки нету той,
Что вела б к соседу покороче.
Не нащупать и босой ногой.
Тишина кругом да темень в очи.

Здесь повсюду рано гасят свет,
Рано в будни, рано по субботам.
Каждый сам себе на всё ответ.
Время - деньги! Не сбивай со счета...

* * *

Племя на племя -
Стрелы иль пушки,
Каждое темя
Снова на мушке.

Схватки амбиций,
Место под солнцем...
Боговым мнится
Свой свет в оконце!

Мчатся на смену
Старым основам
Огненной пеной
Истины новых.

Сколько их ликов
Знала планета!
Но всё не близко
Царствие света...

ГЕОРГИЙ САДХИН

* * *

Марево над морем.
Штиль или тишь...
Шпиль утопает в молочной дали.
Босыми шагами осилить малыш
синь пожелал, разбегая педали.
Катай меня морями на катамаране!
Резвым предплечьем реет загар.
Чайки роняют перья над нами.
За островами трезубца коралл
прячет хозяин над океанами.
Держат дельфины курс на Афины.
Полный! - Коленей блестят шатуны.
- Живо вдогонку! Но черные спины
вольными волнами унесены.
В лопасти колеса - песчаная коса.
Кара иль милость - сокрытая мель?
Зубья крошатся, кряхтя и вгрызаясь.
Тонет досады подводная завязь,
будто бы тает во рту карамель.
К берегу можно бежать без одышки.
Посреди моря - сухие лодыжки!
Господи, бродит голубизной
(с кем поделиться невольной улыбкой?)
мокрые кудри - ангел мой.
Раз! И ныряет гибкою рыбкой.
Мы приветствуем всех цветов якоря,
были бы только цветные моря!

* * *

Просто мальчику погоня старый летчик подарил.
Просто бьют крылами кони и несутся без удил.
Просто над гречишным полем полюбил я синеву.
Просто от случайной боли вашим небом проплыву.

ГЕОРГИЙ САДХИН

* * *

Мешки облаков по плечу
согбенным деревьям в немую
погоду. Я русские - ночью рифмую.
Английские - утром учу.

И в холоде строгой реки
осенних стволов отраженья
упрочат свои продолженья
законам почти вопреки.

Кладбищенской дрожи не внемлю.
Бесхолмность могил у камней...
И мама легла в эту землю.
И стала земля мне родней.

2003

ГЕОРГИЙ САДХИН

* * *

Под мостом висячим мы с Вячей скачем,
оглашая речку водяной картечью.
Поскользнулся - встань-ка! - гладкая галька.
Удила долой! Удочка - дугой!
Знал бы водоем, где мы раздаем
червячкам - крючки, бычкам - червячки.
Выдержит ли леска королевского?
Лови - не жалко. Жарко!
Брошками букашки брезжут на рубашке.
Хватит кривляться. Купаться!
Тонет глубина, где закон бревна
по воде волной водит водяной,
выныривая блеет, местами белеет.
Уплывают плавки. Не стесняйся, Славка.
Не пойман - не вор! Где мой помидор?
Косит глаз оса! Где колбаса?
Слишком не мешкай! Грызть мне орешки.
Это ли труд? Рядом растут.
Ниже бери-ка ртом ежевику.
Висит вдоль дороги, где проходят боги.
В глазах лучей булавки.
Лето в Михайловке.

* * *

Еще златокудрое утро брело сквозь речную осоку,
и в кронах деревьев блуждало, отведав вишневого сока,
за легкую тюлевой складкой фонарь пропадал кружевной,
и наш «Поцелуй украдкой» писал Фрагонар за стеной,
и сад над прибрежным откосом дрожал, обрамляя картину,
и дальним мычанием лоси будили тяжелую тину,
и юность, сошедшая с неба, казалась и неба бездонней,
и сорванных ягод сережки свисали с лукошка ладоней...

ИРИНА МАШИНСКАЯ

40 СТРОК

Когда-нибудь, не сразу, не сейчас,
потом,
когда вернет
все укатившиеся мячики, всех, всех
исчезнувших котят, собак, ежей и черепах,
когда утихнет
шевелиющийся, живой
список у Него на коленях,
разгладится,
и всё окажется вычеркнутым, как при отъезде,

- вот тогда
я хотела б постоять, сколько будет позволено,
рядом,
у Его качающегося легкого пляжного кресла,
слева или справа -
неважно,
но почему-то кажется, что справа.
И кресло будет чуть поскрипывать, скользить
по влажному песку,
а дело будет, видимо, к закату,

и море будет перслистывать вечерний
неспешный свет, и подойдет к ногам,
и я увижу свои ступни босые, как чужие.
Тогда я прикоснусь
к прохладному металлу
и раструб рукава Его скользнет
по моему запястью. Но взглянуть...
взглянуть я не посмею.
А хоть бы и посмела - увидела бы пустой
шезлонг,

да, вылинявший, полосатый,
на узенькой качающийся грядке
с водорослями, на границе
песка и гальки.

ИРИНА МАШИНСКАЯ

Вот так стоять, не отрываясь, глядя
на стянутый резинкой горизонт,
чтоб холодил, мерцая, подлокотник,
светилась галька,
а солнце плющилося, играя в очертанья,
не уходило долго долго долго.

НУ, А ТЕПЕРЬ?

Ну, а теперь - как назовем?
Каким заботливым, нетрудным,
нетребовательным словцом?
Какою лентой обовьем?

Держи покрепче, осторожней -
а мы немного отойдем
и поглядим отсюда, сбоку
(ты слышишь: я сказала «Споку»!):
Тебе подходит быть отцом.

А мы аквариум поставим
и быстрых рыбок заведем.
Утайки юркие, урывки
украсят годы нищеты.
И корм сухой полюбят рыбки:
ни «ю», ни «эль», ни зги, ни зыбки.

В том имени не будет «ты».

ИРИНА МАШИНСКАЯ

Ты

А ты и есть - мое к тебе.
Всё остальное ведь не так надежно,
изменится, возможно, исказится.
И вот, тебя увидев,
к примеру, через п коротких лет,
«О Господи, - скажу себе, - опять??» -
и всё бывшее...
Ты ж, мой свет,
окажешься такой же,
нет, еще румяней и белее.

А ВОТ ТАК

А вот так и любим -
что неважно: а я-то любима?
Сегодня мне б это не мешало.
И правда - легко ль кораблю
на встречные волны взбираться?

Я тебя не леплю.
Я тебя никогда не лепила.
Потому-то и знаю: любим.

Отчего же виной
отзываешься, болью такую?
Отчего не помыслию без боли
такой поворот?
Отчего не лицо мне маячит -
до верха застегнутый ворот?

Как будто раскрою -
там дырка от пули *люблю*.

ИРИНА МАШИНСКАЯ

ГОВОРИ

не надо глаза
закрывать -
то они,

все, все *эти* - во мне,
те в тебе сошлись -
друг мой, заговор

- сжимая ладонь мне -
всё против, что за
- говори же, напомни

себя... о любовь моя,
когда я тебе: «о любовь моя» -
моя ли любовь?

ВИНА

И даже я поверила: хана,
но даже врач, который *видел ауру*
и в целом
прекрасно пациента понимал,
сказал с энтузиазмом: это в легких,
мол, у меня - вина.
Что за вина? - спросил он удивленно.

А я-то знала, я-то поняла,
уж это было не бином Ньютона:
о родичах заброшенных -
не мной,
а тем во мне, чему конца не видно.
Но как я объясню, вот так, прилюдно?
Чем искуплю, скажи - другой виной?

ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ

ГОЛУБЫЕ ГРИБЫ

ОРАТОРИЯ

*«В лесу опята
«Опять вопят...»*

Г. Прашкевич

Голос Первый

Мир не избегнет опасной борьбы,
Всюду растут голубые грибы,
Двигается время таинственным шагом,
И возникают они по оврагам,
Словно элитные в касках солдаты,
Прут из-под пней голубые опята,
Славная гоблинам будет закуска,
Только настанет пора кровопуска.
Так что готовьте венки и гробы -
Грянет призыв неизбежной трубы!

Голос Второй

Только без паники. Мы, офицеры,
Можем принять надлежащие меры.
Чтобы нам вытравить эту заразу,
Нужно утроить зарплату спецназу.
Чтобы нам вырезать эту саркому,
Нужно главному промыть глаукому.
Слушайте все! У серьезных людей
Нет недостатка конкретных идей!
Вновь воссоздать знаменитую «Кобру»,
Дать инфракрасные сенсоры СОБРу.

ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ

Оба вместе

Есть на высоком горбе у нас торба,
Пусть она катится с этого горба!

Голос Третий (авторский)

Верно, ах, верно! Я видел их тоже!
Видимо, кто-то там лезет из кожи!

Выйдешь гулять, по бессоннице - рано,
И возникают они из тумана,

Выросли тихо у каждого дома,
Шляпка - сиденье для мерзкого гнома,

Ножка толста, как гнилое полено,
Ясно, что в мире грядет перемена!

Ах, как укутаны мглистым батистом
Травы заречные в полюшке чистом!

Ах, как ушиты небесным хирургом
Летние ночи под Санкт-Петербургом!

Нету восхода и нету заката,
Только на пнях - голубые опята!

ЗАКЛИНАНИЯ

ЗАКЛИНАНИЕ 1
(при зажигании огня)

Пустой кошелек,
Рука в букурке,
Крутой кипяток,
Дыра в потолке.

ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ

Гротеты гротить,
Кукеты купить,
Свилеты свилить,
Милеты подлить,

Настала пора,
Настала пора.

Литой хохолок,
Свисток на реке,
Чужой коромок,
Коркун в уголке.

Барсеты барсить,
Крушеты крушить,
Столеты хвалить,
Огонь запалить,

Настала пора,
Настала пора.

ЗАКЛИНАНИЕ 2

Время корсы корсить,
Время морсы морсить,
Время кропы кропать,
Время кроп коропать.

Время шить по шитью,
Время фить-фифти фью,
Дождь дождется суда,
Снег вернется сюда.

Слушай песню мою,
Время фить-фифти-фью.

Вот придут бурсаки,
Чьи пусты курсаки,
А на свете зима,
Корс-корсью-курсума.

ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ

Время фьють - и ушло,
Сорок пут соркошло,
Время вьется опять,
Сорок пут, сорок пять.

Не гляди угрюмолобо,
Прозвучал веселья глас,
Если будем жить без злобы,
Крылья вырастут у нас,

Крылья вырастут у нас!

ИЗУМРУД

Я доволен малым, а большему рад,
Я не беден,
Покупаю квартиру для сына.
А он будет зеленым как виноград,
Айвазовский,
Дождем умытая куртина.

И он будет твердым как жизнь сама
И прозрачным
Как дела моих компаньонов,
В нем будут соседствовать свет и тьма,
Не нанося друг другу уронов.

Он будет притягивать каждый пучок
Света, зарею вечерней и ранней,
И когда забредет в него луч-паучок,
Пусть долго скитается между граней.

Я постарел, мой окончен труд.
Душа сомнениями не змеима.
Я продам всё, я куплю изумруд,
Чтобы смотреть на пожар Рима.

1 января 2003

НАТАЛЬЯ ОРЛАРСКАЯ

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА ГОДА»

ЯНВАРЬ

Белый снег стал голубым и синим.
В небе звезды звонко окна рубят.
Свежий, будто корки апельсина,
Воздух ночи обжигает губы.

Как таинственно прозрачны тени
Под задумчивым фонарным взглядом,
Сколько кружевных персплетений...
Почему же ты со мной не рядом?

МАРТ

Неистошимая тема весны... Древесные ветки
Длинные пальцы вплетая в ажур тонкотканой ограды,
Белой росой пленяют людей влажные веки...
Неутолимая жажда дождя - долгожданной награды.

ИЮНЬ

Ленинграду

Помани меня ветром
Неостывших времен,
Первым светом рассветным
Заветных имен.

Позови меня сказкой
Неразгаданных чар,
Нопонятною лаской
Заколдуй невзначай,

Подари мне всё небо,
Унеси меня прочь,
Изумрудная небыль,
Чудо-белая ночь!

НАТАЛЬЯ ОРЛАРСКАЯ

ИЮЛЬ

Я увижу тебя на рассвете.
Заблестит под ногами роса,
Заиграется ласковый ветер
В непослушных твоих волосах.

Берег в розовой тишине.
Только сонное море вздыхает,
И мечтательно шепчет во сне
Смуглых сосен ветвистая стая.

Я хочу, чтобы утренней свежести
Ты в соленой волне зачерпнул,
Чтоб с мальчишечьей робкою нежностью
Мне в глаза заглянул...

* * *

Леший лыжу поломал
И заплакал, глупый.
Из-за леса злой туман
Сизым носом хлюпал.

Плакал леший, плакал лес,
Всё на свете плакало...
Мокрый лес растаял весь,
Только сверху капало.

Только плавала луна
В мутной серой жиже...
Вот и всё. Мораль ясна:
Не ломайте лыжи!

НАТАЛЬЯ ОРЛАРСКАЯ

АУТОТРЕНИНГ

Внимание! Новые достижения!
Сенсация! Сенсация! Сенсация!
Необычайные чудеса самовнушения!
Почти мгновенная релаксация!

«Мне тепло, мне легко, всё прекрасно», -
Эта формула-панацея
Создаст настроение радостное,
От всех болезней исцелит.

Говорите себе каждый день:
«Я силен, я красив, я умен».
А если повторять лень,
Купите магнитофон.

Внимание! Новые достижения!
Юпитеры! Мотор! Микрофон!
Вчера лежал без движения -
Сегодня бежит за кордон!

Ксения Гамарник.

ЛИК И ЛИЦО.

Перо, тушь.

НИКОЛАЙ СУНДЕЕВ

* * *

Была ли то прозрения струя?
Душа одновременно ощущала
незыблемые вечные начала
и - зыбкую подвижность бытия.

То был обычный день в разгар весны.
Я поражался резкости и силе,
с какой начала эти проступили -
так, словно одинаково нужны.

Так, словно и материя, и дух
уравнены в правах, и нет главенства,
а есть лишь Путь -
стремиться к совершенству,
к единству ипостасей этих двух.

НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ

Если не побоишься глянуть вниз,
то увидишь, что бездна
всё-таки не без дна:
там такие же сосны, как наверху, разрослись,
среди сосен - дома. И дорога видна.

Некий мир,
о котором ты даже не подозревал.
И кружными путями
в него можно съехать, заметить.
А для едущих поверху
это адский провал,
за которым - смерть.

НИКОЛАЙ СУНДЕЕВ

* * *

На удивление ясны,
легки, как птицы,
под утро радостные сны
мне стали сниться.

И в край переместился я,
где жил когда-то,
и встретили мои друзья
меня как брата.

Что ж, это снилось мне не раз,
одно лишь диво:
всё то же видел я сейчас,
но - без надрыва.

То, что вблизи и что вдали,
презрев границы,
в волшебном этом сне смогли
соединиться.

Сошлись все грани и края,
канва совпала -
и жизнь разбитая моя
вновь целой стала.

НИКОЛАЙ СУНДЕЕВ

* * *

День осиянно-светел,
весь из порывов он:
кажется, будто ветер
дует со всех сторон.

Лиственных крон смятенье...
Мчатся издалека
в яростном обновленье
быстрые облака.

Вне надоевших рамок,
день будоражит кровь,
строя воздушный замок
и разрушая вновь.

Светел чертою каждой,
весь он - из ярких сцен,
день, исходящий жадной
радостных перемен.

* * *

И после разных передряг -
а было их немало -
безвестности высокий ранг
судьба мне даровала.

Живу, всего вкусив сполна
и не переживая,
что беззаветно мне верна
безвестность мировая.

НИКОЛАЙ СУНДЕЕВ

* * *

Сад и снегопад
в медленном слиянье -
это снегосад...
Шорох и сиянье.

Видишь? Не айва,
не орех да вишни -
снегодерева.
Снегосвет подвижный.

Можно ожидать
здесь любого чуда...
Эту благодать
я не позабуду.

Тихий снегопад -
хлопьями, неспешно...
В этот снегосад
я вернусь, конечно.

Через сколько лет?..
Но - вернусь когда-то
в этот снегосвет,
в шорох снегосада.

ТАТЬЯНА МАМОНОВА

ОТПУЩЕНИЕ

Ты, изгнанница -
потерянная
посторонняя
подозрительная
Ты, пришедшая
из Утопии
с иллюзиями Гармонии
неприкаянная
неровная
неуверенная
без выхода
для творчества и счастья -
везде иностранка...
20 лет твоего
отсутствия
20 лет потерь
и находок
20 лет
духовного выживания
на чужбине...
Аминь.

2000

МИХАИЛ РОТОВ

БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

В глухой американский будний день
Закреть глаза, отдаться светлым грезам
О том, что в памяти так радостно живет.

Я вижу корпус и детали вестибюля,
И, как тогда, стою на той площадке,
Где утреннюю зорю я, горнист, играл
Под брань и ропот заспанной братвы.

Вот наша спальня и моя кровать у печки,
На полке выстроились красные фуражки.
А дальше, в коридоре, грустные портреты
Прелестных девушек-княжон и Государя.

Парадный зал. Я в хоре там певал,
Отстаивая мужественно долгие обедни.
И там же в декабре устраивался бал,
Туда на танцы приходили институтки.

Куда судьба забросила вас, Катя Мурзина?
Я так и не посмел признаться вам в любви.
И только раз вас пригласил на вальс,
Угрюмо шаркая, не зная что сказать.

Мой корпус! Ты еще стоишь
Там, в Белой Церкви, у Румынии на границе,
По виду скромный, но для нас, кадет,
Ты - храм, хранящий русские заветы.

Август 2002

МИХАИЛ РОТОВ

ДРУГУ

Хотелось знать, хотелось лучше видеть,
Всё понимать и правильно ценить.
Хотелось научиться в горе и обиде
К утратам равнодушие хранить.

Был шум и вихри юных вождений,
Были друзья, была семья, но всё потом
Рассеялось без слез и сожалений,
И только пес со мною занимает дом.

Он смотрит на меня подолгу, не моргая,
В глазах его правдивый, добрый свет.
Я друг его, он это твердо знает,
И носом тянется, чтобы лизнуть в ответ.

У НАС В ГОСТЯХ ИННА КУЛИШОВА

Когда-нибудь всем нам повезет или не повезет.
И вряд ли монетой, положенной в рот,
откупимся. Взвешены и подброшены
на сковородке весов,
На скошенных Елисейских полях Гаврошами
отражаемся в водах Леты.
Она тем и хороша, что не слышит слов
и не вопрошает: «Где ты?».
Займемся любовью в ее кисельных,
молочных берегах и водах.
Не видя лиц и не различая пальцев,
гримас восторга, блаженства.
Как не умели раньше.
Все мы тонули в бассейнах,
кричали при родах,
и различали мелочь, ругая китайцев
за большинство и себя за поспешность жеста.
И не спешили дальше.
Спрашивается - за что
и за кого
мы прожили не свою,
не чужую жизнь - на которую ни крестов,
ни звезд, ни полумесяцев - ничего
не хватило; "ты", "you"
не вмещало всё, что хотелось бы. Шив
многоруких, Будд
многоопытных - некого
ни спросить, ни встретить. И сокрушив,
не сокрушаясь, дни, покидаем блуд
с беззастенчивой жалостью беглого
наблюдателя, и приписываем ему
назначение. Всё равно, почему.

Февраль 2001

ОБ АВТОРЕ: Инна Григорьевна КУЛИШОВА, Тбилиси. Поэт, бард, художник. Род. в 1969 г. в Тбилиси. Стихи пишет с шестилетнего возраста. Кулишова окончила аспирантуру на кафедре русского языка Тбилисского университета. В 1998 защитила диссертацию на тему творчества Бродского, ее любимого поэта. Книга стихов - «На окраине слова» (послесловие Михаила Хейфеца), 2000.

ИННА КУЛИШОВА

РАССТРОЕННЫЙ КВАРТЕТ ОДНОЙ СТРУНЫ

I

Хорошо. Бесподобно. Нелепо.
Этот гомон в бессмертной тиши.
И неотшдифованое небо,
за которым ни слов, ни души.

Но вы пишете. Пишем. И писем
с каждым часом всё больше, всё злей
их течение, отрывистой. Лисьим
нюхом стал обладать соловей.

Словопослие тянется белой,
белоснежной веревкой. Красив
неувитый плюсом и омелой
стройный ряд напряженных тетив.

И чистейшим завидует стрелам
загрустивший в безделье анчар.
Падал с грохотом якорем белым
лист, давно прозевавший причал.

Белоснежный, разорванный странной,
не чужой и не детской рукой.
И бескровной невидимой раной
не почувствовал буквы разбой.

II

Гора родила мысль.
И лодочкой плывет,
и шепчет: «Наклонись»,
в скале Лазурный грот -
как и перу, проросшему щетиной
на краешке стола глядящая не вниз
белеющая («Вот
Твой смысл, Господь!») квадратом: «Будь мужчиной».

ИННА КУЛИШОВА

И ничего не разберешь
в татуировках ласки белой кожи.
Мысль извлеченная есть ложь.
И мысль извлеченная – тоже.
Плохой верлибр толпы.
Он различим
хранителям историй и истерик.
И хочется лупы,
чтоб без причин
подробней рассмотреть отплывший берег.

III

У берегов седого Рейна
напьюсь-ка ведьминой воды;
чтоб где-нибудь, не на Литейном,
кому-нибудь шепнуть: «Не ты».

IV

Храни меня, мой Гандельсман,
Гандлевский и Кенжеев.
Когда, покинув стан и сан,
сворачиваю шею в

попытке оглянуться. Но
не я одна в когорте.
И каждый держит нож, давно
приставленный к аорте.

И выглядит как перифраз
почти любая строчка.
И одинок любой из нас.
И он не одиночка.

Во дни сомнений и тревог,
иначе – постоянно,
шепчу: «Прости, прости, мой Бог,
придуманные раны».

ИННА КУЛИШОВА

Но именно они, они
убьют без сожаленья.
Сорвут непрожитые дни,
как воры - ожерелье.

Спасибо, что петлей вспороть
не смог мне шею образ.
«Вот наша улица, Господь».*
И вьется, словно кобра с

одним, но метким языком,
и вьедлива, как стерва.
Да, улица. Не путь. Не дом.
И больше нет резерва.

И лучше, спутав имена,
события и годы,
распить грузинского вина
у Статуи Свободы.

2001

*Строка из стихотворения С. Гандлевского. (автор)

* * *

Проволока лет.
Глаза с поволокой.
Обволакивай душу, свет
звезды одинокой.

Я уставилась в ночь, словно
там увижу судьбу Овна.

Ты уйдешь, я уйду - порознь.
Только плачет тоски порозль.

21, 22-23 (ночь). 06.94

МАРИЯ ШКОЛЬНИК

* * *

Кусочек флоридского лета
Румяной кромкой пирога
Внезапно хрустнул. Из штиблета
Скакнула голая нога.

Сосновой кроны шевелюра
Верхушку неба подмела,
И словно бы для маникюра
Нам пальма лапу подала.

В природе был разлит душистый
Резной грейпфрутовый январь.
Так солнце сделало свой выстрел
В наш обветшавший календарь.

Так нам, давно забывшим сказку,
Потрогать дали чудеса.
И всё вокруг облили краской,
Так что от цвета резь в глазах.

...Закатный шар спустился в рощу.
Листы в испарине. Так мы
Смогли попробовать наощупь
Изнанку флоридской зимы.

МАРИЯ ШКОЛЬНИК

* * *

Пятница вечер - конец отрезка.
Прошлое - зыбко.
Будущее - нерезко.
И переломлен вечер, как ломоть
Бородинского хлеба.
И на улице тьма.
И мороз в рукава
Забирается, как воришка в дом,
И такой неуют
Вынет мне из-за пазухи пятничный вечер...
Замедляется ритм,
Затихает станок,
Нам штампующий дни
В металлической круглой оправе...
И растерянность:
Кто же теперь нас положит под пресс?
...Идти спать еще рано,
Но в гости уже не зовут.
Свечи в окнах шаббатных,
И крестмасовские гирлянды
В ярких окнах напротив.
Но я всё мимо...
Запахнувшись от ветра
И руки скрестив на груди,
В сумрак сумерек...

СТАРЫЙ ДОМ

Конец маскарада,
Снимайте наряды,
Окончен прием,
Наводите порядок,

Печальные девы.
Стихают напевы,
И гасится свет,
Тени тянутся влево.

МАРИЯ ШКОЛЬНИК

И зимние птицы
Приходят селиться
В нетопленный дом,
И скрипят половицы.

И воздух сыреет,
А стулья сереют,
Пожухшей травой
Пахнут платья, старея.

Панно паутины
Вплетает картину
И угол окна
В некий сумрак единый.

И зимние звуки -
Шуршанья, и туки,
И скрипы, и сны -
Дом берут на поруки.

И всё застывает,
Кирпич остывает,
Не топится печь,
Ничего не бывает,

Пока не настанет
Зима, и восстанет
От сна старый дом,
И, как прежде, нас станет

Сзывать к маскараду,
И выдаст наряды,
И выдержит всё,
И прогонит всех кряду,

Чтоб снегом глубоким
Покрыть все дороги,
Чтоб быть одиноким,
Совсем одиноким...

ЕЛЕНА АКСЕЛЬРОД

* * *

Как трудно ты спишь,
        как ты места себе не находишь.
Как трудно мне слышать
        признанья, неслышные днем...
Двухместная крепость. Глаза торопливо отводишь,
Боишься увидеть тревогу во взгляде моем.

Скорее на волю, скорее садись за баранку,
Приемник включим, про «богему» споет Азнавур,
И будет нам застить дорогу,
        спеша спозаранку,
Автомобильный, под музыку вьющийся шнур.

Крутой серпантин,
        привередливый, как сновиденье,
Нам открывает за каждой своей запятой
Безоблачной выси распаханное свеченье,
Безбурного моря горячий зеленый настой.

Чернеет асфальт обновленный,
        дорога бесстрашна.
Твой профиль спокойный,
        надежно пристегнут ремень.
Высокое солнце сопутствует нам не напрасно -
Не подпускает ночную грозящую тень.

2001

* * *

На построеньи застыли солдаты.
Взгляды недвижны, прижаты штыки.
Лица безличные, как автоматы.
Вспомни! Всмотрись! Это год сорок пятый,
Это те самые старики,
Что в пиджачках по улице каменной
Молча бредут - то ль вперед, то ли вспять.
Схватит и выплюнет их телекамера -
Некому ни различить, ни узнать.

ЕЛЕНА АКСЕЛЬРОД

*У вечности ворует всякий,
А вечность, как морской песок...*

О. Манделъштам

Да, вечность, как морской песок,
Однако не у нас в пустыне,
Здесь прочности не мерян срок -
Не раскалится, не остынет.
Ребенок или сам Господь
Набил здесь формочки камнями,
И опрокинутая плоть
Неуязвима под ветрами.
Песок она смахнет с плечей,
Как волосинки после стрижки.
Бесцеремонный суховея
Изнемогает от одышки.
А вечность - что ж? Слегка пылит
И потешается над нами.
И лишь саму себя сулит
Нам, мельтешащим меж камнями.

2000

ЕЛЕНА АКСЕЛЬРОД

* * *

Мой взгляд упирается
                                в низкий, надежный порог,
Я в память свою забиваюсь,
                                как в норку сурок,
И слушаю голос,
                                далекий, пичужный, лесной,
Захлестнутый сбивчивой, властною
                                новизной.
И Блок, и Ахматова - и х Петербург и Москва
Во мне, а вовне -
                                бросьте, кругом идет голова -
Всмотреться, прислушаться, -
                                ритмы иные гудят...
Укроюсь, зарожусь,
                                уйму воспаленный взгляд.

Октябрь 2000

* * *

Кому - успех,
Кому - успеть.
Не до утех -
Сказать, пропеть.
Услышат ли тебя -
                                Бог весть.
Словечко бы -
                                от Бога весть.
Вздохнуть -
                                и дух перевести,
Чтобы откликнуться:
                                - Прости!,
Чтобы вобрать, разинув рот,
Щепоть последнюю щедрот.

Сентябрь 2000

Вероника Гашурова. ЮРИЙ РЯБОВ. ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ. Карандаш.

ФРЭДДИ ЗОРИН

ИЗ ЦИКЛА «О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ»

• • •

О Времени и Пространстве
Что можно узнать из книг?
...Народ скитаний и странствий
К родимой земле приник.

Но не молоком и медом
Она истекает, нет!
И снова по небосводу
Разбрызган кровью рассвет.

Пора бы расправить плечи -
Мешает тяжесть невзгод.
И слезы роняют свечи,
И не завершен Исход.

И пули летят с обочин
Дорог не чужой страны.
И дом, как шалаш, непрочен,
А Храм - из одной стены...

Мы изгнанных из Эдема
Несем на себе печать.
...С пространством у нас - проблема,
А время не хочет ждать.

ФРЭДДИ ЗОРИН

Другу Алану

Мне скажут: «Под луной ничто не ново,
И не было, и глупо ждать чудес...»
...Но ласточка, как ножницы портного,
Прорежет голубую ткань небес.

А в ремесле любом - кто без наитий
Приблизился к вершинам за века?!
...Ажурны в строчках солнечные нити,
Что тянутся из рыжего клубка.

Не навыком одним - работать споро -
В природе обновляется покров:
Без волшебства жизнь не вдохнуть в узоры
Из бабочек и красочных цветов.

Покажутся вблизи большими лужи,
А с высоты их различишь с трудом.
Как будто мир готовясь отутюжить,
Его сперва обрызгали дождем.

И в эту пору все мы в равной мере,
Берясь за кисть, касаясь ли струны, -
Ученики, точнее - подмастерья
На курсах кройки и шитья весны.

ФРЭДДИ ЗОРИН

* * *

Плывут обломки по волнам.
Они с рассвета
  до рассвета
Кочуют -
  в память кораблям,
Крушение потерпевшим где-то.
Неотвратимостью страшна
И катастрофую чревата,
Морская пенная волна, -
Как ты сильна...
  и как слаба ты!
Разрушить легче,
  чем создать -
Сей трудно истине не верить:
Волна придет,
  отхлынет вспять,
Вновь устремляется на берег.
Мотивом долгого труда,
Без отдыха,
  без остановки,
Журчит среди камней вода,
Чтоб их предать простой шлифовке.

* * *

Мелодии! Где чистый ваш исток,
К которому душа взойти стремится?
Наверное, об этом знают птицы, -
Руками музыкантов водит Б-г.

...И к звуку - звук, как лесенка. По ней -
Всё выше в небо, чтобы ясно стало,
Что не случайно там свое начало
Берет земная музыка дождей.

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА

АВГУСТ В ТАРУСЕ

Тарусский август мой - не смят,
Всё есмь, ничто не безвозвратно.
Воспоминания шемят
И просят хоть на день обратно.

Там плачет камень бел-горюч,
И месяц серебрится тонко.
У бабы Оли ржавый ключ
И старенькая плоскодонка.

Там тишина, голубизна,
И паутин осенних нитки,
И в сером платьице одна
Ольха у старенькой калитки.

У бабы Оли взгляд колюч,
Но добр. И, улыбаясь звонко,
Дает нам на день ржавый ключ
И весла серой плоскодонки.

Душа моя, сотри со лба
Морщин безвременную осень!
Под ветром клонятся хлеба,
Растет черемуха меж сосен,

Кипит черемуха вразброд
Среди березняков и елей.
У бабы Оли - впалый рот,
А говор - перезвон капелей.

Ока, овраг, *узорный плат...*
Я окунусь в студеной омут
Таких пронзительных прохлад,
В которых и царят, и тонут.

2002

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА

ЗЕМЛЯНИКА

В сравнение с ней - что мелочь-костяника,
Черника, ежевика, голубика
И прочие, которым несть числа?
Она - владычица кануна лета,
В сухом бору, средь сосен перегретых,
И ею дышит жаркая смола.

Она глядит не с глянцевых открыток:
Медвяный, смоляной ее напиток
На вырубках всего сильнее разлит.
Мелка, зато малины, меда слаще,
А покрупней да помясистей - в чаше,
Хоть в заводях травы слегка кислит.

Едва ль ее, сударушку, отыщешь -
Ты, путаясь в стеблях, напрасно рыщешь
И руки студишь в матовой росе:
Цветов и трав непуганое царство
Ее не выдаст. Брось труды-мытарства
На дикой, на нейтральной полосе.

На вырубку! Но ягод там ни крошки.
К чему нам кружки, плошки и лукошки?
Полдня плутали - ягод нет как нет.
Откуда ж чудо-аромат душистый?
Припек, коряги, в корни... Душно, мшисто,
Цветочков земляничных редкий цвет...

О земляника, ягода на славу,
Первейшая приманка и растрава!
Искали до захода солнца. Что ж?
Зря просят ягод и язык, и небо.
Да где ж она, душа, заря, зазноба?
Увы! Лишь волчью ягоду найдешь!

А дух сладчайший крепче, жарче, ближе,
И кажется, вот-вот ее увижу,
Властительницу первых детских лет.
Вот вырубка другая. Сухо, глухо.
Хоть земляничного тут вдоволь духа,
Нет ягод, лишь цветочков мелкоцвет.

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА

Но, может быть, придет такое время,
Что станет явь сродни самой поэме,
Явь ягод, ярых птичьих голосов, -
Ведь где-то *земляничная поляна*:
Про это Бергман знает и Татьяна,
Плутавшая среди пушкинских лесов.

24 сентября 2002

Я.Х.

И, подобрав слова с трудом,
Сон с явью путая, спеша,
Шепчу: «Благословен твой дом,
Твоя судьба, твоя душа!»

Твержу, бумагами шурша,
Себе со страхом и стыдом:
«Я не умна, не хороша,
Но будь благословен твой дом!»

Твой райский сад и мой содом.
Каким судить себя судом?
Всю память перевороша,

Я чувствую: тобой ведом
Мой здешний, мой нездешний дом,
Моя судьба, моя душа.

17 декабря 1999

* * *

Какая царственная ночь,
Какая звездная! Бог с нею.
Себя понять, себе помочь
Я не могу и не умею.

Ну как мне сладить с тем крыльцом
И с жестом тем, неизгладимым?
Ах, так и хочется лицом
Опять припасть к рукам родимым!

14 апреля 1999

МИХАИЛ ЧЕРКАССКИЙ

БАБЬЕ ЛЕТО

До сих пор искал ответа:
Что такое бабье лето?
А его искать не надо -
Выйди только за порог,
Золотого листопада
Встретишь солнечный поток.

Лес багряный над рекою,
Солнце яркое без зноя,
И поляна золотится
Теплым золотым лучом -
Осень, как дитя резвится,
Одаряя нас теплом.

Видишь - парочка влюбленных
Собирает листья клена.
И не верится, что было
За неделю до того:
Листья мокрые кружило
И швыряло нам в лицо.

В реверансе менюэта
Улыбнулось бабье лето,
Руки протяни навстречу,
В пригоршни возьми лучи! -
Завтра вновь задует ветер,
И пойдут дожди, дожди...

Октябрь 2002

СКАЗКА О ЗМЕЕ, А ПРОЩЕ - «О ТЕШЕ»

Теплый выдался денек,
В роще золотятся листья,
Вот и тихий бережок
Речки, что течет в Норд-Исте.
Очарован бабьим летом,
Эмигрант стоит простой.
Сделал шаг к воде, при этом
Он столкнулся со змеей.

МИХАИЛ ЧЕРКАССКИЙ

Опасаясь, что ужалит,
Он змею ногой прижал,
И ее вот-вот раздавит,
Только, видно, Бог сдержал!
Крик раздался из-под ног:
«Не дави меня, сынок,
Выполню я в знак признанья
Два любых твоих желанья».

Дядька ногу приподнял
И змее свободу дал.
А затем сказал несмело:
«Стать хочу миллионером», -
Появился возле ног
Золотых монет мешок!
А вторая просьба проше,
Здесь змею он попросил:
^ «Забери ты мою тещу,
Потому что свет не мил!»

Не узнал в змее он тещу.
Маскируясь под листву,
Та мгновенно скрылась в роще,
Усмехнувшись не к добру.
Вдруг в глазах круги поплыли:
Мешок с золотом исчез,
Лишь свидетелями были
Речка и осенний лес.

Дома папу дети ждали,
Горько плакала жена,
Вот и теща с пирогами
В гости так и не пришла.

Выхода не вижу проше:
Не сердите свою тещу!

МАРИНА КРАВЦОВА

СТАРЫЙ ГОРОД

Прострация пространства.
Дома, лишённые шагов.
Не та, что из фаянса -
Здесь тишина надёжней слов.

Еще осталась плоскость крыши
И все подробности стены.
Еще талант в их гранях дышит,
И воздух требует весны.

Он кажется еще всё тот же,
Что сто, что двести лет назад.
Здесь не случается прохожий.

Как без звучанья нотный ряд,
Впритык друг к другу камни, плиты.
Но нет дыханья - нет тепла.
И город кажется убитым.

На острие добра и зла
Ему уже не колебаться.
Как очертанья пустоты
Он тоже мысль, он суть пространства,
Где крикнуть хочется: «А ты?!»

21.09.02

Кёльн

МАРИНА КРАВЦОВА

ПЕТЕРБУРГ

1

Да, он держал меня за горло -
Весь этот город храмов и колонн.
Оркестр и в то же время соло -
Он был как вечность на один сезон.

Напрасно - «был». Он есть, он будет
С продрогшим мрамором, с охрипшей тьмой.
Он - больше статуи, чем люди.
Он - напряжение чаще, чем покой.

2

Гранит, познавший вдохновенье.
И невесомость - контуры моста.
Из поколения в поколение
Озноб передающие уста.

Поток ступеней, тротуаров.
Вдруг оступившиеся в ночь
Аллеи льются и бульвары,
Как росчерк парков или роспись рощ.
Я знаю Петербург, я ощущаю,
Как мертвой хваткой издали меня
Он держит, словно ветер стаю,
Сильней, чем воздух - контуры огня.

30.09, 1.10.02

Кёльн

МАРИНА КРАВЦОВА

ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ

В сумрак сыпались осколки.
В ливень - острые углы.
Битое стекло поземкой
Жгло проспекты и дворы.

Убиваемые вещи,
Убиенные глаза.
Ночь сгибает спины, плечи,
Ночь как гибель, как гроза.

Хаос движущихся линий,
Хаос распростертых тел.
И уже не тает иней
Там, где смог остаться цел
Только облик, только образ
Опрокинутого в смерть -
Не коснется больше возраст.

Стекол, листьев круговерть
Прямо в осень, прямо в душу.
Что ни улица - погост.
Ночью той был мир *разбужен*.
В полный голос, в полный рост
Начинался Холокост.

10.11.11.02, Кёльн

* * *

Мое место там, где ветер
Чуть сильнее сквозняка,
Где небрежность есть в портрете,
Где пейзаж размыт слегка.

Там, где город льнет к аллеям,
Где возможна тишина.
Мое место - параллели
Яви, вымысла и сна.

2.10.02, Кёльн

МАРИНА КРАВЦОВА

ЛЕСТНИЦА

1

Весь нотный ряд - ее ступени.
Насколько вверх, настолько вниз
Звучат со сквозняками тени.
И вечер тишиной повис.

Надолго ли? На сколько хватит
Дыхания у тишины?
По ней пройдут, ее потратят
На чувство долга и вины,

На возглас здесь, на окрик рядом,
На смех, на эхо где-то там.
Не ярче свет, чем от лампы
Дрожит и дышит по углам.

2

Но как бы ни был звук очерчен
И выверен шагами свет,
Я их услышу частью речи,
Как восклицанья - Да! и Нет!

Как всё, чем ринутся перила
Навстречу мне и от меня.
О чем бы тень ни говорила,
Она - уже, еще не я.

Мельканье мыслей, чувств мельканье.
Как на пробелы не грехи,
Но лестница - не расстоянье,
А - состояние души.

7,8.09.02
Кёльн

РЕГИНА ДЕРИЕВА

МЕА МАХИМА СУРРА

1

Нежности молоко
сходит с губ не легко.
Так оставайся, где
мыслил себя, - везде.

Так оставайся там,
где, между зимних рам,
кокон лежит и ждет
скрипа: пора в полет.

Дерево на тулуп
дал тебе тот, кто глуп.
Разве удержит прах
крыльев твоих размах?

Разве удержит тлен
душу, где дух не брен?
Разве возможна смерть,
если в лицо смотреть

Божье? Так будь, где есть,
где будем все. Не счесть
всех твоих, друг, эпох.
Так оставайся плох

для большинства, каким
был ты: неповторим!
Так пребывай всегда,
чтобы узнать стыда

муку: из всех утрат
не было большей, брат.
Гость, перешедший вброд
Леты водоворот.

Там, где за гранью грань,
не достигает брань.
Не достает пустырь
речи державной ширь.

РЕГИНА ДЕРИЕВА

2

Проявленная глубина
легла засвеченною пленкой.
Моя вина, моя вина
рвет душу там, где было тонко.

Моя великая вина
рвет сердце там, где без боязни
читает приговор война
ребенку с объявлением казни.

3

Лучше не смотреть туда,
где стоит твой гроб, как память.
Если счастлива звезда,
значит, есть и Свет и Пламя.

Здесь не встречу, от вины
не уйду и не уеду.
Скажешь там, как вне войны
можно одержать победу.

Скажешь там, где перехлест
счастья, что такое сила.
Землю отряхнув с волос
бездны, названной могилой.

Как воздушный пешеход,
встретишь, открыватель пятен
белых, там, где переход
в бесконечность цели внятен,

смыслу внятен. Речи суть,
ты теперь стал Бога частью,
выбрав самый тяжкий путь,
приводящий к соучастью.

7-8 марта 1996
Бейт-Сафафа

РЕГИНА ДЕРИЕВА

ИЗ «ШВЕДСКОЙ ТЕТРАДИ»

* * *

Приснилась бы надежда и любовь
среди казенных стен, пропахших псиной.
Квадрат небес, когда-то голубой,
земли квадрат, оплывший стеарином.

Приснился бы Матфей или Фома,
Варфоломей, Иаков Старший, кто-то,
с кем легче переносится зима,
ее замки, железные ворота.

Приснился бы Андрей или Филипп,
а не гонец из Золотой Ордынки,
сменивший конский храп на волчий хрип
и сапоги на узкие ботинки.

Приснился бы Апостол, а не враг...
Уже не мед во рту, а соль с землей,
как жизнь и смерть, как черно-белый флаг
над горизонта цепью ледяною.

12 февраля 2000
Сигтуна

* * *

Все разъехались по домам,
а у нищего нет пенат.
Спит он там, где придется, там,
где встречаются куст и брат.

Золотой, если брат, а куст
голубой, если куст. В кусте
пульс пернатый лишает чувств,
бьется сердцем сердец в звезде.

И такое богатство, брат,
что течет через край оно.
Потому что Господь богат
на Свой хлеб и Свое вино.

17 мая 2000

У НАС В ГОСТЯХ

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

* * *

А.В.

Ты живешь в тупике у Казанского, скажем, вокзала.
Из окна - сто дорог, но тебе их, конечно же, мало.
Ты считаешь ворон и дойдя до полсотни наружу
собираешься выйти. Твой голос охрип. Ты простужен.

На дворе три старухи с вязаньем, конечно не в креслах.
Рассуждают о муках похмелья, а вовсе не крестных.
На стене, что ни цвет, то должно быть сам Фиораванти,
и ты шествуешь мимо купить себе к вечеру кьянти.

Ну польстил, ну не кьянти. Скорей всего что-нибудь типа
«Изабеллы», что славно врачует твой комплекс Эдипа.
Помнишь, все эти типы, эдипы, оресты, улиссы, энеи -
парни как на подбор, но, видать, как и мы ротозеи:

упустили Елену, прос..., прости меня, Троию
и за всё заплатились своей же дурной головой.
Так что жизнь в тупике у Казанского, скажем, вокзала,
ну не рай. Ну и что. Только рая нам здесь не хватало.

ОБ АВТОРЕ: Глеб Юрьевич ШУЛЬПЯКОВ - поэт, литературный критик, поэт-переводчик, журналист. Родился в 1971 году в Москве. Закончил факультет журналистики МГУ. Публиковал стихи в "Звезде", "Новом мире" и других российских журналах. Составитель и переводчик книги эссе и стихов У. Одена "Чтение и письмо" (М., 1998). Г. Шульпяков - редактор поэтического отдела "Новой юности" и литературный обозреватель газеты "Ex Libris". Живет в Москве.

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

* * *

Я о том же, я просто не знаю, с чего мне начать,
вот и медлю, как школьник, оставшийся после уроков:
«Буря мглою...», «Мой дядя...». А дома тарелка борща
с ободком золотистого жира и веткой укропа
уж остыла, наверно, и ровно в пятнадцать ноль-ноль
«В Петропавловске полночь» объявит по радио диктор,
а за стеной рояль: ми бемоль, ми бемоль, ми бемоль,
(видно, был не в себе перед смертью глухой композитор),
и засыпано крошками детство, как скатерть стола,
и в ушанке из кролика кровью шумит голова.

Я о том же, я просто не помню, что было со мной:
на скамейках чернели, как ноты, влюбленные пары,
пахло липовой стружкой, когда я без шапки в ночной
выбежал за бутылкой на угол Тверского бульвара.
Открывал, наливал и читал ей чужие стихи,
и белела простынка, и долго с дивана сползала
на паркет... «В Рождество все немного волхвы...»,
но потом и она, прихватив однотомник, сбежала.
И стучали бульвары, как лодки, весь март напролет,
и качался бумажный стаканчик, и бился об лед.

Вот и всё. «Эй, в ушанке!» - «Вы мне?» - «Передай за проезд!».
«Остановка «Аптека» - «Фонарь» - «А еще в окулярах...»
И зажав, словно бабочку, мятый счастливый билет,
я качусь на трамвае, качаясь на стыках бульваров
там, где небо пшеничного цвета, как снег под ногой,
и песка что ванили на булках за девять копеек.
«Буря мглою...», «Мой дядя...» ...а вышло, что кто-то другой,
повзрослев на передней площадке, сошел на тот берег.
И не видно в потемках на том берегу ни черта.
И грохочет трамвай: тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та.

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

* * *

написать бы про город, мой город, которого нет,
про ладони твоих площадей в голубиных наколках,
написать бы про то, как бежит под ногами проспект
и кремлевские звезды горят на рубиновых елках,

написать бы про город, мой город, пропахший хурмой,
где кабинки под вечер, как ртуть, поднимаются в шахтах,
вам какой, мне последний, и чтобы всю ночь за стеной
радиола мне пела о летчиках и космонавтах,

написать бы про город, мой город под розовым льдом,
с леденцами твоих куполов, пересыпанных снегом,
я твои переулки, как фантик, разглажу ногтем
и пройду до кольца незнакомым тебе человеком,

это луковый Спас над бульваром и книжный развал,
где твои корешки я со школы читал как молитву,
это машенька в мягкой обложке, метель, карнавал,
это пьяный казах за лотком открывает поллитру,

наливает и пьет, отвернувшись к великой стене,
за собрание всех сочинений в холодном подъезде,
и уходит, качаясь, в мой город, которого нет,
рукавом собирая побелку случайных созвездий,

и сидит он под вечер на складе, и пьет свой агдам,
а потом засыпает на книгах великих народов
и во сне перед ним проплывают на юг поезда,
волоча за собой километры порожних вагонов

МАРГАРИТА КУЧУКОВА

* * *

Я пыталась сберечь Зверя,
Потому, что он здесь чужой.
Перед ним не закрылись двери,
Просто встал он перед стеной.

О, как по ночам он тоскует!
Только, черт с ней, с его тоской.
Мы в толпу, как в бутылку пустую,
Жадно вглядываемся с тобой.

Из размеренного лабиринта
Нам с тобой не найти пути.
Потому, что не дверь закрыта -
Просто некуда нам идти.

1998

* * *

Пришла зима -
я думаю о лете.
Пришла весна -
а я живу зимой...
Всё об одном -
какой ты, где ты,
где ты.
И почему...
не мой...

МАРГАРИТА КУЧУКОВА

* * *

Как это страшно, что нас двое.
Что потеряло это смысл.
Нет ничего печальней боли
Не нужных никому страниц.

В истлевшем ворохе бывшего
Ростки живого не сыскать.
Никем не сорванное слово
Увы, не расцветет опять.

И больше о тебе молитва
Не осквернит мои уста.
Всё кончено... и жизнь разбита,
И ты не тот, и я - не та.

* * *

То, что не любишь - ложь, ложь!
Не полюбить меня невозможно.
Сквозь дым и туман незримо пройдешь
И постучишься в дверь осторожно.

Всё это будет, всё будет, будет.
Поверь в слова и слезы мои.
И то, что она тебя позабудет,
И то, что моей не вернешь любви.

МАРГАРИТА КУЧУКОВА

* * *

Я хочу, чтоб кто-то знал
обо мне.
Но кому мне о себе
рассказать?
Этот город, в чьей
хожу глубине
Возвращает мне
мой собственный
взгляд.
И глаза мои за тенью
следят,
Когда я на отраженье
гляжу,
Мои лица напряженно
скользят,
А душа принадлежит
витражу.
Я размножилась
и тысячу дней
Я могу в мгновение
объять.
Только вот
надежды моей
Мне в единый лик
не собрать...

2002

МАРГАРИТА КУЧУКОВА

* * *

И спящему Принцу
        прозрачное море
Жемчужные пусть
        поцелует ладони.
О нищенке дикой
        он будет молиться.
И будет дикарка
        молиться о Принце.
Но мертвой воде
        не смешаться с живою,
Ею странница раны
        омоет герою.
И спящего сына
        царица разбудит.
Всё будет,
        как в сказке.
Как в сказке
        не будет...

1999

* * *

Твой профиль в раме драгоценной -
Как я хотел бы оживить.
Пройти сквозь каменные стены
Иль стекла вдребезги разбить.

Но полдень был похож на вечер.
И город, словно в сказке спал.
И был спокоен, безупречен
Окна старинного овал.

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

Марине

Про долгую осень Нью-Йорка,
Ее проливной листопад,
Про желтый с бордовым протертый,
Платанов сырые ботфорты
Расскажем, сыграв наугад.

Вот выпала картой молчанка -
Пробежка в конце ноября,
Где женская статья-итальянка,
Как хрупкая древняя склянка
В картину Парквея легла.

Вот в древних мохнатых заливах
Размеренный промельк пера,
Вот в серых дорожных прорывах,
Кленовым пунктирным мотивом
Бубновая осыпь легла.

Вот утренний дождь по субботам
Окрасил железом стволы,
Продлил на теплеющей ноте
Рассказ о забытой заботе
Среди неродной кутерьмы.

ЛЕОНИД ШКОЛЬНИК

* * *

Сырое утро, парк не убран.
Шумят три черных рыбака.
И тяжело влетает турман
Под ребра рыхлым облакам.

А днем всё это разом сгинет,
Как одуряющий мираж -
Расклад иной природа кинет,
Отправив панцири в тираж.

Сверкнет за озером автобус,
Как свежевylитый желток,
И голубой, как школьный глобус,
Скользнет по глади поплавок.

И только запахи цветенья
Забудут где-то сгоряча,
Оставив нам недоуменье,
Как после трюка циркача.

НОРА ФАЙНБЕРГ

* * *

Женщина зажигает свечи
В субботний вечер.
Мужчина сядет во главе стола,
Освятит молитвою хлеб и вино,
Как по праву Богом ему дано.
Но мы помним о том,
Что женщина - хранительница тепла,
И только она приносит свет в дом.
Мужчина бросается в бой,
Пашет землю и строит дом,
Любую ношу взвалит на плечи,
Но потом -
Женщина в его доме зажжет свечи.

2003

* * *

Ничего нет на свете,
Только белые снега,
Только белые снега,
Только хлопьями снег.
Налетели метели,
Закружились метели,
Красить мир захотели
В белый цвет, в белый цвет.
Затерялась я ныне
В снежнобелой пустыне,

НОРА ФАЙНБЕРГ

В снежно-белой пустыне,
И не видно дорог,
И с сугробов-барханов,
И с сугробов-курганов
Ветер снег осыпает,
Словно белый песок.
А меня, словно в сказке,
Где по чьей-то указке,
Чьей-то злобной указке
Заточил кто-то в плен.
Водрузил он до неба
Великанов из снега,
Чтоб никто ни найти,
Ни спасти не сумел.
Была б я, как в сказке,
Принцессой прекрасной,
Уснувшей принцессой,
Закутанной в шелк,
Вот тогда рыцарь юный
Сквозь снежные дюны
Дорогу ко мне
Непременно б нашел.
Но я не принцесса,
Так кому интересно,
Кому интересно
Бороться с зимой?
Я жду: снег растает,
Он, конечно, растает.
А я подожду
И останусь живой.

НОРА ФАЙНБЕРГ

* * *

Сквозь тучи и сквозь мглу лечу
Безбрежным небом,
Чтоб вы за мною по лучу
Летели следом.
В который раз иду на взлет,
Ваш зов услыша,
Витки всё круче, мой полет
Стремится выше.
Вас на орбиту вывожу,
Хоть тают силы,
Чтоб вас бездонной ночи жуть
Не поглотила.
Лететь самим пришел ваш час -
Вперед, не медля!
Звездой падучей я сейчас
Врезаюсь в землю.

* * *

Ну, что ж, скажу тебе: - Прощай.
Промчалось лето.
Под зимним ветром затрещат
Изломы веток.
Вот и скажу тебе: - Прощай,
Пропета песня.
В покровах снежного плаща
Твой след исчезнет.
Да, я скажу тебе: - Прощай.
Достало силы, -
Всё, что должна была прощать,
Тебе простила.
И потому, скажу: - Прощай.
Я так решила.
И на прощанье, не ропща,
Скажу: - Спасибо, милый.

НОРА ФАЙНБЕРГ

* * *

Думаете, я иду по твердой почве?
Нет, я иду по проволоке.
И если сделаю шаг неточный,
Полечу вниз камнем,
Разобьюсь в осколки.

Думаете, вальсирую?
Нет, я - балансирую,
По проволоке гибкой
Иду с улыбкой.

Думаете, весело?
Нет, улыбка в программу внесена,
Ее с лица нельзя стереть.
С ней - разбиться, иль - умереть.

* * *

Как вещи умеют прятаться!
Ищем их, бывает, годами,
Называем себя растяпами,
Думаем и гадаем
И призываем духов,
И связываем веревку,
А они - ни слуху, ни духу,
И еще ухмыляются втихомолку.
И только, когда в отчаяньи
Поиск бросаем напрасный,
Они появляются, как бы случайно,
И говорят: - Здравствуй!
Они в те часы так безжалостно
И зло поступают с нами,
Когда мы, не зная усталости,
Суть вещей постигаем.

РОМАН ЛЮБАРСКИЙ

* * *

Ершалаимских сумерек лиловые тона,
И проблески грозы, спешащей с юга.
Не то весна вокруг, не то война...
Мы предали завет любить друг друга.

Мы ходим под Тобой уж тыщи лет,
Грехов не искупая, Боже правый.
И неотступно, за спиной, след в след,
За нами шествует лукавый.

И тьму египетскую нам пророчит
То черный ангел, то белый жрец.
И Вечный город кровью оторочен,
Как прокаженного рубец.

* * *

К душистому сумраку старого сада,
Где пчелы летят на нектар винограда,
Где грядка с клубникой и срубленный тополь,
Мне, видно, уже никогда не дотопать.
Мне, видно, уже никогда не добраться
До деловой хаты, где летом прохладца,
До сонной реки и до белой метели...
И парк опустел. И снесли карусели.
И голуби с площади все улетели.

РОМАН ЛЮБАРСКИЙ

* * *

Да, мне дорого всё, что было:
Присной памяти Ноев ковчег...
Но упорно, будто зубило,
Входит в жизнь этот новый век.
Я его принимаю с болью -
Так коварно красив Восток! -
Красноречием, словно солью,
Пересыпан желтый песок,
И змеятся в улыбке губы,
Словно эфы ползут к воде...
А вода, как и жизнь, на убыль
Всё уходит в краю том, где
Рьяно спорят люди и птицы,
И мудрец горделивый верблюд
Смотрит, полуприкрыв ресницы,
На крикливый и суетный люд.

* * *

Поселите меня в Бедламе,
Стану я слушать стены,
Бормотания, возгласы, стоны.
И слетятся тихие души,
И сойдутся шумные судьбы
На молитву в холодном храме.
Как исколоты их вены,
Как иссушены их губы,
Их лица - пустые сосуды,
Покинуло их время.
- Что для него люди? -
Скажи, Кристофер Сمارт...

РОМАН ЛЮБАРСКИЙ

* * *

Маму схоронили.
Небеса - пусты.
Зори уронили
Росы на кусты.
Но окутал душу
Зыбкой тишиной,
Словно светом сушу,
Тот, Кто надо мной.
Тихо дрогнет ветка
На горе Сион.
- Не печалься, детка,
Боль пройдет, как сон.
Вот вспорхнула птица,
Ко гнезду спеша.
В ком-то возродится
И моя душа...

О ПРИРОДЕ ЛЮБВИ

Перебегая от огня к воде,
перебирая камешки морские,
была ты рядом - здесь, всегда, везде -
близка и недоступна.

Где...

Опять пропала! Господи, какие
миры тобою завладели?

Или

ты стала вновь частицей звездной пыли,
перебегая от огня к воде?

Была ты рядом... И опять - нигде.
Проходит день. И ночь смежает веки.
Ты появляешься, чтобы уйти навеки?
Стать лунною дорожкой на воде?
Иль радужкой стрекозьего крыла?
Пыльцой цветочной?

Молоком и медом?..

Ты только возвращайся год за годом,
Сгорая всякий раз дотла.

ЕЛЕНА ДРОЗДОВА

ВЕРОНИКЕ

To Veronique Carroll

И было так:

Зимой, во дни календаря, родился страх
И рухнул балкою впотьмах на дно желудка,
И слово "рак", не помню как, вползло в рассудок.
Но это после, а пока проник в сосуды
И тек, как ржавая вода по медным трубам.

*Была на мне рука Господня, и Господь
вывел меня духом и поставил меня среди поля,
и оно было полно костей.*

Друг Вероника,

Теперь как в погребке темно, как в склепе тихо...
А было это или нет, когда надеждой вспыхнул свет,
И облегченный вышел вздох? И вот тогда-то
Произносилось слово "Бог".

И не оплакать!

Когда узнали результат, взвились как плаха
Над безволосой головой стропила страха,
И, падая, пробили пол, воткнулись косо -
Над головой не небосклон, а крыши плоскость.
Стучит в висках. Сейчас войдут и кран откроют,
Чтоб накипь ржавчиною смыть - твоею кровью.

ЕЛЕНА ДРОЗДОВА

*И сказал мне: Сын человеческий!
Оживут ли кости сии?
Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это.*

Строитель веры,
Дух начал снова управлять и править стены,
Плечом направо, на восток, локтем налево -
Над головой не потолок, а бездна неба, -
И возводить вдоль стен столбы: не дом, а церковь
С большим стволом до синевы небесной в центре.
Гляжу вверх, голову задрал: вот так бы, мне бы,
Ветвистой кроной в небесах, что выше неба!

*И сказал мне: Изреки пророчество на кости сии
и скажи им: Кости сухие, слушайте слово Господне!*

И всё равно
Я не могла никак взять в толк, и не хотела,
Что - вот твой прах, и это то, что было тело,
Щепотка пепла, *Veronique*, не опознаться бы,
Когда поедут хоронить тебя во Францию;
Не осознать и чем была та лейкемия,
И не звучат пока слова Иезекииля:

*Так говорит Господь Бог костям сим:
Вот Я введу дух в вас - и оживете,
и обложу вас жилами, и выращу на вас плоть,
и покрою вас кожей, и введу в вас дух, -
и оживете, и узнаете, что Я - Господь.*

Ты умерла.
Толпа друзей переполняет зал
И не хватает места для всех, кто тебя знал.
Я вышла через дверь в безлюдье леса,
Где языком весеннего листа
Бог говорит: Воскресну!

Ноябрь 2002

ЕЛЕНА ДРОЗДОВА

"Воистину, сей Божий сын"

Заклепки круглые, которыми к иконе
Прибит оклад, горят на медном фоне,
Как гвозди, и на мысль наводят,
О том, что здесь изображенный воин,
Крест возносящий, тою же рукой
Безжалостно их забивает в нозе
И руци тех, кого на крест возносит
Судьбой.

Заклепки круглые, которыми к иконе
Прибит оклад, горят на медном фоне,
Как звезды мелкие, горевшие когда-то
Холодной ночью мерзнувшим солдатам,
Закончившим с работой поздно,
Но плата окупает неудобство,
Подогревая чувство превосходства;
Поэтому изображенный воин
Чужд жалости и безразличен к боли
(К чужой в такой же мере, как к своей)
Поскольку дух его еще грубей
Ладоней.

Легионер, ладонями к костру,
Еще не получившими расплату,
Лицом к кресту,
Спиной ко граду,
Был поражен не тем, что правоту
Распял, а что увидел правду.

30.9.02

ЕЛЕНА ДРОЗДОВА

* * *

Я уйду в леса
моего лица
там не знал никто
там где тень листа
подберет река
отнести на дно

вдоль воды кусты
что такое ты
даже вслед листу не смотри
в небе и под ним
на ребре струи
вы с ним в эти дни
не одни

Отвернусь в кусты
тут река блестит
и в глазах рябит
ну и что
в числах октября
тихий свет разлит
и невольно довольно элит
ибо вякий кто
здесь был до меня
об него заточил перо

не смотри в кусты
что такое ты
что такое "Я" что в тебе сидит
что такое то
что тебя так элит
наполняя собой ничто?

Октябрь 2002

ВЛАДИМИР ДОБИН

СОЛНЦЕ

Из всех цветов я выберу один -
не красный, не зеленый и не синий,
он обжигает мне лицо в хамсин
и тонет к вечеру за кромкой ватерлиний.

И нету слов, чтоб описать его:
слепящий - в небе,
тающий - над морем,
палящий - в эной,
вдруг опаливший горем,
и я - один,
и рядом - никого.

Куда он смотрит, страждущий Ван-Гог?
Зачем ему мильон автопортретов?
Какое в Арле сумрачное лето...
Как будто специально для него.

А тут, у нас, такой небесный жар!
Наверно, впрямь он нам ниспослан в дар -
мы все его авансом получили.

Но Б-г, конечно, знает лучше нас,
кому и что положено сейчас,
чтоб мы Его за жизнь благодарили.

5 июля 2002

ВЛАДИМИР ДОБИН

ДОМ

А он, уснувший, замолчавший,
Лишенный всех дневных забот,
похож на музыкальный ящик -
без клавиш,
на тетрадь - без нот.

И в этой тишине неожиданно,
неотразимо и легко
вдруг зазвучало фортепиано -
вон там, совсем недалеко.

И звуки хлынули наружу
из окон всех и из дверей,
как дождь, промчавшийся по лужам
или над степью - суховой.

О, сколько нежности и страсти,
и сколько затаенных мук
в стаккато, рвущемся на части,
в крещендо, высветившем звук.

Ура! Да здравствует соседство!
Ведь только музыка сама
сейчас - единственное средство
от страха - не сойти с ума,
от скуки - не пропасть в миноре,
от горя - не запить от горя,
всё в этой жизни превозмочь -
о, Господи, какая ночь!

2 февраля 2003

ВЛАДИМИР ДОБИН

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ

На всё даны нам вечностью права:
всё наше здесь - и небо, и трава,
и этот лес - до тех Ливанских гор,
откуда бьют орудия в упор,
и это море - к берегам чужим
мы, всем назло, сегодня не спешим -
мы были там и навсегда ушли
и корабли без жалости сожгли,
и город наш под небом голубым
веки не рассеется, как дым.
Одно лишь, Боже, помоги понять:
как нам сейчас всё это отстоять.

7 января 2003

* * *

Не перечь, если ясен ответ,
не упорствуй, последствия зная, -
ничего очевиднее нет:
сможешь выжить ты, лишь уступая.

Словно осенью - лист на ветру
и весной - в половодье - запруда.
Даже ночь отступает - к утру.
Вот и всё невеликое чудо.

Но как хочется - всем вопреки
человечьим и Божьим законам -
жизнь начать, будто с новой строки -
несдающимся,
непреклонным...

3 февраля 2002

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

ВЫСОКИЙ ГОРОД

Филадельфии

Не всем понятна музыка города.
Но металлический скрежет звучит гордо.
Город высокий, убивший природу,
родил человека твердой породы.
Город идет сквозь леса и реки,
через годы, не смежавшие веки.
Смотрит город человеку в глаза...

А в русском доме мерцают еще образа.
И я еще где-то в пути,
не в силах уйти и не в силах прийти,
домой прийти издалёка.
Столбовая в город вела дорога.
Город - стеклянный дневной кошмар.
Город - еще один день победы.
Город - высокий каменный дар:
напророчить беду и заколдовывать беды.

А в зеркале, помутневшем от времени,
отразилась Десна, отразился Остер -
прошедшим временем двух сестер.
И город музыкой джаза не стер
пронзительный ветер потерь.
Закрывается ветхая дверь.
Только город твердит: Не верь!
Эта дверь никогда не закроется.
Будет праздник, зовущийся Троица,
и в огнях придет Рождество.
Будет в городе торжество.

И я буду жить, в небеса провожая,
высоких камней крылатую стаю.

2003

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

ВЕСНА

Сирень цвела в садах и в вазах,
Художник ликовал, писал сирень.
Была весна. Была война. В противогазах
бежали женщины, в опасный пробуждаясь день.

Была опять война. Летели бомбы -
попробуй, сосчитай убитых наповал.
Подвал стонал. Похож на катакомбы
был каждый погреб, замок и вокзал.

Но едешь ты куда, спешишь откуда?
Куда опять без памяти бежишь?
Спасешься от чего? Какого чуда
ждешь от кого, упрямый *нувориш*?

Вон в ту войну готический не выжил замок.
Теперь - куда уж тысяче одной ночи?
Мосты бегут от берегов, холсты из рамок.
Весна, весна, чего же ты молчишь?

Она цветет. Кому подвластны вёсны?
Война. Сирень в садах подобна небесам.
И Пасху возвещает день великопостный,
врата открывший в опустевший храм.

2003

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ

Он стоит где-нибудь в парке Нью-Йорка,
слепыми глазами глядя зорко
на город, не отрывая каменных рук от тела,
которое когда-то любить и летать хотело.
Но стало каменным. Вокруг суетятся люди,
сжимая кулаки, выпячивая груди.
На следующий день у них снова войны:
Ближний, Дальний восток - всё беспокойно.
Ангел стоит лицом к Нью-Йорку.
Снег пошел, намел снеговую горку.
Горько окаменеть и молчать о вере,
когда вершат молебны живые пантеры,
когда ни летать, ни трубить победу,
когда воскресенье похоже на каждую среду,
когда не поймешь: свадьбы иль панихиды?..
Говорят об ангелах бойкие гиды.
Вот музеи, театры, соборы -
по ним гуляют праздные взоры.
А снег идет. И война уже неизбежна.
Ангел каменный улыбается нежно.
На палитре художник мешает краски,
детям в школах надевают костюмы и маски,
а клоуны-фокусники тасуют странные карты,
в которых победы, жертвы, азарты...

Каменный ангел стоит. В парке бегают детки.
Март. Птичка поет весну, прыгая с ветки на ветку.

Март 2003

ОБ АВТОРАХ

АКСЕЛЬРОД, Елена Мееровна, Арад, Израиль. Поэт, детская писательница, переводчик. Род. в 1932 г. в Минске, жила и работала в Москве. В Израиле с 1990 г. Сб. стихов: "Окно на север", 1976; "Лодка на снегу", 1986; "Стихи", 1992; "В другом окне", 1994.

БАТШЕВ, Владимир Семенович, Франкфурт-на-Майне, Германия. Поэт, сценарист, основатель и редактор журнала "Литературный Европеец" редактор и составитель антологии русских поэтов в германии "Муза Лорелея", 2002. Род. в 1947 г. в Москве. Был одним из организаторов и руководителей литературного общества СМОГ (Смелость, Мысль, Образ, Глубина). На Западе с 1995 г. Автор роман-документа "Записки тунейдца" (проза и стихи), 1994.

БУШМАН, Ирина Николаевна, поэт, эссеист, литературный критик, переводчик. Род. в 1921 г., выросла в Царском Селе. Покинула Россию в 40-х гг. Печатается в зарубежной и российской периодике.

ВЕРБИЦКАЯ (Крутовская), Лина Азриелевна, Блумфилд, шт. Нью-Джерси. Поэт, прозаик, журналист. Род. в 1935 г. в Одессе. Эмигрировала в США в 1992 г. Сб. стихов: "Встреча", 1990; "Дальние ответы" (книга стихов и рассказов), 2000.

ВИТКОВСКИЙ, Евгений Владимирович, Москва. Поэт-переводчик, прозаик, литературовед, редактор, издатель, составитель антологий переводной и русской поэзии, знаток зарубежной литературы. Род. в 1950 г. в Москве, жил в Сибири, в Средней Азии и на Западной Украине.

ВЛАДИМИРОВА, Лия (Юлия Владимировна Дубровкина), Натания, Израиль. Поэт, прозаик. Род. в 1938 г. в Москве. В Израиле с 1973 г. Сб. стихов: "Связь времен", 1975; "Пора предчувствий", 1978; "Снег и песок", 1982; "Письмо к себе" (проза и стихи), 1985; "Стихотворения", 1988; "Мгновения", 1992.

ГАМАРНИК, Ксения Леонидовна, Филадельфия. Художник, театровед, публицист. Род. в 1969 г. в Киеве. На Западе с 1994 г. Участница персональных и групповых выставок на Украине, в России, в США. Представлена во многих частных коллекциях Европы и США.

ГАРБЕР, Марина Юрьевна, Чикаго. Род. в 1968 г. в Киеве. На Западе с 1990 г. Сб. стихов: "Дом дождя", 1995; "Город" (совм. с Г. Лайтом), 1997; "Час одиночества", 2000.

ГАШУРОВА, Вероника Дмитриевна, Нью-Йорк. Живописец, график, иллюстратор, дизайнер. Род. в 1932 г. в Киеве. На Западе с 1943 г. Участница многочисленных выставок в США. Автор серии открыток, выполненных по заказу ЮНЕСКО.

ГОЛЛЕРБАХ, Сергей Львович, Нью-Йорк. Живописец, график, эссеист, педагог, автор ряда книг по искусству и сборников эссе. Род. в 1923 г. в Детском Селе. На Западе с 1942 г. Член Американской Национальной Академии Художеств, Американского Общества Акварелистов и др. Представлен во многих музеях и галереях США и Европы.

ГОЛОВИН, Геннадий Леонидович, Винвуд (Wynnewood), Пенсильвания. Род. в 1956 г. в Алчевске, Луганской обл. На Западе с 1999 г. Сб. стихов: "Болен я Двадцатым веком", 1997; "Гамаюн - птица вещая", 2000; "О любви разной...", 2002.

ГРИНДЛИНГЕР, Татьяна Мартиновна, Филадельфия. Поэт, журналист, переводчик. Род. в 1966 г. в Иванове. Публикуется в зарубежной и российской периодике.

ГРИЩЕНКО, Александр Игоревич (см. стр. 33)

ДЕРИЕВА, Регина Иосифовна, Марста, Швеция. Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Род. в 1949 г. в Одессе. Покинула Сов. Союз в 1991 г. С 1999 г. живет в Швеции. Автор около двадцати книг стихов и прозы. Переведена на многие иностранные языки.

ДИМЕР, Евгения Александровна, Вест Орандж (West Orange), Нью-Джерси. Поэт, прозаик, эссеист. Род. в 1925 г. в Киеве. На Западе с 40-х гг. Сб. стихов: "Дальние пристани", 1967; "С девятого вала", 1977; "Молчаливая любовь" (стихи и рассказы), 1979; "Две судьбы", 1993; "Здесь даже камни говорят", 2001.

ДОБИН, Владимир Григорьевич, Ришон ле-Цион, Израиль. Поэт, редактор газеты "Новости недели", Тель-Авив. Род. в 1946 г. в Москве. В Израиле в 1992 г. Сб. стихов: "Христос", 1989; "Полдень", 1995; "Поздний свет", 1995; "Горькое вино", 1997; "Следы на песке", 2001.

ДРОЗДОВА, Елена Николаевна, Дженкинстаун (Jenkintown), Пенсильвания. Поэт, художник. Род. в 1957 г. в Москве. На Западе с 1989 г. Публикуется за рубежом.

ДУБОВИЦКИЙ, Николай Андреевич, Висбаден. Поэт, журналист, врач, член Союза русских писателей в Германии. Род. в 1935 г. в Семипалатинске, Казахстан. В Германии с 1991 г. Сб. стихов: "Далекие дали Сары-Арки", 1996. Публиковался в Казахстане и в России.

ЗАХАРОВ, Владимир Евгеньевич, Тусон (Tuscon), шт. Аризона. Поэт, физик-теоретик, математик. Род. в 1939 г. в Казани. С 1984 г. - академик Российской Академии Наук. Сб. стихов: "Хор среди зимы", 1991; "Южная осень", 1992.

ЗИНОВЬЕВА, Любовь Сергеевна, Гамбург. Поэт, прозаик. По профессии лесовод. Род. в 1958 г. в г. Алексин, Тульская обл. С 1980 по 1996 г. жила в Москве. На Западе с 1996 г. Сб. стихов - "Луна в стакане", 2000.

ЗОРИН, Фрэдди Натанович, Ашдод, Израиль. Поэт, радиожурналист. Род. в 1949 г. в Баку. В Израиле с 1990 г. Сб. стихов: "Берег родного дома", 1995; "Близкая даль", 1997; "Долгий миг", 2000.

ИЛЬИНСКИЙ, Олег Павлович, Нью-Йорк. Поэт, литературный критик, профессор-славист. Род. в 1932 г. в Москве. На Западе с 1944 г. Сб. стихов: "Стихи", 1960; "Стихи. Книга вторая", 1962; "Стихи. Книга третья", 1966; "Стихи. Книга четвертая", 1976; "Стихи. Книга пятая", 1981; "Стихи. 1981-1996. Из записок", 1996; "Стихи. Книга седьмая. Проза", 2002.

ИНОЗЕМЦЕВА, Елена Александровна, Лейпциг, Германия. Поэт, художник-постановщик, журналист, педагог. Род. в 1975 г. в Семипалатинске (Казахстан). На Западе с 1995 г. Публиковалась в Казахстане, а ныне за рубежом.

КАЗАК, Вольфганг Германович (см. стр. 25)

КОЛЬЦОВА, Ольга Петровна (см. стр. 63)

КОРОЛЕВА, Нина Валериановна (см. стр. 81)

КРАВЦОВА, Марина Игоревна, Кёльн. Род. в 1959 г. в Москве. Эмигрировала в Германию в 1995 г. Сб. стихов: "Разведенные мосты", 1994; "Зеркальный коридор", 1995; "Арабески", 1999; "Маятник", 2001.

КУЛИШОВА, Инна Григорьевна (см. стр. 165)

КУЧИНСКАЯ, Марина Викторовна, Хельсинки. Род. в 1961 г. в Москве. В 1994 г. уехала из России во Францию. С 1995 г. живет в Финляндии. Печатается в зарубежных периодических изданиях.

КУЧУКОВА, Маргарита Михайловна, Перпиньян, Франция. Род. в 1959 г. и в семье потомственных ювелиров в с. Эдемирово, Красносельский р-н. На Западе с 1994 г. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

ЛАЗУХИН, Виктор Сергеевич, Филадельфия. Живописец, профессор-график. Род. в 1927 г. в Краматорске. На Западе с 1943 г. Участник многих национальных и международных выставок. Член Пенсильванской Академии Художеств, Американского Общества Цветных Эстампов и др. Представлен во многих музеях и галереях США и Европы.

ЛАЗУХИН, Михаил Сергеевич, Филадельфия. Живописец, профессор-график. Род. в 1923 г. в Краматорске. На Западе с 1943 г. Член Американской Академии Художеств. Представлен во многих музеях США и Европы.

ЛЕВИНЗОН, Рина Семеновна, Иерусалим. Поэт, прозаик, переводчик, педагог. Род. в Москве. В Израиле с 1976 г. Сб. стихов: "Путешествие", 1971; "Прилетай, воробушек" (стихи для детей), 1974; "Два портрета", 1977; "Веселые стихи", 1978; "Снег в Иерусалиме", 1980; "Зарифмую два имени наших" (на иврите), 1981; "Отсутствие осени", 1985; "Gedichte" (натемецком), 1986; "Ветка яблони, ветка сирени", 1986; "Первый дом... последний дом", 1991; "Колыбельная отцу", 1993, "Этот сон золотой", 1996; "Седьмая свеча", 2000; "Ты не один, ты не одна" (стихи для детей), 2000; "Мой дедушка Авремл" (стихи для детей), 2002.

ЛЕГКАЯ, Ираида Иоанновна, Клифсайд, Нью-Джерси. Поэт, переводчик, радиожурналист. Род. в 1932 г. в Тартаке, Латвия. Жила в Риге (1936-1944). В США с 1949 г. Сб. стихов: "Попутный ветер", 1968; "Подземная река", 1999.

ЛЕНЧИК, Лев Ефимович, Бонита Спрингс, шт. Флорида. Род. в 1937 г. в Одессе. На Западе с 1977 г. Сб. стихов: "Вдоль по азбуке", 1996; "По краю игры", 2000.

ЛИБЕРМАН, Анатолий Симонович, Миннеаполис. Поэт, переводчик стихов на русский и английский, литературный критик, профессор-германист и славист. Род. в 1937 г. в Ленинграде. На Западе с 1975 г. Сб. стихов: "Врачевание духа", 1996.

ЛИТИНСКАЯ, Алина Ибрагимовна, Чикаго, Иллинойс. Поэт, прозаик, эссеист, музыкант. Род. в 1932 г. в Киеве. На Западе с 1997 г. Публикуется в России, Украине и США. Автор книги "Дом" 1997.

ЛОСЕВ, Лев Владимирович, Гановер, шт. Нью-Хемпшир. Поэт, литературный критик, профессор-славист. Род. в 1937 г. в Ленинграде. Сб. стихов: "Чудесный десант", 1985; "Тайный советник", 1988; "Новые сведения о Карле и Кларе", 1995; "Послесловие", 1998; "Стихотворения из четырех книг", 1999; "Собранное. Стихи и проза", 2000.

ЛЮБАРСКИЙ, Роман Рафаилович, Иерусалим. Поэт, прозаик, журналист. Род. в 1957 г. в Кировограде (Украина). В Израиле с 1998 г. Сб. стихов: "Время звезд и дождей", 1995; "О природе любви", 1998; "На пороге в XXI-й", 2000.

МАЗЕЛЬ, Михаил Евгеньевич, Нью-Йорк. Поэт, иллюстратор. Род. в 1967 г. в Москве. Эмигрировал в США в 1997 г. Сб. стихов: "Нити дорог", 2001.

МАЛЬЦЕВА, Надежда Елизаровна (см. стр. 129)

МАМОНОВА, Татьяна Валентиновна, Нью-Йорк. Поэт, прозаик, живописец, график, редактор журнала "Женщина и Земля". Основатель первой женской НГО (негосударственной организации) "Женщина и Россия" (ныне - "Женщина и Земля"). На Западе с 1980 г. Стихи, очерки, графика - "Les Succes d'estime", 2002. Мамонова - участница многочисленных выставок в США и Европе.

МАШИНСКАЯ, Ирина Викторовна, Фэйр-Лоун (Fair-Lawn), шт. Нью-Джерси. Поэт, переводчик, эссеист, критик, педагог. Род. в 1958 г. в Москве. На Западе с 1991 г. Сб. стихов: "Потому что мы здесь" (на русском и английском), 1995; "После эпитафии", 1996; "Простые времена", 2000; "Стихотворения", 2001. Книга переводов из Крэйга Чури - "Параллельное течение", 1999.

МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН, Игорь Михайлович, Филадельфия. Поэт, прозаик, редактор альманаха "Побережье" и антологии "Филадельфийские страницы" (1998). Род. в 1943 г. в г. Мары (Туркм. ССР). На Западе с 1979 г. Сб. стихов: "Посадить дерево", 1983; "Окно в лето", 1986; "Утро в зеркале", 1995; один из авторов сб. "Триада", 1996; "Отраженные дни", 1998; один из авторов сборника "Приближение", 1999; "Reflected days", 2001.

МОЛОДЯКОВ, Василий Элинарлович, Токио. Поэт, историк-японист, литературовед, докторант Токийского ун-та. Род. в 1968 г. в Москве. С 1995 г. живет в Токио. Автор пяти книг, в том числе: "Неизвестные поэты...", 1995-1996; "Мой сон и новый и всегдашний...", 1996. Составитель книг "Венок Брюсову", 1994; "Валерий Брюсов, Неизданное и несобранное", 1998.

ОРЛАРСКАЯ, Наталья Мартиновна, Филадельфия. Скульптор, поэт, живописец, график. Род. в 1961 г. в Иваново, жила в Туле. В США с 1992 г. Участница российских и американских выставок.

ПЕРЕЛЕШИН, Валерий Францевич (см. стр. 106)

ПОПЛАВСКИЙ, Борис Юлианович (см. стр. 11)

ПОПОВ, Юрий Владимирович, Вустер (Wooster), шт. Огайо. Род. в 1934 г. в Краснодаре. На Западе с 1992 г. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

ПУШ, А. (псевд. Александра Александровича Пушкина), Нью-Йорк. Род. в 1957 г. в Москве. На Западе с 1986 г. Сб. стихов - «Второй завтрак», 1996.

РАХМАН, Виталий Давидович, Филадельфия. Художник-дизайнер, поэт, издатель нескольких газет в Филадельфии и Нью-Джерси. Род. в 1945 г. в Херсонесе (пригород Севастополя). На Западе с 1980 г. Сб. стихов - "Времени чаша без дна", 1991.

РЕЗНИК, Раиса Оскаровна, Сан-Франциско. Род. в 1948 г. в с. Песчанка Винницкой обл. На Западе с 1994 г. Сб. стихов: "На грани" (на русск. и англ.), 1997; "О главном и вечном" (поэтическое переложение еврейских пословиц), 1997; "Точка опоры", 1999.

РОДИОНОВА, Ольга Радиевна, Филадельфия. Поэт, эссеист, журналист. Род. в 1959 г. в Барнауле (Алтай). Сб. стихов: "Мои птицы на ветках", 1999; "За крысоловом", 2001.

РОЗВАДОВСКИЙ, Юрий Родионович, Вилловик (Willowick), шт. Огайо. Поэт, прозаик, бард. Род. в 1957 г. в Ташкенте. На Западе с 1996 г. Коллективные поэтические сб. стихов: "Ростки", 1985; "До востребования", 1990; "Свежий ветер", 1990; "Смогу!", 2000.

РОТОВ, Михаил Дмитриевич, Трентон, Нью-Джерси. Род. в 1923 г. в Югославии. В 1946 г. уехал в Австрию, а в 1950 г. эмигрировал в США. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

САДХИН, Георгий Семенович, Филадельфия. Род. в 1951 г. в Сумах. На Западе с 1994 г. Сб. стихов (совместно с Е. Гейхман, В. Судакиным, Э. Фридманом) - "4", 2000. Публикуется в зарубежной и российской периодике.

СИНКЕВИЧ, Валентина Алексеевна, Филадельфия. Поэт, литературный критик, эссеист, редактор ежегодника "Встречи" и антологии "Берега", 1992; автор (совместно с Д. Бобышевым и В. Крейдом) справочника "Словарь поэтов русского зарубежья", 1999. Род. в 1926 г. в Киеве. На Западе с 1942 г. Сб. стихов: "Огни", 1973; "Наступление дня", 1978; "Цветенье трав", 1985; "Здесь я живу", 1988; "Избранное", 1992; одна из авторов сборника "Триада", 1996; "Поэтессы русского Зарубежья - Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич", 2000.

СОЛОЖЕНКИНА, Светлана Львовна (см. стр. 115)

СУНДЕЕВ, Николай Владимирович, Сан-Франциско. Поэт, публицист, редактор сан-францисской русскоязычной газеты «Кстати». Издавал и редактировал «Строку» - первую в Молдавии газету на русском языке. Род. в 1954 г. в пос. Григориополь. На Западе с 1994 г. Сб. стихов: «Знак осени», 1979; «Сородичи», 1984; «Оклик», 1989; «Кромка», 1992; «Путь ишу я к свободе своей», 1994; «Мы солнца ждали», 1997; «Свеченье дня», 2002.

СЫРОВ, Валерий Михайлович, Одесса. Живописец, график, иллюстратор, скульптор, музыкант. Род. в селе Эдемирово, Красносельский р-н (около села Красное) в семье потомственных ювелиров. Работы Сырова находятся в музеях Одессы, Киева и также в частных коллекциях многих стран мира.

ТЕМКИНА, Марина Залмановна, Нью-Йорк. Поэт, эссеист, переводчик, художник. Род. в 1948 г. в Ленинграде. Эмигрировала в 1979 г. Сб. стихов: "Часть речи", 1985; "В обратном направлении", 1989; "Каланча", 1995.

ФАЙНБЕРГ, Нора Сауловна, Филадельфия. Поэт, прозаик, переводчик, врач. Род. в 1929 г. в Москве. На Западе с 1978 г. Сб. стихов: "Свет и тени", 1994; одна из авторов сб. "Триада", 1996; "Следы на песке", 1997; "Post mortem", 2001.

ФЕТ, Виктор Яковлевич, Хантингтон, Вэст Вирджиния. Род. в Кривом Роге (Украина). Закончил Новосибирский ун-т. Эмигрировал в США в 1988 г. Сб. стихов - "Под стеклом. Стихи и другие сочинения", 2000.

ХРОМЧЕНКО, Яков Борисович, Натания, Израиль. Поэт, прозаик, сценарист. Род. в 1924 г. В Израиле с 1973 г. Сб. стихов - "Берез весеннее вино", 1998; "И сад в снегу, и даль в цвету", 2003.

ЧЕРКАССКИЙ, Михаил Ефимович, Филадельфия. Поэт, баснописец. Род. в 1924 г. в Одессе. На Западе с 1979 г. Сб. стихов - "Синяя птица", 1994.

ШКОЛЬНИК, Леонид Семенович, Нью-Йорк. Поэт, педагог, психолог. Род. в 1947 г. в Москве. На западе с 1999 г. Сб. стихов: "Стихотворения", 1999; "Перспектив Парк", 2001.

ШКОЛЬНИК, Мария Леонидовна, Нью-Йорк. Поэт, бард, журналист. Род. в 1975 г. в Москве. Эмигрировала в 1997 г. Сб. стихов - "Посвящения", 2001.

ШУЛЬПЯКОВ, Глеб Юрьевич (см. стр. 191)